ЖЗЛ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ
Основана в 1933 году М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК
12

[362]

МОСКВА — 1960

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

УЛУГБЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Каждая человеческая жизнь поучительна. Но жизнь человека великого поучительнее вдвойне. В ней все выражено нагляднее, резче — и падения и взлеты.

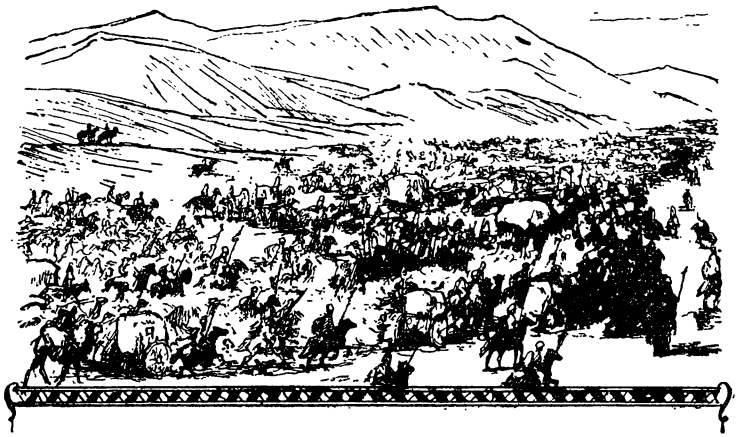
Перед вами такая жизнь. В ней было немало радостей и тревог, бессонных ночей и преступлений, крови, подвигов и вероломства. Она так богата событиями — схватками, погонями, убийствами, что можно сочинять приключенческий роман.

Но это не роман, а биография, созданная на твердой почве строгих, неоспоримых фактов. Перед вами жизнь человека, которого звали Улугбек. Настоящее имя его было иным, но его забыли. А Улугбека будут помнить и через тысячи лет.

Он был царем, внуком Тимура; любил охоту, стихи, музыку, веселье пирушек. Но он стал великим ученым и размышлял о загадочных судьбах звезд до той последней минуты, когда голову его срубила сабля убийцы. Сабля оказалась очень острой: еще и сейчас, спустя пять веков, ее след заметен на его черепе...

Открытия Улугбека далеко опередили свою эпоху и живут в науке до сих пор. Они помогли человечеству проложить дорогу к звездам.

Таким восстановил облик Улугбека на склоне его жизни советский ученый-скульптор М. М. Герасимов.



ВНУК ТИМУРА

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь — удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и горсть земли сырой.
Омар Хайям

Он родился в пути, в боевом походе... Армия Тимура шла завоевывать Кавказ. Как всегда, Повелителя Мира сопровождали не только взрослые сыновья, но и жены, наложницы, жены сыновей и малолетние внуки. Даже беременной Гаухар-Шад, жене царского сына Шахруха, не позволили остаться дома.

Во время долгой стоянки обоза в Султании Гаухар-Шад 22 марта 1394 года родила Тимуру еще одного внука. Когда гонец, скача почти целый месяц, привез весть об этом в Месопотамию, в передовой отряд, Тимур так обрадовался, что вопреки обыкновению пощадил защитников захваченного

накануне города. Это было первое доброе дело, совершенное новорожденным, — пока еще без своего ведома...

Мальчика назвали Мухаммед-Тарагаем. Прежде чем глаза его начали различать окружающий мир, а губы сумели произнести первое слово, крошечный Мухаммед уже успел совершить несколько дальних путешествий. Его колыбель везли вслед за армией по каменистым дорогам Армении, по болотистым равнинам Месопотамии, по горным перевалам Ирана. Потом угрук — так называли царский обоз — был отправлен в Самарканд, чтобы вскоре снова двинуться вслед за воинами в чужие края — через пустыни и горы, через реки и болота, опять на Кавказ.

Мухаммед-Тарагай долго не знал родины. Не помнил он и своей матери. Вскоре после рождения его отобрали у нее и отдали на воспитание старшей жене Тимура, властной Сарай-Мульк-Ханым. Таково было правило, которое никто не смел нарушить. Мальчик виделся с матерью и отцом лишь изредка, проездами через Герат, где Шахрух был наместником.

Воля Тимура посылала воинов на завоевание все новых и новых стран.

— Вся вселенная не заслуживает того, чтобы иметь двух повелителей, — говорил он приближенным.

И повсюду вслед за армией кочевал и маленький Мухаммед-Тарагай. Из всех своих многочисленных внуков Тимур почему-то особенно привязался к этому худенькому, слабому здоровьем мальчику. И придворные, заметив такую привязанность, стали угодливо называть Мухаммеда Улугбеком — «великим беком».

Постепенно это прозвище так прижилось, что настоящее имя совсем забыли. Как Улугбек он и вошел в историю.

Осенью 1398 года Тимур двинул свои тумены на Индию. Он снова хотел взять с собой и Улугбека, и только боязнь за здоровье внука в чужой стране

с влажным и жарким климатом заставила его отказаться от этого намерения. Улугбек и Сарай-Мульк провожали армию до Кабула. А через полгода первыми встречали ее весенним вечером на берегу Аму-Дарьи возле Термеза.

Улугбеку исполнилось уже пять лет, и встреча эта была первым ярким воспоминанием его жизни. Торжественно ревели огромные медные трубы — карнаи. Солнце ярко сверкало, отражаясь в блестящих щитах воинов, — казалось, оно светит отовсюду. Свежий ветер колыхал белые султаны на шлемах.

Через реку навели специальный плавучий мост, устланный коврами. Когда Тимур проехал по нему, мост немедленно разрушили: никто не смел вступить на него после Повелителя Мира. Армия переправлялась вплавь. Над мутной водой всю ночь стоял разноголосый шум, сверкали факелы, неистово ржали кони.

Нескончаемой цепью спускались к реке вьючные лошади, ишаки, верблюды. Они несли богатейшую добычу, захваченную в сожженных и растоптанных индийских городах. Словно ожившие горы, брели через реку слоны с пестрыми попонами и резными беседками на спинах. Их было так много, что Улугбек сбился со счета и только восторженно вскрикивал и хлопал в ладошки.

Тимур сделал двухдневную остановку в Термезе. И все это время через реку переправлялись воины, перевозили награбленные сокровища, перегоняли угрюмых, обессилевших от дальнего пути рабов. Их были тысячи. Во всех захваченных городах Тимур приказал отбирать лучших мастеров: каменщиков, живописцев, оружейников, чеканщиков — и, заковав в цепи, гнать в Самарканд.

Днем и ночью звенели цепи на переправе. Но Улугбек не слышал этого похоронного звона, увлекаясь пирами, которые устраивали по нескольку раз в день в честь Тимура, и заслушиваясь рассказами о геройских подвигах багатуров.

Мальчик завидовал двоюродному брату Халилю. Еще бы — в бою за индийскую столицу, когда вой-

ско Тимура на какой-то миг дрогнуло под натиском вражеских боевых слонов, смелый Халиль первым кинулся вперед и даже захватил одного слона и пригнал его в подарок к шатру деда. А ведь Халилю всего пятнадцать лет...

«Скорее бы подрасти! — мечтал Улугбек. — Мчаться на коне в самую гущу сечи, тысячами повергать врагов, захватывать у них слонов, оружие, красивые камни». Он видел лишь парадную сторону войны и совсем не думал о том, сколько крови и грязи оставили на вытоптанных индийских полях воины Тимура. Он не знал, что по приказу его деда перед битвой у стен Дели в одну ночь перебили сто тысяч безоружных пленников — просто так, для острастки и из опасения, как бы они не восстали.

Улугбек упивался хвастливыми рассказами, гордился своим непобедимым дедом, был совершенно ошеломлен пышной роскошью пиров и победных празднеств, которым не виделось конца. Пировали в каждом городе по пути к Самарканду и особенно на родине Тимура, в Кеше, где, как велеречиво записали придворные историки, «в течение пятнадцати дней его величество отдыхал в тамошнем дворце, утешаясь конем безмятежной небесной сферы, течением государственных дел по желанию, движением звезд, покорных его велениям, временем, состоящим у него слугою, и судьбою, его рабыней».

Пировали все лето и в Самарканде. Тимур решил сделать его столицей мира. В центре городской крепости он приказал построить громадный, в четыре этажа, дворец Кок-Сарай. Дворец получился какой-то странный — мрачный, угрюмый, больше похожий на тюрьму. Он и в самом деле стал тюрьмой для пленных чужеземных мастеров, которые денно и нощно ковали здесь мечи, кольчуги, щиты. Тут же, в Кок-Сарае, хранилась казна.

Самарканд и прежде славился малиновым бархатом, который вывозили отсюда во многие страны, шелком, тафтой и превосходной бумагой. Сотни водяных мельниц шумели по берегам арыка Оби-Рахмат, приводя в движение бумажные станки.

Теперь Тимур решил завести и новые ремесла, чтобы руками пленных мастеров приумножить славу Самарканда. Из далекого Дамаска везли ткачей, которые умели выделывать узорчатые шелковые ткани, стеклодувов и гончаров, оружейников, славившихся своими клинками и дальнобойными гибкими луками. Из Турции пригнали каменщиков и золотых дел мастеров. Чужеземные инженеры и бомбардиры трудились в подвалах Кок-Сарая над изготовлением новых смертоносных катапульт.

Тимур не брезговал ничем. Порой он действовал, как заправский мелкий вор. Из Герата, например, он увез... городские ворота и поставил их в своем Кеше.

Сколько людей было оторвано от родных мест и согнано в Самарканд, никто не знал точно. Говорили, будто не менее полутораста тысяч человек. Во всяком случае, все пленники не умещались в городе. Многие жили в пещерах, зиявших на склонах старого городища Афросиаба, или просто под деревьями у городских стен.

Тимур строго следил, чтобы пленники не ели зря хлеба. Между пирами в загородных садах он почти каждый день находил время для поездок по городу. Пустели улицы, закрытые навесами от солнца, замирали купцы в своих лавках, стихал базарный шум, когда проезжал на белом жеребце Тимур, окруженный свитой. Он сидел в седле прямо, не сутулясь, не глядя по сторонам, но глаза его подмечали малейший непорядок, и тогда виновным не приходилось ожидать пощады.

Улугбек часто сопровождал деда в поездках, стараясь сидеть на коне так же свободно и легко. Присутствовал он и при закладке грандиозной соборной мечети, постройкой которой решил ознаменовать Тимур свои победы. Чтобы мечеть стояла вечно, время для закладки долго выбирали придворные звездочеты — астрологи, а историки поспешили занести о таком событии в летописи:

«В воскресенье четвертого числа, месяца рамазана, 801 года, который соответствует четвертому году

Зайца, когда Луна, бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника Солнца и соединилась с шестиугольником звезды Зухрат*, искусные инженеры и опытные в познаниях мастера в час, счастливый и удобный для предсказания по звездам, положили основание постройки. Исполнители работ и проворнорукие мастера, каждый из которых был лучшим в стране и единственным в государстве, обнаружили высокие свойства ловкости и умения в укреплении устоев и возведении фундамента. Двести человек каменотесов из Азербайджана, Фарса, Индостана и других стран работали в самой мечети, а пятьсот человек в горах упорно трудились над обтесыванием камня и отправкой его в город. Артели мастеров и ремесленников, собравшиеся со всех концов мира к подножию трона, прилагали каждый, насколько мог, в своей области тщательное старание. Для сосредоточения материалов 95 гороподобных слонов доставлены были из стран Индии в Самарканд и пущены в дело. С помощью телег, запряженных волами, и большого числа людей волокли они огромные камни...»

У Тимура был свой «метод ускорения строительства». Историк Абдар-Раззак так рассказывает об этом:

«Обычай Сахиба-Керани** был таков, что он всякий раз, как возводил какую-нибудь постройку, разделял ее на несколько участков и заведование каждым поручал одному из царевичей, эмиров и вельмож, чтобы между ними во время работы происходило соревнование. Днем и ночью он наводил справки; у кого работа подвинулась вперед, того он награждал и хвалил, кто отстал — того упрекал. Удивительно, что его великий ум дошел до некоторых вещей, какие никогда не приходили в голову мастерам-строителям».

Так поступил Тимур и в этот раз. Наблюдать за

---

* Планета Венера.

** Сахиб-Керани — Обладатель Счастливой Звезды — одно из прозвищ Тимура, данных ему придворными льстецами.

постройкой соборной мечети он поручил двум сановникам. Один из них за такую честь потом поплатился жизнью...

Чужими руками строил Тимур могущество своего государства. Чужой кровью щедро поливал захваченные сады и поля. На костях пленных рабов вставали чудесные дворцы, мечети, крепостные стены. Столица империи украшалась все новыми и новыми зданиями. Именно тогда стали называть Самарканд «Сайкали-руи-земинаст», что означает «Лик Земли». А селения вокруг города окрестил Тимур именами чужеземных столиц: Димишк (Дамаск), Миср (Каир), Султания, Багдад, Шираз, — дабы показать всем, что меркнут они против Самарканда, словно убогие кишлаки.

Но в настоящем, не игрушечном Багдаде еще властвовал турецкий султан Баязед, копил армию, грозил своей силой. Тимур готовил войска к походу на него. Сборы пришлось ускорить, потому что тревожные вести вскоре принесли гонцы из Султании — тоже настоящей, не игрушечной, где наместником Тимура оставался его сын Мираншах.

Судя по рассказам гонцов, тайных соглядатаев, которые сидели у Тимура в каждом городе, и жены царевича Севин-Бек, приехавшей в Самарканд, разум Мираншаха окончательно помутился. Первые признаки болезни появились несколько лет назад, когда царевич упал с лошади и сильно ушиб голову. Тимур все-таки оставил его правителем огромной завоеванной области, занимавшей почти весь Иран и Кавказ.

Теперь приехавшая жена Мираншаха поведала о новых горестях. Она плакала и показывала следы побоев. Царевич совсем забросил государственные дела, пьянствует, раздает казну приближенным. Ни с того ни с сего он зачем-то приказал выкопать из могилы кости историка Рашид-ад-Дина, умершего почти сто лет назад, и перенести их на еврейское кладбище. Что ему сделал покойник? Потом Мираншах дал приказ разрушить несколько лучших зданий Султании и будто бы сказал при этом:

— Мой отец хочет прославиться тем, что строит. А я прославлюсь разрушениями.

Услыхав такие вести, Тимур пришел в ярость. Он считал себя единовластным хозяином государства и не терпел самовольства ни от кого, даже от родных детей. Приказано было ускорить сборы и срочно выступать в поход. Правителем Самарканда на время похода Тимур назначил внука Мухаммед-Султана, на которого перенес всю свою любовь к его отцу, покойному Джахангиру. Все знали, что этого юношу Тимур прочит в правители после себя.

Снова потянулся за войском пышный дворцовый обоз. Жен и наложниц Тимура несли на руках в богато разукрашенных паланкинах.

Снова отправился в далекий путь и юный Улугбек. Но теперь он уже подрос, ему разрешали иногда ехать верхом на лошади вместе со взрослыми. И смотрел он на все вокруг уже осмысленно, с новым жадным интересом.

Войско двигалось в строгом порядке, заведенном еще со времени Чингис-хана. Впереди шло сторожевое охранение, за ним авангард — манглай. Армия делилась на тумены по десять тысяч воинов, тумены — на тысячи, те — на хошуны. У каждого тумена был свой опытный проводник — качарчи, хорошо знавший местность. Их обычно подбирал сам Тимур, не доверяя никому. Кроме того, он ввел новый обычай, неизвестный прежде: отдавая приказ, непременно брать с начальников частей расписки, чтобы потом никто из них не мог отговориться незнанием.

Основу армии составляли кочевники из племени джагатаев, пришедшего в эти края еще с Чингисханом. Они пользовались особыми привилегиями. Им разрешалось в мирное время кочевать со своими стадами где угодно, хоть по крестьянским полям. С них не брали никакой подати.

В помощь им на время войны набирались ополченцы. И было строго установлено, что должен принести с собой каждый крестьянин, ставший воином: провизии на целый год, лук с тридцатью стрелами, колчан, налучье и щит. У каждых двух конников

должна быть третья, запасная лошадь. На каждый десяток воинов полагалось припасти палатку, два заступа, мотыгу, серп, топор, шило, котел и сотню иголок. Ослушавшимся грозила строгая расправа.

При такой организации, продуманной до мелочей, армия Тимура оказывалась готова в любой момент и к атаке, и к длительной осаде вражеских крепостей, и к зимовке в чужих разоренных краях. Но зато была она страшно громоздкой: за войсками тянулись обозы, двигались кибитки с женами и детьми воинов. Пыль и гам стояли над дорогами. Скрипели деревянные колеса повозок, ржали кони, в клубах удушливой пыли медленно ползла артиллерия тех времен — камнеметные и стенобитные машины, самострелы и примитивные пушки — родандоз.

Улугбека радовала вся эта шумная суета. С любопытством разглядывая пеструю картину похода, слушая рассказы старших, он и сам чувствовал себя отважным воином, непобедимым полководцем. Он то и дело норовил ускользнуть из-под присмотра бабки и присоединиться к воинам, где ехали его старшие двоюродные братья Халиль-Султан, прославившийся в Индии, и завидующий ему Султан-Хуссейн, впервые отправившийся в большой поход.

Армия переправилась через Аму-Дарью и разрушила за собой мосты. Таков был приказ Тимура. Аму-Дарья служила естественной границей главной, коренной области империи, которую так и называли: Мавераннахр — «Заречье». На правый берег мог свободно переправляться каждый. А обратно из Мавераннахра людей выпускали только по письменным разрешениям, чтобы не скудело рабочей силой государство и Самарканд — прославленный «Лик Земли».

Население Мавераннахра было в те времена весьма пестрым по своему происхождению и составу. За долгие века здесь перемешалась кровь многих племен и народов: древнейших обитателей этих земель согдийцев и более поздних пришельцев-за-

воевателей — арабов, тюрок, монголов. Из этого сплава постепенно рождалась узбекская нация.

Различным было население страны и по своему хозяйственному укладу. Основная масса жителей вела оседлый образ жизни и занималась сельским хозяйством. Но в степях за Сыр-Дарьей обитали и кочевые узбеки, совершавшие частенько опустошительные набеги на обработанные земли и богатые города.

Кочевали со своими стадами по полям Мавераннахра и такие монгольские племена, как джагатаи, все еще чувствовавшие себя завоевателями страны. Тимур не запрещал им этого. Он всячески старался сохранить военные традиции Чингис-хана. Сам он не мог причислить себя к роду чингисидов. Поэтому ему приходилось пускаться на всякие хитрости, чтобы хоть как-нибудь выставить себя законным наследником завоевателей. Жертвуя самолюбием, ему приходилось сажать для видимости на престол подставных ханов-чингисидов, а самому довольствоваться титулом эмира. Кроме того, Тимур взял одну из своих жен из рода чингисидов, получив право называться хотя бы гураганом — ханским зятем. Так же он заставлял делать своих сыновей и внуков.

Тимур делил с воинами все тяготы дальнего похода. Несмотря на старость (ему исполнилось уже шестьдесят три года), он по целым дням не покидал седла, словно стараясь оправдать свое имя *. Верхом на лошади Тимур вообще чувствовал себя увереннее, лучше. Раны, полученные в годы воровской молодости, когда с шайкой бандитов грабил он купцов на дорогах и угонял чужие стада, изуродовали его могучее тело. Правая нога у него не сгибалась, он хромал, и враги поспешили отметить это насмешливой кличкой Тимур-ленг («Железный хромец»). Не сгибалась в локте и одна рука, указательный палец на ней омертвел. Левое плечо у него поднималось значительно выше правого. Но когда Тимур сидел на коне, это не так бросалось в глаза.

---

* «Тимур» в переводе значит «железный».

Медленно двигалась двухсоттысячная армия по горам и долинам Ирана. Только через несколько месяцев она достигла Султании, где Тимура встретил перепуганный Мираншах.

Расправа была беспощадной. Многим приближенным царевича отрубили головы на городской площади. Все подарки, сделанные собутыльникам Мираншахом, было приказано немедленно вернуть в казну. В гневе Тимур едва не казнил и собственного сына. Мираншах был отстранен от власти, и правителем в этих краях Тимур назначил его молодого сына Халиль-Султана.

Приближалась зима. Начинать военные действия оказалось уже поздно. Тимур повел армию зимовать на привольных лугах, раскинувшихся между Курой и Араксом. Слава об этих чудесных пастбищах шла далеко окрест. Их называли Карабах — «Черный сад». Здесь Улугбек встретил начало нового, пятнадцатого века по нашему летосчислению.

Зимой мальчик чаще виделся с дедом. Порой он даже забирался в его шатер во время пиров или военных советов, на которые имели доступ лишь самые приближенные люди. На таких советах рядом с Тимуром обычно сидел Султан Махмуд-хан. Он вел род от самого Чингис-хана и формально считался главой государства, якобы только передоверившим Тимуру заботу о текущих делах. От имени хана чеканилась монета и подписывались указы. Но он был только пешкой в сильных руках Тимура.

Стоило только Повелителю Мира произнести хоть слово громким пронзительным голосом, как все вокруг умолкали и внимательно слушали. Приказания, которые давал Тимур, отличались лаконизмом и ясностью. Ослушаться их не смел никто.

Что бы ни случилось в самом дальнем уголке государства, обо всем немедленно становилось известным Тимуру. Всюду у него были тайные соглядатаи. По всем дорогам бродили «люди сердца» — нищие дервиши — и потом докладывали о виденном и подслушанном. И Улугбек нередко присутствовал при тайных беседах деда с каким-нибудь грязным,

оборванным дервишем или никому не известным купцом-лазутчиком.

Особенно любил Улугбек те вечера, когда вокруг костра в шатре деда собирались седобородые «дабирен-и-хес» и «фадилан-и-аср» — историки, поэты, мудрецы. Сам Тимур не умел писать и читать, и они пересказывали ему различные книги. Обладая острым умом и хорошей памятью, Тимур, оставаясь неграмотным, стал все-таки человеком весьма образованным для своего времени и многих удивлял обширными познаниями.

Улугбек тоже набирался знаний в этой необычной «говорящей библиотеке». К тому же его рано стали учить чтению и письму, а остротой памяти он превосходил, пожалуй, даже деда. Подружившись с сыном одного из чтецов, Улугбек встретился с ним потом снова только через полвека, уже стариком, и сразу узнал товарища детских игр.

Мы, к сожалению, не знаем, чему учился Улугбек в детстве и кто был его воспитателем — атабеком. История сохранила гораздо больше сведений не о нем, а, скажем, о брате его, Ибрагиме, который провел ничем не примечательную жизнь. Можно только предполагать, что, конечно, в эти детские годы воспитание Улугбека вряд ли отличалось от общепринятого в те времена.

Как и все его родичи, он старательно заучивал наставления улемов* о «пяти руках ислама»: строго соблюдать учение корана («Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед — пророк его!»), неустанно творить пятикратную молитву — намаз, не забывать о милостыне — закят и о посте — саум в священном месяце рамазане, непременно совершить хоть одно паломничество — хадж — в Мекку. Это был верный путь в райские сады Эдема. А что еще нужно правоверному?

Во время зимовок среди лугов Карабаха развилась у Улугбека одна страсть, которую он пронес потом через всю жизнь: охота с ловчими соколами.

---

* Улемы — ученые богословы, толкователи корана.

В зарослях тростника и кустарника тут было видимо-невидимо разной дичи: фазанов, куропаток, диких голубей. Когда Улугбек с другими царевичами въезжал на конях в заросли, птицы взмывали ввысь черной шумливой тучей. Вслед им пускали специально обученных соколов. И соколы Улугбека всегда оказывались самыми лучшими, чем он страшно гордился.

Тимур всячески поощрял такие забавы, помня старый завет Чингис-хана: «Охота — лучшая школа войны».

Быстро и незаметно прошла короткая зима. Ранней весной армия двинулась на юг — завоевывать для Тимура новые города и страны.

Поход растянулся на шесть с лишним лет. Каждый город приходилось брать с бою. Местные жители отчаянно защищались от захватчиков. Чтобы запугать их, Тимур расправлялся с непокорными с чудовищной, безумной жестокостью. Еще по дороге на Кавказ, возле Исфагани, Улугбек видел две высокие башни. Они были сложены из человеческих черепов. Семьдесят тысяч стариков, женщин и детей отдали свои головы для страшной постройки. Над башнями днем и ночью вились стаи ворон.

Захватив после долгой осады другой город, Тимур приказал построить башню из двух тысяч людей, живьем замурованных кирпичами и глиной. Жестокость царя пугала даже его головорезов воинов. Каждому воину перед боем давался приказ доставить определенное количество отрубленных вражеских голов. Если трофеев оказывалось меньше, провинившийся за каждую недостающую голову должен был платить по двадцать динаров из своего кармана. И многие все-таки предпочитали отдать собственные деньги, чем без конца предаваться убийствам.

Улугбек ехал в обозе вслед за армией от пепелища к пепелищу, от одного разоренного города к другому. Все развалины были похожи друг на друга и не запоминались. Запомнился мальчику только, да и то больше своим необычным названи-

ем, полуразрушенный странный дом в азербайджанском городе Мераге. Его называли «Домом звезд». Проломанный во многих местах голубой купол, высокие башни с площадками наверху, на них уже выросли молодые деревца... Местные жители говорили, будто с этих башен мудрецы наблюдали за звездами.

— Для чего? — удивлялся юный Улугбек.

— Чтобы узнать будущее, мой султан! — отвечали ему.

— Разве это возможно?

— Конечно. Звезды ничего не утаят от сведущего.

И один из придворных мудрецов уже доставал рукопись, чтобы прочитать отрывок из своей книги — историю, якобы рассказанную ему самим Тимуром.

«Пришлось мне однажды встретиться с звездочетом, — говорил в этой истории мудрецу Тимур, — он справился с положением звезд и решил, что моя жизненная судьба находится под влиянием звезды Джадда *.

— Это говорит о совершенстве, долгой жизни, славе и могуществе, — сказал мне звездочет. — Когда твоя судьба станет в зависимость от положения звезды Зухаль **, ты превзойдешь остальных правителей и одолеешь всех своих врагов. Когда Солнце достигнет своего четвертого дома — созвездия Овна ***, — ты овладеешь престолом великого хана, придашь блеск своему царству и доставишь победу вере Посланника аллаха. Когда звезда Муштари **** придет в пятый дом, потомство твое умножится, слава правления твоего потомства будет жить во

---

* Созвездие Козерога.

** Так арабы называли планету Сатурн.

*** В этом «пророчестве», взятом действительно из одной старинной рукописи — совершенно фантастической «автобиографии» Тимура, звездочет показывает свое полное невежество даже с точки зрения арабской космографии того времени: он путает Овна с Тельцом.

**** Планета Юпитер.

всем мире. Звезда Муштари покровительствует соблюдающим шариат. Если твои потомки будут руководиться в своих делах правилами шариата, их величие будет расти; если, наоборот, они будут действовать против шариата, величие их быстро рассеется...»

Улугбек слушал и завидовал звездочетам, которые так хорошо все знают.

Боевые отряды дрались в разных концах огромной территории: одни в Сирии и Месопотамии, другие в Грузии и Турции. Кольцо вокруг султана Баязеда сжималось теснее. Но каждую зиму, покинув армию, Тимур обычно проводил со своим двором в Султании или в Карабахе. Здесь подраставший Улугбек снова носился на коне по зарослям и, задрав голову, следил за быстрым полетом соколов в бездонном небе, а вечерами слушал умные беседы в шатре деда.

Наставники читали ему свои сочинения, в которых наперебой восхваляли мудрость Повелителя. Некоторые из книг писались даже якобы от имени самого Тимура.

— «Во имя аллаха, милостивого и милосердного!

Пусть знают все мои рожденные в счастье дети, исполненные могущества родные, султаны, эмиры и визири, что аллах своей волей поставил меня пастырем народов, венчал меня на царство, укрепил мой трон. Так мне послано аллахом в награду за двенадцать качеств моего характера.

Всегда я считал беспристрастие первым своим качеством: и к бедным и к богатым безразлично относился всегда с одинаковой справедливостью и строгостью.

Всегда строго хранил ислам, всегда чтил и уважал людей, которых возвеличил своей милостью аллах.

Всегда щедро раздавал милостыню бедным, всегда с большим терпением разбирал всякое дело, всегда тщательно вникал во все обстоятельства дела».

Тимур удовлетворенно кивнул и сказал Улугбеку:

— Запоминай, как стать настоящим правителем.

Чтец, выждав разрешения, продолжал:

— «Всегда я старался делать всякое дело для блага подвластных мне народов, никому не делал зла без серьезных причин, не отгонял никого, кто обращался ко мне за помощью. Я твердо помнил слово корана, что слуги аллаха должны творить лишь одну его волю и от него одного принимать милости, и в течение всей своей жизни придерживался этих слов...»

Тимур слушал, одобрительно кивал и думал о том, что теперь вот аллах хочет, чтобы он покарал султана Баязеда, заложившего уши разума ватой беспечности. Но как вернее нанести удар?

— «...Всегда я предпочитал делать то, что касается ислама, прежде всего остального, что касается обыденной жизни; только закончив дела аллаха, я принимался за дела обыкновенные».

Слушали это сидевшие вокруг Тимура шейхи и имамы *, согласно кивали и вспоминали, как в Хорасане Щит Ислама восстановил суннитское правоверие, а в Сирии, наоборот, поддерживал отступников — шиитов **, когда ему это понадобилось.

А наставления продолжались:

— «...Всегда я старался говорить правду, всегда отличал правду среди того, что мне говорили о жизни здешней и жизни будущей.

Всегда давал лишь такие обещания, какие мог исполнить: я думал, что если точно выполнить обещание, то всегда будешь справедливым и никому не причинишь зла».

Слушал заунывный голос чтеца Улугбек, а сам тоже думал о своем. Больше всего о славных боях, которые кипели вокруг — и без него. Разве не смог бы он, например, совершить такой же подвиг, как верный багатур деда джагатайский эмир Джелаль?

---

* Шейхи (буквально: «старцы») — духовные руководители. Имамы (буквально: «стоящие впереди») — главы духовных школ.

** Сунниты и шииты — представители двух религиозных направлений ислама, фанатично враждующие между собой.

Он очутился в пустыне вдвоем с товарищем, царевичем Ибадж-огланом, и умирал от жажды. У них осталось только два последних глотка воды. Ибадж выпил свою долю и не напился. Он стал просить товарища уступить ему и второй глоток. И тогда сказал Джелаль-багатур: «Ты напомнил мне притчу, рассказанную нашим Повелителем, великим эмиром Тимуром-гураганом, да продлит аллах его дни». — «Какую?» — спросил Ибадж. «Так же, как и мы с тобой, изнывали в пустыне однажды араб и перс. У араба еще оставалось немного воды, и перс стал выпрашивать ее, поминая о прославленном благородстве арабов. И ответил ему спутник: «Я хорошо знаю, что, отдав тебе воду, умру. Но слава арабов мне дороже жизни. Пей!» И добавил багатур Джелаль: «Я буду подражать этому арабу. Я дам тебе воды, чтобы сохранить добрую славу рода джагатаев. Но поклянись, что когда ты вернешься к Повелителю, то расскажешь ему об этом, и подвиг мой занесут в летописи». Ибадж поклялся, выпил воду и восстановил свои силы. Но аллах, который все видит и слышит, не захотел смерти Джелаля. Он чудесно спас обоих воинов, и те рассказали обо всем Тимуру. И Повелитель приказал славить подвиг Джелаля, чтобы помнил о нем каждый воин...

Улугбек бредил подвигами. И в восемь лет ему подвиги виделись всюду, даже в нелепом мальчишеском поступке Султан-Хуссейна, который был ненамного старше его. В боях под стенами Дамаска этот внук Тимура вдруг неожиданно перебежал на сторону противников. Тимур был так удивлен этим, что, захватив город и перебежчика среди других пленных, вопреки обыкновению поступил очень мягко. Хуссейну только обрезали в знак позора косу, которую он успел отрастить, как и все воины, по монгольскому обычаю, да публично выпороли. И Улугбек жалел своего товарища и сердился на деда.

Так проходили зимние вечера в шатре Тимура, стоявшем на пригорке среди степей Карабаха. При внуке беседовал Тимур с послами, диктовал новые

наставления историкам, обсуждал с эмирами планы предстоящих сражений. От маленького Улугбека у него не было тайн.

Приходили дервиши, доносили о всяких неполадках. Царский внук Пир-Мухаммед, оставленный наместником в Индии, ведет какие-то тайные беседы с темными людьми и учится варить яды. Зачем бы ему это?

И Пир-Мухаммеда вызывают в Карабах и по приказу Тимура наказывают палками. Такая же участь постигла вскоре и другого внука — Искандера, который, сидя наместником в Фергане, возомнил себя не менее великим полководцем, чем его знаменитый тезка Искандер Двурогий *, и самовольно совершил набег на китайские провинции.

Тимур и сам не прочь разграбить Китай. Но лишь тогда, когда будет на то его собственная воля. Единовластно вершит он судьбы громадной империи, раскинувшейся от Тянь-Шаня до Кавказа. Сам, не доверяя никому, разрабатывает планы сражений.

Весной 1402 года начинаются решающие бои. Из Самарканда вызвали Мухаммед-Султана со свежими подкреплениями. Всю свою армию Тимур повел на Анкару. Но крепость сильна, и воинов у Баязеда тоже не менее двухсот тысяч. Соратники Тимура колеблются. На военном совете они даже решились высказать робкие сомнения.

Как всегда, Тимур созвал астрологов — звездочетов. Их предсказания получились темными и двусмысленными. Тимур рассвирепел и выгнал гадателей. В душе он уже все решил и обдумал и, как поспешно записывают придворные историки, «рукою надежды вцепился в веревки господней милости, которою возжены небесные огни». Чтобы вселить уверенность в приближенных, он решает все-таки сам погадать на коране, по старому народному обычаю пастухов и дехкан.

Приносят коран. Тимур открывает наугад стра-

---

* Александр Македонский, ставший на Востоке героем многих легенд

ницу и тычет пальцем. Придворный чтец послушно читает указанный стих из суры «Иона»:

— «В самом деле, чему подобна здешняя жизнь? Она подобна воде, которую низводим мы с неба и которою питаются земные растения, какие едят люди и скот. В то время как земля наденет на себя красивые уборы, нарядится в них и обитатели ее думают, что это они делают с нею, в течение какой-либо ночи или дня проходит к ней наше повеление, и она делается как бы пожатою, как будто она и не была вчера так богатою».

— Ясно? — спросил Тимур, оглядывая всех собравшихся в шатре. — Все зависит от аллаха. Захочет он — и зазеленеет земля. Только слепые думают, будто от их жалких трудов совершилось так. А это воля аллаха коснулась земли. Захочет он — и те же произрастания превратит в пыль, в ничто.

И придворные, на лету поняв волю Тимура, сразу подхватили наперебой:

— Этот стих ясно указывает на пороки и заблуждения противников...

— О, какое чудесное предзнаменование!

Но Тимур привык следовать пословице: «На бога надейся, да сам не плошай». Он не стал в лоб атаковать крепость, а повел всю армию в глубь страны, словно избегая боя. Обманутый этим маневром, Баязед бросился вдогонку. А войска Тимура, совершив стремительный обходный маневр через горы, опять появились у стен Анкары и после сокрушительного штурма овладели ею. Вернувшемуся Баязеду пришлось принимать бой в чистом поле.

Битва закончилась страшным разгромом турецких войск. Были захвачены тысячи пленных. Попал в плен и сам султан Баязед. С веревкой на шее привел его к шатру Тимура отличившийся Султан Махмуд-хан.

Торжествуя победу, Тимур не подозревал, какую услугу оказал народам Европы: это поражение на целых полвека отсрочило завоевание турками Константинополя, о чем они давно мечтали.

Враг был сломлен, но еще не окончательно. Приходилось с боями захватывать город за городом. На это ушел еще целый год. Он прибавил к радости побед горечь беды. Весной 1403 года вдруг заболел и в несколько дней умер любимый внук Тимура Мухаммед-Султан, тот самый, которого он прочил себе в наследники и незадолго до того вызвал из Самарканда.

Это был тяжелый удар для Тимура. Вся армия оделась в черные и синие траурные одежды. Никто не смел ездить на белых лошадях.

Двести всадников сопровождали тело царевича до Арзрума. Здесь их встретил весь двор. Во время траурной церемонии Улугбек стоял рядом с дедом, положившим ему на плечо тяжелую негнущуюся руку.

В заключение церемонии принесли личный барабан покойного царевича. По туго натянутой коже в последний раз звонко ударили палочки, а потом барабан разрезали на куски, чтобы не служил он больше никому на свете.

Весной 1404 года, в годовщину смерти царевича, справили еще раз поминки в Карабахе, и гроб с телом отправили в Самарканд. А вскоре тем же путем двинулся в столицу и весь двор во главе с Тимуром.

Горе словно придавило Сахиба-Керани. Он сразу заметно постарел, ссутулился, часто пересаживался с коня на носилки, пил много вина и бузы. Мрачные мысли одолевали его.

Вот завоевано столько стран, государство Тимура протянулось чуть не на тысячу фарсангов *. А кому оставить его?

Не повезло Тимуру с наследниками. Первый сын, которого назвал он Джахангиром, что означает «Завоеватель мира», погиб, не дожив и до двадцати лет. Второго сына, Омар-шейха, сразила в горах стрела какого-то курда, защищавшего родные края. Оста-

---

* Фарсанг — мера длины, равная пути, проезжаемому всадником за час мелкой рысью. Примерно шесть-семь километров.

лись двое — Мираншах и Шахрух. Один — сумасшедший, больной, другой в своем Герате, говорят, ударился в святость, целые дни проводит в мечети, окружил себя ханжами, шейхами, дервишами. Шахрух не участвует в боевых походах, совсем отстранился от дел, и вершит всем в Герате его любимая жена Гаухар-Шад, мать Улугбека. Не ее же назначать правителем?

Оставались внуки. Их у Тимура много. Но все молоды, неопытны. Умен Улугбек, но ему всего только десять лет, и пока для него любимые соколы дороже всех сокровищ мира. Старше всех сын Джахангира Пир-Мухаммед, недавно наказанный палками и вновь отправленный в Индию, и сын Мираншаха Халиль-Султан. Но кого же из них назначить своим преемником?

Медленно двигался по горам и равнинам Ирана черный гроб с телом царевича. А в нескольких переходах позади него так же медленно ехал Тимур, мрачный, раздираемый сомнениями. Историки читали ему книги и словно нарочно попадали на места, отнюдь не веселые:

— «Владыка правоверных Али — да будет им доволен аллах! — сказал: «Люди суть путники, начало их пути — чрево матери; их столица и цель их — будущая жизнь; время их жизни подобно расстоянию пути: каждый год, который они проводят, подобен станции, где они останавливаются, каждый месяц похож на один фарсанг, каждый день подобен дорожному знаку, и каждое дыхание подобно шагу, который они делают, — они идут к смерти. Их движение такое же, как движение едущего на судне беспечного человека, который влеком неизвестно откуда и куда...»

Слушая эти слова, Тимур мрачнел еще больше. Слушал их Улугбек — и скучал: ведь его корабль еще только-только поднимал паруса...

Приехав в свой родной Кеш, Тимур приказал сломать ворота мечети и построить новые. Старые почему-то показались ему низкими, тесными. И еще

он приказал готовить саркофаг для себя и сам выбрал место будущей могилы.

В Самарканд прибыли только в конце июля. Тимур остановился за городом, в Баги-Чинар — «Чинаровом саду». Сюда привезли все оружие, которое сделали пленные мастера в его отсутствие. Тимур долго смотрел на сверкающую стальную гору из щитов, мечей и кольчуг. Потом эти шлемы и латы, отороченные алым сукном, пронесли через весь город. Тимур ехал следом.

А Улугбек был весел и беззаботен как птица. Ему шел всего одиннадцатый год, стояла жаркая погода, и он проводил все дни напролет в тенистых загородных садах. Много их приказал насадить Тимур вокруг Самарканда.

Когда Тимур уходил в поход, в садах разрешалось гулять каждому. Но сейчас они были пустынны и тихи. Улугбек сидел на прохладных ступеньках дворца в саду Баги-Нау и смотрел, как сверкают на солнце шелестящие водяные струи фонтанов. Фонтанов было шесть вокруг дворца. А между ними тянулся глубокий ров, полный свежей воды.

По тропинкам, петлявшим между серыми стволами вековых чинар, бродили в саду Баги-Чинар ручные олени. Из густых зарослей с треском взлетали вспугнутые фазаны, радуя глаз своим пестрым оперением. Но больше всего любил Улугбек сад, который назывался Накши-джехан, что означает в переводе «Рисунок мира». Он был так огромен и дик, что однажды, говорят, в него убежала лошадь, и нашли ее только через полгода.

Было много праздников и шумных пиров в ту теплую осень 1404 года. Всех пьянила победа над султаном Баязедом. Казалось и впрямь, будто скоро во всем мире останется лишь один повелитель — Тимур, Щит Ислама, Меч Справедливости, как величали его придворные льстецы — поэты.

В большой тайне готовился новый поход — на Китай, к океану. В огромном мрачном здании Кок-Сарая, где хранилась казна и были устроены мастерские, сотни лучших оружейников, пригнанных сюда

из Индии, Хорасана, с Кавказа, из далекого Дамаска, днем и ночью ковали клинки, острили пики, кинжалы, закаляли в кипящем масле кольчуги. В степях вокруг Самарканда отдыхали на пастбищах табуны боевых коней.

А в городе шли бесконечные пиры, и вопреки запретам пророка пенистыми реками лилось вино...

В ту осень в Самарканде собралось немало гостей из далеких стран. Уже несколько лет жили здесь послы китайского императора, тщетно ожидая встречи с Тимуром. Приехал посол из Вавилона. Кастильский король послал из Испании кавалеров Рюи Гонзалеса де Клавихо, Гомеса де Салазара и магистра богословия Фра Альфонса Паес де Санта-Мария. Ехали они долго и трудно, так что в пути кавалер де Салазар даже заболел и умер.

Тимур принял испанских послов в саду Дилькуша — «Радующем сердце». Церемониал был тщательно разработан, чтобы произвести побольше впечатления на заморских гостей. Сначала у ворот, отделанных золотом, лазурью и яркими изразцами, послов встретили два эмира и отобрали у них все подарки, предназначенные Повелителю Мира. Потом их взяли под руки и повели в сад. Здесь гостей встречали шесть ученых слонов. Они раскачивали хоботами, словно кланяясь.

Тимур сидел у дворцового крыльца на небольшом возвышении, застланном коврами, облокотившись на маленькую круглую подушку. Словно ничего не замечая вокруг, он смотрел, как в струях фонтана, от которого веяло холодком, плещутся и плавают красные яблоки. Одет он был проще многих своих придворных: шелковый, без узоров, халат, на голове белая шапка, отделанная жемчугом и драгоценными камнями, на острой верхушке ее мерцал алый рубин, словно застывшая капелька крови.

Рядом с Тимуром стояли его младшие внуки — Улугбек и Ибрагим. Послы поклонились, мальчики торжественно ответили, рассматривая непривычные наряды гостей горящими глазами.

— Письмо, отдайте письмо, — зашептал переводчик.

Клавихо неуверенно протянул мальчикам послание короля Кастилии. Ибрагим протянул руку, но Улугбек оказался проворнее. Ловко схватив пышный свиток с большой серебряной печатью на шелковом шнурке, он протянул его деду. Тимур чуть заметно усмехнулся в усы.

Только теперь он словно заметил послов. Смотрел внимательно, не мигая, как они подходят, приседая и кланяясь. В трех шагах от него они преклонили колени, скрестив руки на груди. Улугбек с большим интересом следил за этими церемониями.

Тимур сделал знак, и самые приближенные к нему эмиры, Шах-Малик и Шейх-Нураддин, подвели послов поближе и поставили на колени перед самым носом повелителя. Тимур наклонился, чтобы рассмотреть получше их лица. И тут Клавихо понял, что этот человек, имя которого страшит всю вселенную, уже очень стар, плохо видит и, вероятно, скоро умрет.

Согласно правилам испанского придворного этикета послы пытались поцеловать руку Тимура, но тот не позволил им сделать этого. Клавихо удивился и потом записал в своем тайном дневнике: «А не делают этого оттого, что имеют о себе очень высокое мнение...»

Тимур задал гостям несколько ничего не значащих вопросов:

— Как поживает король, мой сын? Здоров ли? Каковы его дела?

Потом, подняв над головой послание и обращаясь больше к своим приближенным, хриплым голосом произнес целую речь, которую переводчик изложил дону Клавихо так:

— Посмотрите на этих посланников, которых посылает мне сын мой, король испанский... первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на конце света... Они в самом деле великий народ. И я дам мое благословение королю, моему сыну... Довольно было бы, если он прислал вас только

с письмом, без подарков; потому что я так же рад был бы узнать о его здоровье и состоянии, как и тому, что он присылает мне подарки...

Тимур оставался верен себе и ловко использовал прибытие послов, чтобы лишний раз напомнить всем и каждому о собственном могуществе и о том, что он вовсе еще не так стар и слаб, как может показаться.

Он ни на минуту не переставал быть умным и хитрым политиком. Заметив, что Клавихо и его спутника посадили чуть ниже, чем китайских послов, томившихся в Самарканде уже девятый год в ожидании хоть каких-нибудь переговоров, Тимур немедленно приказал, чтобы китайцев и испанцев демонстративно поменяли местами. Только после этого начался пир.

Слуги натащили на золоченых подносах горы баранины — вареной, соленой, жареной, расставили их перед Тимуром. За ними явились резчики мяса в кожаных фартуках и нарукавниках, с длинными сверкающими ножами. Они ловко разделывали баранов, бросая куски мяса в золотые и фарфоровые чашки. Другие слуги быстро расставляли их перед гостями, строго соблюдая правило: почетному гостю — лучший кусок.

Но не успел Клавихо приняться за еду, как дымящееся блюдо выхватили у него из рук и унесли. Толмач поспешил объяснить обескураженному гостю, что мясо не пропадет, его отнесут в тот дом, где посланники остановились, а сейчас дадут другое блюдо.

Скоро испанцы поняли, что если на этом пиру и грозит им опасность умереть, то вовсе не от голода, а, наоборот, от обжорства и пьянства. Появлялись все новые и новые миски, полные мяса. Слуги подтаскивали громадные подносы с дынями, персиками, виноградом. Услужливые руки немедленно наполняли чаши алым вином, не давая им опустеть ни на миг.

Клавихо притворился непьющим. Как ни настаивали, он за весь день ни разу даже не приложился

к бокалу. Он старался все увидеть, запомнить, обо всем доложить своему королю. Благодаря этому его дневник оказался весьма ценным для будущих историков.

А испытание для посла выдалось нелегкое. Пиры следовали почти непрерывно. Через неделю после торжественного приема испанцев повезли в другой сад. Там под деревьями были раскинуты шелковые палатки, пестрые как цветы. И все началось снова: горы жирной баранины, подносы, прогибающиеся под тяжестью фруктов, целые реки вина. Тимур в этот день веселился больше обычного. Он сам подзывал к себе одного гостя за другим и каждому протягивал огромную чашу с вином. Ее выпивали, стоя на коленях, и тотчас же слуги наливали вторую. Так продолжалось до тех пор, пока гость уже не мог устоять даже на коленях и начинал валиться на бок. Тогда его оттаскивали под ближайший куст, и наступала очередь следующего.

Улугбек закатывался звонким хохотом, сидя рядом с дедом и следя, чтобы гости все допили до капли. Но Клавихо было не до смеха. Он еле отбился от такого угощения, ссылаясь на законы и обычаи своей страны.

Один из пиров был дан в честь Улугбека. Тимур не забывал о государственных делах. Он приказал женить сразу пятерых своих внуков. В жены десятилетнему Улугбеку дед выбрал такую же юную Огэбегум. Она была дочерью покойного Мухаммед-Султана, и женитьба на ней давала Улугбеку право на почетный титул гурагана — ханского зятя.

Свадебный пир устроили на равнине Кангиль, за городской стеной. Чтя древние монгольские традиции, Тимур давно облюбовал эту зеленую долину, раскинувшуюся по берегам арыка Оби-Рахмат для летнего стана. За одну ночь тут возник целый пестрый город из великого множества палаток и шатров. Все торговцы, закрыв свои лавки в Самарканде, поспешили сюда. Они горланили наперебой:

— Плов, плов, кому горячий плов?

— А вот вкусные пирожки!

Но эти крики не долетали до шатра Тимура, стоявшего на самом берегу канала. Шатер был огромный, высотой в три копья, а шириной в сто шагов. Круглый, как свод, потолок его покоился на двенадцати столбах, обвитых шелковой тканью. Доступ к шатру преграждала стена с высокой сторожевой башней.

А кругом теснились шатры жен и родственников Тимура — синие, зеленые, оранжевые. Когда налетал ветер, стены палаток надувались как паруса, и казалось, будто это корабли, готовые отправиться в какие-то сказочные страны.

Впервые поставил свой собственный шатер и Улугбек. И впервые принимал в нем гостей как взрослый, сидя рядом с юной женой. Но пир кончился, и все стало, как прежде. Улугбек продолжал жить под присмотром бабки, в ее покоях.

Тимур был весел. Но порой Улугбек замечал, что дед мрачнеет среди пиров и задумывается с чашей в руках. А иногда он вдруг взрывался такой яростью и гневом, что все вокруг замирали в ужасе. Во время одного из пиров Тимур неожиданно приказал схватить эмира, которого оставлял наместником в Самарканде после отъезда в армию Мухаммед-Султана, и повесить его тут же, на ближнем дереве. Эмиры попробовали вступиться за своего товарища. Они даже, посовещавшись, предложили собрать между собой и внести в казну те деньги, в растрате которых Тимур обвинил наместника. Тимур согласился. Но когда деньги собрали, приказал все-таки пытать провинившегося, а потом повесить за ноги.

Через несколько дней, обвинив в неверности, он убил одну из своих жен.

Заканчивалось строительство соборной мечети, и придворные историки уже спешили занести в свои летописи очередную хвалу:

«Если ты ищешь сравнения для арки и купола ее максуры, ничего нельзя сказать, кроме как — Млечный Путь и небесный свод.

Купол был бы единственным, если бы небо не

было его повторением, и единственной была бы арка, если бы Млечный Путь не оказался ей парой.

В каждой стене, в углу ее четырехугольника из стен, минарет вознес свою главу в сторону неба, и возглас: «Поистине дела наши указывают на нас!» — доходит до четырех стран света.

Звук огромных врат ее, составленных из сплава семи металлов, призывает молящихся семи климатов в дом ислама. Стены ее, снаружи и внутри, а также поверхность арок нашли украшение в высеченных из камня письменах. Блеск от сияния букв и слов суры «Пещера» и других чудесных стихов корана на стенах ее...»

Мечеть и в самом деле получилась красивой и величественной. Улугбеку она очень нравилась. Но Тимур пришел в ярость.

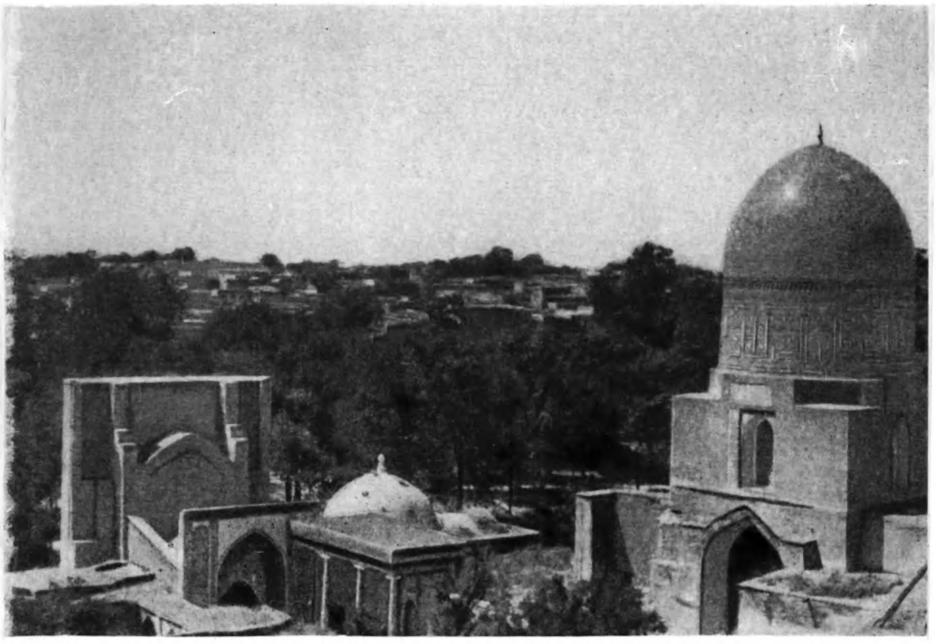
— Дверь! — захрипел он. — Почему опять низкая дверь?!

И тут же приказал сломать всю переднюю стену уже почти законченного здания. А тот из двоих назначенных им следить за постройкой эмиров, на участке которого находилась злосчастная стена, был привязан к хвосту лошади, и она волочила его по пыльной улице, пока он не умер.

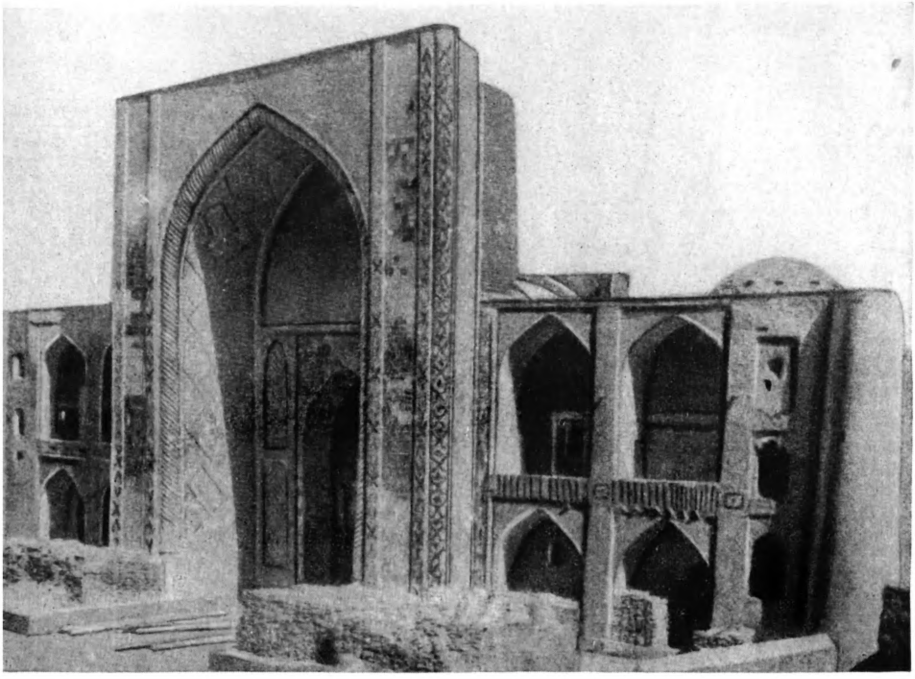
Эту дикую сцену, кроме Улугбека, видел еще один мальчик, почти ровесник ему. Только он не сидел на коне в окружении придворных, а стоял в толпе притихших рабочих. Мальчик тот был арабом, угнанным воинами Тимура в рабство из родного Дамаска. Потом, когда вырос, он много путешествовал и стал крупным историком. Его прозвали Ибн-Арабшахом. И, описывая в одной из своих книг эту расправу, свидетелем которой был в детстве, Ибн-Арабшах сказал:

«Тимур был нравом — пантера, темпераментом — лев; стоило голове возвыситься над ним — и он низвергал ее, стоило спине выйти у него из повиновения — и он унижал ее».

— Стену построить новую, — хмуро сказал Тимур. — Сам буду следить, как строится половина стены. А кто берет себе другую половину?



Этот мавзолей воздвиг Улугбек над могилой своего учителя — замечательного астронома Казы-заде Руми. Вдали зеленеют сады нестареющего Самарканда, который поэты прозвали «Ликом Земли».



Над этим входом в медресе в Бухаре когда-то приказал написать Улугбек: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и мусульманки».

Окружающие молчали. Никто не решался принять вызов на такое «соревнование».

— Ну? — Тимур усмехнулся и махнул зажатой в кулаке плетью. — Ладно, все вы будете следить за второй половиной. И каждый отвечает головой!

Он тронул коня и поехал, не оглядываясь на опешивших придворных.

Перестройка стены шла быстрее, чем в сказках. Придворные дни и ночи проводили на стройке, нещадно подхлестывая рабочих. Почти каждый день заглядывал сюда и Тимур. Иногда он чувствовал себя плохо после ночных пиров, не мог сидеть на лошади. Его приносили в паланкине.

Носилки ставили возле самого края котлована. Слуги притаскивали блюдо вареного мяса, и Тимур швырял куски в яму, как собакам.

Потом он отправлялся туда, где на берегу небольшого пруда постепенно вырастали стены мавзолея Мухаммед-Султана. Улугбек восхищался красотой возникающего здания, а Тимур снова хмурился.

— Опять дверь низка, — бормотал он. — Не мавзолей, а сарай какой-то.

И снова начали разрушать недостроенное здание. Через десять дней все было переделано, как хотел Тимур. Над гробницей высоко вознеслась ребристая башня с голубым, точно небо, куполом. Здесь устроили поминки по Мухаммед-Султану.

Слушая заунывные голоса, нараспев повторявшие суры из корана, Тимур снова и снова думал о том же: кого назначить своим наследником? Халиль-Султан успел провиниться за эту пьяную, шумную осень. Вопреки воле деда он вдруг взял да и женился на девушке, которую давно любил. Тимур рассвирепел и запретил ему показываться на глаза.

Никак не хотел смириться Повелитель Мира с судьбой. Она отняла у него самого любимого сына, Джахангира, — тогда трех своих внуков назвал он тем же именем. Но они малы и совсем еще не похожи на завоевателей мира...

Перенес все надежды Тимур на сына покойного

Джахангира, Мухаммед-Султана. Но смерть унесла и его.

Тимур был упрям. И после долгих раздумий решил еще раз испытать, не уступит ли ему судьба. Род завоевателя мира должен быть продолжен в веках: наследником Тимура пусть будет другой сын Джахангира, Пир-Мухаммед, еще недавно наказанный палками за непослушание.

Об этом решении было объявлено тотчас же. Имя будущего правителя поминали в хутбах* по пятницам во всех мечетях. И все послы поспешили нанести ему визит.

А Тимур продолжал метаться по городу, и никто не мог понять: строит он или разрушает? Он вдруг объявил, что надо помочь купцам, которые везут в Самарканд лучшие товары со всего света. А для этого приказал построить новую улицу, чтобы шла она через весь город и по обеим сторонам ее непрерывно тянулись лавки. Как и всегда, были назначены два надсмотрщика за ходом работ. И работа закипела.

Слоны с треском ломали хоботами глиняные стены домов. Жители едва успевали спасаться бегством, унося из имущества, что подвернулось под руку. Улицу прокладывали прямой, как меч, и горе тем, кто оказывался на пути! Следом за разрушителями шли строители. Они днем и ночью стучали молотками, обтесывая камни. Вырастала сплошная стена из купеческих лавок. Перед каждой лавкой устраивали скамейки — суфы — из белого камня. Улица была с крышей: над нею возвели глиняный свод с окошечками, через которые проникал свет. На одном конце ее еще ломали старые домишки, а на другом уже шла бойкая торговля.

Улугбек приезжал каждый день, чтобы посмотреть, насколько выросла улица за ночь. Затея деда ему пришлась по душе.

Но те, чьи лавки и дома превратили в груды му-

---

* Хутба — особая молитва, прославляющая царя или возвещающая о вступлении нового на престол.

сора, были недовольны. Некоторые даже осмелились выразить свой протест вслух. Это были богатые люди, и жалобы их долетели до дворца. Тимур в тот момент как раз играл в шахматы с Улугбеком. Он стукнул кулаком по столу так, что разлетелась доска, и сказал:

— Весь город мой! Я купил его весь. Кто не верит, пусть приходит завтра посмотреть мои выкупные грамоты.

Желающих, конечно, не нашлось.

Послов он давно уже не принимал. То скажут, что не здоров, то просто вежливо проводят обратно в дом, отведенный им для жилья. Потом дону Клавихо вдруг предложили срочно готовиться к отъезду. Пришлось так и уехать, не повидав на прощанье Тимура и не получив от него никаких ответных грамот к королю Кастилии.

Покидая Самарканд, Клавихо был твердо убежден со слов людей, «знавших это наверное», что царь совершенно не встает на ноги, лишился языка и находится при смерти.

Но не прошло и недели после того, как выпроводили послов, а Тимур поднял по тревоге всех своих эмиров и приказал немедленно выступать на Китай.

Двухсоттысячная армия двинулась в такой строгой тайне, что, узнав в дороге о смерти Тимура, осторожный и зоркий Клавихо даже не подозревал о том, что Повелитель умер в походе, а не в одном из своих богатых самаркандских дворцов.

Все было организовано и продумано до мелочей. Правым крылом Тимур поручил командовать Халиль-Султану, простив ему самовольную женитьбу, левым — Султан-Хуссейну, словно забыв о его измене под стенами Дамаска. Выбирать полководцев старику было не из кого...

Рядом с дедом гарцевал ликующий Улугбек. Еще бы: он впервые участвовал в походе как заправский воин. Как и всех, его с плачем провожала жена навстречу подвигам. Больше того, он был теперь не только воин, но и правитель, как его отец и его дед. Перед выходом в поход Тимур поспешил разделить

между внуками еще не завоеванные земли. Улугбек получил Ташкент, Киргизию и весь Моголистан * до самого Китая. Его брат-ровесник Ибрагим — Ферганскую долину с Кашгаром и Хотаном **.

Улугбека только огорчало, что войска двигались так медленно. К декабрю едва дотянулись до Ташкента, а в середине января 1405 года Тимур со свитой прибыл в маленький, затерявшийся в казахских степях городишко Отрар — и здесь остановились надолго.

Зима выдалась непривычно суровой в тот год. Даже замерзла Сыр-Дарья, удивляя многое повидавших стариков. Чуть не каждый день налетали метели, крутили по степи вихри колючего снега. По следам далеко растянувшегося угрука с увязающими в сугробах повозками цариц и наложниц Повелителя Мира завывали волки.

Тимур держался бодро, словно долгожданный поход помолодил его. Опять по целым дням не слезал с лошади, лишь изредка позволяя себе ненадолго перебраться в повозку. Он только много пил вина, чтобы согреться, — пил вечерами, дремля у огня, пил на коротких дневных привалах и даже в пути, не слезая с седла, протягивал частенько руку за чашей.

В Отраре он принял посла своего давнего соперника хана Тохтамыша, теперь попавшего в беду и изгнанного врагами из собственных владений, и пообещал ему, закончив поход в Китай, направить войска в Золотую Орду, чтобы вернуть Тохтамышу его престол. Щедрое обещание не преминули отметить пиром. Он продолжался три дня, и все это время Тимур ничего не ел, только пил. Но вино не согревало его, и он приказал всем пить только водку.

После пира Тимур почувствовал себя плохо: его била дрожь. Приближенным удалось уговорить старика покинуть походный шатер и перейти в дом бра-

---

* Так называли населенные монгольскими племенами области нынешнего Казахстана.

** Теперь это северо-западные провинции Китая.

та одного из эмиров. В тот же день на чердаке дома вдруг начался пожар. Его с трудом погасили и увидели в этом дурное предзнаменование.

Тимур лежал на груде подушек под тремя одеялами и не переставая пил вино. Все тело у него горело, но он не мог согреться. Зубы его постукивали о края чаши. К вечеру он заснул. Возле него прилегли уставшая Сарай-Мульк и Улугбек.

Ночью Тимур вдруг проснулся и, тихонько встав, стал натягивать шубу. Старуха ничего не слышала, но Улугбек поднял голову, вскочил и вышел вслед за дедом во двор.

Тимур стоял, ухватившись за ствол тополя, и смотрел на небо. Метель утихла, и все небо было усеяно чистыми крупными звездами.

— Ты чего не спишь? — спросил внука Тимур.

— А вы?

— Плохой сон видел.

— Какой, дедушка?

— Видел своего отца, эмира Тарагая. Подошел он ко мне и взял у меня повод из рук. Потом увел мою лошадь в сад... Большой сад, зеленый. Я пошел за ним, чтобы взять свою лошадь. А он вдруг исчез... Все исчезло: и отец, и лошадь, и сад...

— Что же тут плохого? Я хотел бы сейчас очутиться в саду, — ответил Улугбек, зябко передернув плечами. — Пойдемте в дом, здесь холодно.

Тимур молчал, снова подняв голову к небу.

— Вы ищете свою звезду? — спросил Улугбек, тоже задирая голову.

— Какую звезду? — не понял дед.

— Вас называют Сахиб-Керани, Обладатель Счастливой Звезды. А которая она, ваша звезда? Я давно хотел спросить...

— Моя звезда вот эта, Джадда, — неуверенно сказал Тимур, ткнув пальцем в небо.

— Эта? Это не Джадда. Вон та Джадда, видишь? Она в двенадцатом доме Солнца.

— Откуда ты знаешь?

— Мне показывал звезды почтенный Хусам-аддин.

— А ты не верь звездочетам.

— Как же не верить? Ведь он знает все судьбы на двести лет вперед!

— Это он сам тебе говорил? — усмехнулся Тимур. — А ты не верь. Все звезды — наши...

И, махнув рукой, пошел к дому. Продрогший Улугбек поспешил за ним.

С каждым днем Тимуру становилось все хуже. Хотя его постоянный врач, которому он очень верил, давал ему каждый день какие-то новые порошки и настойки, прикладывая лед на живот и ко лбу, Тимур стонал сквозь зубы.

Но ясности ума он не терял и, превозмогая боль, часто спрашивал о состоянии и положении войска. По его приказу послали нескольких воинов искать обходный путь через горы для неожиданного удара по врагу. Но разведчики доложили, что в горах выпал снег высотой в две пики и пройти там невозможно.

Выслушав их доклад, Тимур покачал головой и что-то прошептал. Потом он поднял вверх сначала один палец, затем второй и, показав их окружающим, спросил:

— Что я хочу сказать?

Эмиры молчали. Наконец один из них неуверенно сказал:

— Государь этим выражает, что осталось еще два средства для выздоровления. Врачи должны найти их...

— Не то, — с досадой ответил Тимур. — Через день или два меня уже с вами не будет. Готовьтесь...

Ночью восемнадцатого февраля он приказал созвать всех жен, внуков и приближенных эмиров. Пока они собирались, Тимур принес покаяние. Он признался, что грешил против законов пророка, занимаясь игрой в шахматы и кости, и поклялся на коране никогда больше не увлекаться этими дьявольскими играми.

Близкие с плачем окружили Тимура. Тогда он сказал:

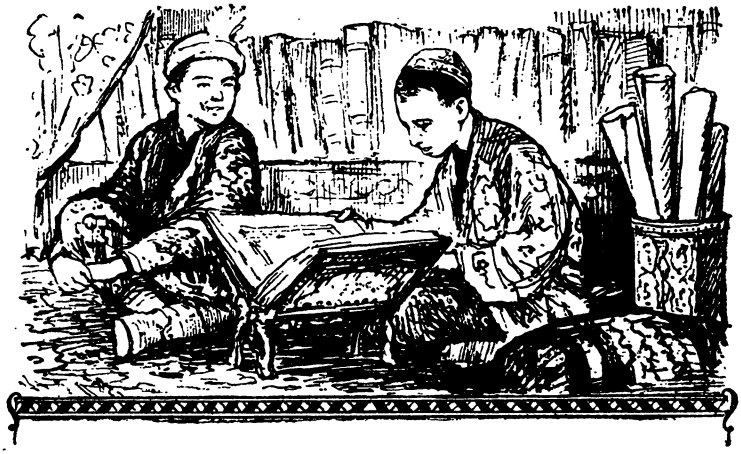
— Мое убежище — у трона аллаха. Только он

подает и отнимает жизнь, когда хочет. Его милости и милосердию я теперь вас вручаю. Незачем плакать и стонать вокруг меня. Я знаю наверное, что птица души моей улетит из клетки тела. Разве кто-нибудь когда прогнал смерть криками?

Потом он долго молчал, собираясь с силами, и начал громко диктовать писцу:

— Я требую, чтобы мой внук Пир-Мухаммед Джахангир стал моим наследником и преемником. Он должен удерживать трон Самарканда под своей властью, заботиться, как я, о военных и гражданских делах. А вы все должны ему повиноваться и служить, не щадя своих жизней, для поддержания его власти, чтобы мир не пришел в беспорядок и мои труды стольких лет не пропали даром...

Сильная икота мешала ему говорить. Он посмотрел на плачущую Сарай-Мульк, на Улугбека, не сводившего с него испуганных глаз, и хотел добавить еще что-то. Но вдруг захрипел, вытянулся и затих.



СЫН ШАХРУХА

Где высился чертог в далекие года
И проводила дни султанов череда,
Там нынче горлица сидит среди развалин
И плачет жалобно: «Куда, куда, куда?»
Омар Хайям

Казалось таким прочным, незыблемым, словно скалы Кавказа, — и вдруг рассыпалось, как песок...

Еще не остыло могучее тело Тимура, впервые бессильно вытянувшееся на ложе, а внуки и военачальники, собравшиеся вокруг, уже косо, настороженно смотрели друг на друга, точно прицеливались: как бы первым нанести удар, чтобы избавиться от соперников.

По воле Тимура наследником ему должен стать Пир-Мухаммед. Но он далеко, в Индии. А власть, выпавшая из рук Повелителя Мира, так близка, так манит к себе...

И все-таки никто пока не решается первым ри-

нуться к власти. Морозной ночью у трупа Тимура начинается военный совет. Он заканчивается быстро, почти без споров.

Решили скрыть на некоторое время смерть Тимура и продолжать поход на Восток. В глубокой тайне, опять-таки ночью, тело Тимура надушили благовониями, розовой водой и мускусом, положили в гроб. Гроб поставили на дорогие носилки, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. В таких паланкинах обычно странствовали жены и любимые наложницы Тимура. Теперь по иронии судьбы он сам отправился в последний путь в таком легкомысленном кортеже.

Всем было предписано «согласно правилам шариата * и надобностям государства воздержаться от проявлений скорби». Даже траурных одежд никто не смел надевать.

Но тайны не держатся долго. И весть о смерти Тимура домчалась к самым отдаленным боевым отрядам даже быстрее гонцов, которые должны были доставить ложные приказы, якобы все еще отдаваемые Повелителем Мира. Весть летела от селения к селению, всюду вызывая растерянность и ужас. В один из кишлаков она ворвалась во время пира, и гости бросили котлы с дымящимся пловом и убежали в горы. Вместе с ними бежали из дому и хозяева, унося колыбель с полугодовалым младенцем, которому потом суждено было сделаться известным под именем Хаджи Ахрара и зловещей тенью встать за спиной Улугбека...

Тревогой и растерянностью полны были вьюжные ночи. И никто не знал, что ждет его за следующим поворотом дороги.

Прежде всего главные эмиры Шах-Малик и Шейх-Нураддин решили избавиться от обременительного придворного обоза. Всем вдовам Тимура было предложено возвратиться в Самарканд. Им посоветовали

---

* Шариат (буквально: «путь к спасению») — свод религиозно-нравственных норм, выполнение которых обязательно для правоверных.

поскорее известить о случившемся Шахруха и вызвать его в столицу. Вместе с царицами отправился в Самарканд и Улугбек.

Так был сделан первый шаг к тому, чтобы обойти волю Тимура и опередить Пир-Мухаммеда на пути к власти.

А другой шаг поспешил сделать взбалмошный Султан-Хуссейн. Он покинул левое крыло армии, которым командовал, и с тысячью самых верных воинов тоже ринулся в Самарканд — к власти.

И сразу все понеслось, завертелось, как в ночном кошмаре. Получив известие о маневре Хуссейна, эмиры решили прекратить поход и послали гонцов вдогонку Улугбеку, чтобы остановить придворный обоз. Другие гонцы мчались в Ташкент, где находилось правое крыло армии. Оно должно было двинуться к Самарканду и по пути в определенном месте встретиться с центром армии.

Сами эмиры Шах-Малик и Шейх-Нураддин поспешно повели свои отряды к этому месту встречи. Они едва успели переправиться через Сыр-Дарью, как начался ледоход. Возле селения Чилик их ожидали в тревоге царицы и Улугбек.

Но отряды правого крыла не пришли. Вместо них примчались гонцы и привезли весть, что все воины в Ташкенте отказываются выполнять приказы эмиров и присягнули на верность Халилю.

Претендентов на место Тимура становилось все больше. Растерянность и неразбериха нарастали, как лавина грязи — сель, сорвавшаяся с гор. Гонцы метались по дорогам, раскисшим от весенней распутицы. Эмиры слали Халилю гневные письма, обвиняя его в измене. Тот отвечал, что власть он берет лишь временно, а потом передаст ее законному наследнику — Пир-Мухаммеду.

А по земле шла весна — двенадцатая весна в жизни Улугбека. Пенилась мутная вода в арыках. В бездонном небе с криком тянулись журавли. Устав от бесконечных, до хрипоты, споров эмиров, Улугбек охотился в окрестностях кишлака. Казалось, ему не было никакого дела до власти.

Но в большой игре хотели использовать и его. Шах-Малик украдкой делал ход за ходом. Ему тайно удалось подкупить одного из приближенных Халиля, который командовал авангардом и руководил наведением моста для переправы через Сыр-Дарью. Мост он построил, первый перешел со своим отрядом на другой берег. А потом разрушил переправу, поставив своим предательством в трудное положение Халиля. Его отряды остановились на берегу разлившейся реки.

Тем временем эмиры повели свои войска в Самарканд. Улугбек был пешкой в их руках — пешкой, которую Шах-Малик задумал сделать ферзем.

Немного не дойдя до столицы, армия стала лагерем. Шах-Малик с Улугбеком отправился в город. Улугбек шпорил коня, торопясь в родной Самарканд. Казалось, что там сразу кончатся все тревоги и беды. Сколько светлых детских воспоминаний было у него о веселых пирах, о тенистых садах, где привольно резвился он совсем недавно, не думая ни о чем!

Вот впереди уже виден лысый холм Афросиаба, а с его вершины открывается весь город со своими базарами, мечетями и дворцами. Гремят под копытами лошадей доски моста через арык. Улугбек первым подскакивает к громадным городским воротам.

Но они закрыты. С крепостной стены стражники грозят копьями, целятся из луков. Потом стражники расступились, пропуская вперед своего начальника. Улугбек привык видеть его всегда согнутым в услужливом поклоне. Но сейчас он совсем не таков. Повелительным голосом он кричит со стены, что город будет сдан только законному наследнику, Пир-Мухаммеду.

Так они стояли под стенами Самарканда, а сзади уже подходили передовые отряды Халиля. Медлить было нельзя. И тогда Шах-Малик отправил к городским воротам всех цариц с царевичами, при себе оставив одного Улугбека.

На грязной, истоптанной конями дороге, у стен Самарканда, который он так любил и который те-

перь отвергнул его, Улугбек простился со старой Сарай-Мульк-Ханым, заменившей ему мать, и больше уже никогда не видел ее.

После долгих препирательств стража впустила женщин и детей. А эмиры, избавившись, наконец, от пышного обоза, отправились в Бухару, увезя с собой всю казну Тимура, в которой, кроме денег и драгоценностей, хранилось немало оружия и одежды.

Игра вокруг престола шла своим причудливым чередом.

На первом ночлеге армию догнал посланный из Самарканда. Начальник стражи извинялся и твердо заверял, что столица не будет сдана и Халиль-Султану, никому на свете, кроме Пир-Мухаммеда. Эмирам ничего не оставалось делать, как поблагодарить за эти вести и одобрить столь твердое выполнение воли Тимура. Но, еще не дойдя до Бухары, они узнали, что Халиль подошел к Самарканду и ворота перед ним открыли без всякого промедления, встретив с большими почестями.

А через несколько дней у тех же ворот появился со своим отрядом незадачливый Султан-Хуссейн, завариший первым всю эту кашу. Увидев, что заветный престол уже занят, он не стал особенно горевать и тут же предложил свои услуги более счастливому сопернику.

Казалось, сам воздух в ту весну был насыщен предательством. Люди, клявшиеся в верности до гроба, всаживали друг другу нож в спину. И юный Улугбек, вначале следивший за всем с простодушным любопытством, вскоре почувствовал, что игра идет вовсе не шуточная и ставкой в ней может оказаться собственная жизнь.

Нашлись предатели и в стане Улугбека. Вступив в Бухару, эмиры начали спешно укреплять город. Шах-Малик отправился в Герат просить помощи у Шахруха. Но едва он уехал, начальник обороны Бухары ночью поднял мятеж. Шейх-Нураддин с Улугбеком едва успели бежать, бросив и крепость, и войско, и походную казну.

Первый раз в жизни пришлось Улугбеку спасать-

ся бегством. Они мчались всю ночь на неоседланных лошадях под яркими весенними звездами. В сонных кишлаках на них бросались собаки. Какие-то тени мелькали позади. Сердце Улугбека бешено колотилось. Впервые он познал слепой, панический страх.

Перепуганному мальчику казалось, что весь мир сошел с ума. Совсем недавно он восхищался своим старшим двоюродным братом Халиль-Султаном и завидовал ему. А теперь бежит от него, спасая жизнь. Еще вчера придворные кланялись ему до земли. Теперь они гонятся за ним, словно свора бешеных псов. Где спастись? У кого искать защиты?

Беглецам удалось догнать Шах-Малика, еще не успевшего даже доехать до Аму-Дарьи. Через несколько дней Улугбек уже был у отца, в Герате.

Шахрух встретил сына неласково. Больше всего он дорожил покоем, бесконечными духовными беседами с муллами, сейидами, дервишами. Целыми днями он молился в мечетях, и военные лавры его мало привлекали.

Но тут была задета честь. В Самарканде самозванцем сидел Халиль, досаждавший еще Тимуру своей непокорностью. И, видимо, он решил устроиться на престоле прочно. Затеял пышные похороны Тимура. Тело Железного хромца положили в гроб из черного дерева, а тот — в свинцовый и перенесли в мавзолей Гур-Эмир, который строился для Мухаммед-Султана. Вся усыпальница была завешана коврами, одеждами, завалена драгоценной утварью. «Цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась податям целого округа», — доносили в Герат тайные соглядатаи. Вот куда пошла казна, отнятая у Улугбека.

Шахрух решил начать военные действия. Борьба затянулась на несколько лет и велась как-то вяло, словно нехотя. После первых стычек на берегах Аму-Дарьи по предложению Халиля заключили перемирие. Халиль пообещал вернуть имущество Улугбека. Но когда посланные приехали за казной в Самарканд, их пытались там задержать. Им пришлось уехать ни с чем ночью, тайком. В свою очередь,

Шахрух продолжал держать вопреки договору крупное войско на Аму-Дарье, все время угрожая вторжением в Мавераннахр.

Основная борьба шла в тишине, за кулисами. Подкупали друг у друга приближенных, соблазняли щедрыми посулами, вели витиеватую дипломатическую переписку. В этом умудренный Шахрух чувствовал себя сильнее своего молодого соперника.

А Улугбек в это время открывал для себя новый, неведомый мир. После всех волнений и бешеных скачек по грязным дорогам, где за каждым поворотом могла подстерегать смерть, он наслаждался покоем тихого и древнего Герата. Город не уступал, пожалуй, по красоте Самарканду. Его окружали высокие прочные стены, над которыми возвышалось сто сорок девять больших и малых башен, — Улугбек сам их все старательно пересчитал.

За годы своего правления в Герате Шахрух сделал немало для украшения города. По его указаниям строились дворцы и особенно мечети и медресе*. Новинкой, которой еще не знали в Самарканде, были стекла в окнах многих домов. Они очень заинтересовали Улугбека.

С любопытством наблюдал мальчик и за постройкой громадного Чорсу — крытого рынка с высоким куполом на перекрестке четырех главных городских улиц.

Но особенно полюбил Улугбек проводить целые дни в тихих и полутемных кельях китобханы — дворцовой библиотеки. Шахрух был не только набожным, но и начитанным человеком. В его библиотеке было собрано много редких рукописей, над перепиской которых трудились лучшие каллиграфы, а замечательные художники украшали книги чудесными миниатюрами. Проводником Улугбека в этом новом для него царстве книг стал его младший брат Байсункар, увлекавшийся чтением.

А Улугбек, в свою очередь, старался приохотить брата к другой страсти — охоте в окрестных полях

---

* Медресе — высшее мусульманское духовное училище.

с ловчими птицами. Так они и проводили время, забыв о тревогах и бурях окружающего мира.

Но жадные страсти, волновавшие взрослых, не утихали. Борьба все более запутывалась и усложнялась. В нее вступил Пир-Мухаммед, требуя себе престол на основе завещания Тимура. Халиль направил против него тридцатитысячное войско под командой Хуссейна. Но, отвоевав у Пир-Мухаммеда Балх, неуемный Хуссейн вдруг почувствовал свою силу, перебил для острастки нескольких своих приближенных и повернул войска на Самарканд, снова требуя себе царский престол. Халиль разбил его и заставил бежать в Афганистан. Тут Пир-Мухаммед решил взять реванш и потребовал выдать ему соперника.

Хуссейн бежал в Герат к дяде и попался в ловушку. Набожный Шахрух, посоветовавшись с имамами, приказал схватить его, посадить в тюрьму и там убить.

После нескольких лет разлуки снова встретился Улугбек с товарищем детских игр, вдруг ставшим его врагом, — теперь уже с мертвым. Он был в покоях отца, когда туда принесли отрубленную голову Хуссейна. Шахрух посмотрел на нее и приказал отправить этот страшный подарок Пир-Мухаммеду. А тело убитого царевича несколько дней возили по гератским базарам.

Это была первая жертва жадной борьбы, но далеко не последняя.

Весной 1406 года Шахрух, объединившись с Пир-Мухаммедом, послал свои войска на берега Аму-Дарьи. Командовать ими он поручил двенадцатилетнему Улугбеку. Но фактически вершил все дела, конечно, Шах-Малик.

Улугбека снова сделали пешкой и втолкнули в игру. Осторожные, нерешительные схватки опять сменялись долгими переговорами. Халиль снова пообещал вернуть захваченную казну, но прислал только... жену Улугбека, которую до сих пор удерживали в Самарканде. Потом возле Карши произошла решительная битва — и Улугбек снова бежал,

спасая жизнь, в Герат вместе с Шах-Маликом, а Пир-Мухаммед — к себе в Балх.

Опять армии топтались на берегах Аму-Дарьи и заводили мирные переговоры. Халиль клялся, что всегда стремился к миру и только вражеское нападение заставило его взяться за оружие. Шахрух тоже уверял, что если бы на него не нападали и вернули имущество сына, то ни за какие сокровища не стал бы он проливать кровь единоверцев.

На какое-то время наступила видимость мира. Но длилась она недолго. Вскоре от руки убийцы пал Пир-Мухаммед, так и не успевший добраться до престола, завещанного ему дедом. Шахрух не упустил случая и тотчас же под предлогом мести захватил Балх. Такой маневр вызвал справедливые подозрения у Халиля, и тот поспешил опять двинуть свои войска к Аму-Дарье.

До военных действий дело, однако, не дошло. Но закулисная игра продолжалась. Шахрух усиленно стал засылать в тыл к Халилю своих тайных агентов и сторонников. Их интриги увенчались тем, что в Самарканде начались волнения. Междоусобица и смута разорили страну. Земледельцев то и дело отрывали для участия в военных походах. Поля не обрабатывались, зарастали бурьяном. В Мавераннахре начался голод.

Сподвижники Халиля враждовали между собой. Их возмущало, что молодой правитель позволяет вмешиваться в государственные дела своей любимой жене Шад-Мульк, из-за которой он в свое время поссорился с дедом. Про нее даже распустили слухи, будто она приказала тайно отравить вдову Тимура Сарай-Мульк. Вряд ли это было правдой. Но, во всяком случае, эта старая женщина, заменившая Улугбеку мать, умерла действительно при загадочных обстоятельствах.

Неопытный Халиль-Султан оказался в трудном положении. С севера его теснили сторонники Шахруха. С запада, воспользовавшись междоусобицей, то и дело совершали набеги кочевые племена турк-

мен и узбеков. И в самой столице его царил разброд.

Шахрух выбрал удачный момент для решительного удара. И нанес его чужими руками. Весной 1409 года, когда Халиль с небольшим отрядом отправился усмирять непокорные племена в северных областях, на него неожиданно напал один подкупленный Шахрухом эмир и захватил в плен. Узнав об этом, Шахрух спешно повел свои войска в Мавераннахр и без всякого боя вступил в Самарканд.

Захватив власть, Шахрух жестоко расправился со всеми, кто остался верен Халилю. Даже Шад-Мульк подвергли пыткам, а потом с позором водили по всем городским базарам. Но казнить Халиля Шахрух не решился. Он был просто выслан подальше и назначен правителем маленького захолустного городка, где и умер через два года — кажется, тоже не без помощи яда...

Так закончилась длившаяся целых шесть лет кровавая пляска вокруг престола Тимура. Шахрух мог спокойно занять его, никаких серьезных соперников больше не оставалось. Незадолго до этого в бессмысленной стычке с туркменами у берегов далекого Каспийского моря погиб другой сын Тимура — свихнувшийся Мираншах. Голову его насадили на пику туркменского копья. Еле удалось выпросить у победителей тело погибшего брата, и какой-то дервиш привез его в кожаном мешке в Самарканд.

Шахрух решил похоронить брата рядом с Тимуром в мавзолее Гур-Эмир. Но перед этим приказал убрать оттуда все ковры, оружие, все богатые приношения и утварь: не пристала покойнику такая пышность по законам шариата. И тело Повелителя Мира переложили из стального гроба в простой деревянный.

Власть была у Шахруха в руках. Но он не захотел остаться в Самарканде. Его сердцу был милее и дороже Герат, где провел он почти всю жизнь в душеспасительных молитвах и хитрых интригах. Туда он и вернулся зимой, оставив правителем Самарканда своего сына Улугбека.

И опять-таки Улугбек оказался пешкой в чужих руках. Ему дали строгий наказ во всем подчиняться «величайшему эмиру, справедливейшему и великодушнейшему Шах-Малику».

Улугбек чувствовал себя, как охотничий сокол, которого вывезли в чистое поле, а путы еще не сняли. Захочешь поехать на охоту — надо спрашивать разрешения Шах-Малика. Захочешь устроить пирушку с друзьями — снова иди на поклон. А Шах-Малик смотрел на такие забавы косо. Перед отъездом Шахрух дал ему строгий наказ свято чтить правила шариата и во всем слушаться городских шейх-ал-исламов, наставников веры.

Что касается государственных дел, то Улугбек скоро понял: тут и просить бесполезно. Все вопросы решались без него. Шах-Малик сам приказывал, какой установить налог и с кем воевать.

Весной вдруг взбунтовался обиженный Шейх-Нураддин. Он, в доме брата которого диктовал последнюю волю умирающий Тимур, никак не хотел примириться с возвышением своего давнего соперника Шах-Малика. Он собрал войско и повел его на Самарканд, и поначалу судьба улыбнулась ему. Небольшие отряды, высланные навстречу Шах-Маликом, были разбиты. Снова, спасая жизнь, бежал Улугбек, сопровождаемый неудачливым опекуном.

Перед победителем открылась дорога к заветной столице. Через несколько дней Шейх-Нураддин уже появился на белом коне у ворот Самарканда.

Но ворота были заперты, а штурмовать Самарканд эмир не решился, видно вспомнив, как переменчива бывает военная слава. Он ограничился пока тем, что ограбил все окрестности города да провел несколько пьяных ночей в одном из загородных дворцов Тимура, хоть на короткое время почувствовав себя повелителем.

Самарканд не был сдан, но положение Улугбека и Шах-Малика оказалось довольно серьезным. Они были отрезаны от собственной столицы. И почти вся страна очутилась в руках мятежного эмира.

Пришлось снова просить помощи Шахруха.

А тот не спешил. Улугбек едва дождался, когда передовые отряды отца подошли к Аму-Дарье, и тотчас же повел их навстречу войскам Шейха-Нураддина. Шахрух с основной армией следовал неспешно за ним.

Но никак не удавалось Улугбеку пожать лавры победителя. Заслышав о приближении Шахруха, Шейх-Нураддин не стал мешкать и поскорее ушел от стен Самарканда. Шах-Малик, не желая уступать славы своему подопечному, бросился было вдогонку, но неудачно. Его войска снова оказались разбиты, да так, что Шейху-Нураддину достались огромная добыча и почти все оружие бежавших воинов соперника. Сам Шах-Малик едва сумел пробиться к Самарканду и спрятаться за его крепкими стенами.

Улугбек пришел в бешенство, узнав об этой новой неудаче. Но в глубине души ликовал: поражение Шах-Малика давало какую-то надежду вскоре избавиться от такого опекуна.

Однако расчеты его не оправдались. Подоспевший Шахрух наголову разбил мятежного эмира, даже лично приняв участие в битве, и опять — в какой уже раз за эти годы! — победителем вошел в Самарканд. И снова он пробыл здесь недолго и вернулся обратно в Герат, простив Шах-Малику ошибки и военные неудачи.

Все осталось, как прежде: по любому пустяку Улугбеку приходилось обращаться за разрешением к опекуну. И в душе царевича разрастались обида и страстное желание избавиться, наконец, от этой унизительной опеки.

Он тоже попытался вести интриги, как и все вокруг него, послав отцу письмо с жалобой на неправильные действия опекуна. Тут было собрано все: и справедливые нарекания, и сплетни, и заведомые вымыслы. Шахрух, получив этот донос, прислал в Самарканд одного из своих чиновников расследовать дело на месте. Посланный нашел, что Шах-Малик хорошо правит страной и дает Улугбеку разумные советы, хотя и отметил в своем докладе Шахруху, что советы эти иногда задевают самолюбие царевича.

На том дело и кончилось. А неприязнь между

Шах-Маликом и Улугбеком эта история, конечно, обострила еще больше.

Улугбек был так разобижен, что даже отказался участвовать в новом походе против разбитого, но не сломленного до конца противника, который Шах-Малик затеял следующей весной. Улугбек остался в Самарканде, как ни манила его военная слава. Но он понимал, что рядом с опекуном никакой славы не завоюешь.

На сей раз Шах-Малик решил разделаться со своим соперником окончательно. Он теснил поредевшие войска Шейха-Нураддина, пока тот не убежал на север, к монголам. Но едва Шах-Малик повернул свои отряды обратно, как противник снова появился в пределах Мавераннахра и захватил небольшую крепость.

В крепости случайно оказалась одна из вдов Тимура. Когда Шах-Малик стал готовиться к штурму, чтобы выбить соперника, царица вышла на башню и с плачем начала уговаривать его помириться, вспоминая мирные, добрые времена при Тимуре. Обескураженный Шах-Малик опасался подать сигнал к решительному штурму. Он сидел у стен крепости так долго, что даже Шахрух забеспокоился и отправился на выручку с войском из Герата.

Улугбек, отдыхая в Самарканде, со злорадством следил за этой игрой в кошки-мышки. Шах-Малик понимал нелепость своего положения и все больше приходил в ярость. Он был готов на все, чтобы положить конец затянувшейся бесславной драке.

И такой случай ему скоро представился. Шах-Малику удалось тайно подкупить одного из нукеров соперника. После этого он сделал вид, что хочет идти на мировую, и предложил Шейху-Нураддину выйти из крепости на переговоры. Шах-Малик обещал явиться в назначенное место безоружным, в сопровождении только двоих нукеров.

Утром Шейх-Нураддин вышел из крепости и остановился на пригорке, поджидая Шах-Малика. Его сопровождали тоже двое нукеров, но он не подозревал, что один из них — предатель. Подошедший Шах-Малик приветливо раскланялся и сказал, что готов за-

быть все прошлые обиды. Власть и славу они как-нибудь поделят...

Обрадованный Шейх-Нураддин бросился обнимать вновь обретенного друга. И в этот момент подкупленный нукер по знаку Шах-Малика всадил своему эмиру кинжал в шею.

Предательство никого особенно не удивляло в те времена. Оно считалось вполне допустимым в борьбе за власть. Но все-таки поступок Шах-Малика был настолько коварен и вероломен, что им возмутился даже Шахрух. Вероятно, и Улугбек не упустил возможности настроить отца против зарвавшегося и так опозорившегося опекуна.

Прибыв в Самарканд, Шахрух не стал жить в городе, а разбил свои шатры на равнине Кангиль, где любил располагаться станом Тимур. Этим Шахрух как бы подчеркивал, что вовсе не желает долго оставаться в здешних краях.

Через несколько дней в стан привезли отрубленную голову Шейха-Нураддина и положили к ногам Шахруха. Со смешанным чувством внутреннего ликования и какого-то ужаса смотрел на нее Улугбек. Все ведь могло обернуться иначе, и кто знает, не лежала бы тогда его голова у чьих-либо ног? Но теперь, к счастью, все кончилось, и, кажется, наконец-то он обретает свободу!

Вскоре перед шатром Шахруха появился и притихший, сразу потерявший всю свою властность эмир Шах-Малик. Шахрух встретил его ругательствами и гневными упреками. Предателя нукера тут же перед шатром наказали палками. Это была достойная приплата к тем деньгам, что он получил за подлое преступление. Потом обоим было приказано исчезнуть с глаз повелителя.

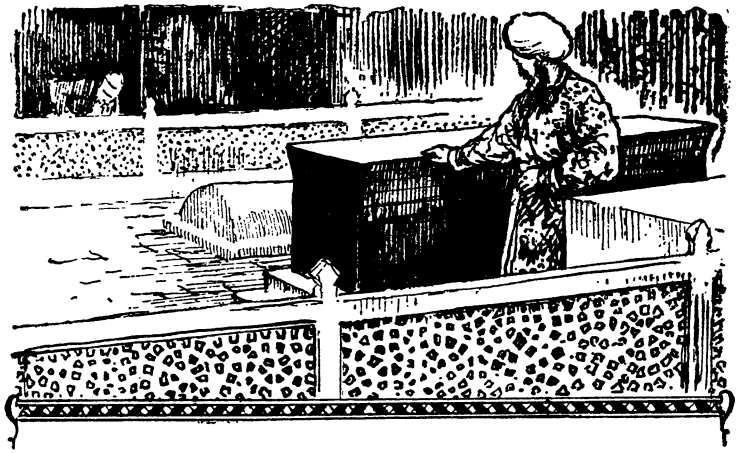
Но гнев Шахруха не был искренним, в большей степени — дипломатическим шагом: ведь у Шейха-Нураддина осталось немало весьма влиятельных родичей, и они могли начать мстить за убитого. Поэтому Шахрух сердился на Шах-Малика больше напоказ. Вскоре он снова приблизил его к себе и даже назначил правителем Хорезма.

Но Улугбека это уже мало интересовало. Главное — он становился хозяином Самарканда.

Провожая отца, он впервые устроил пир как полновластный правитель. Звенели струны кобуза, иволгой заливалась флейта. По знаку Улугбека слуги один за другим вносили богатые подарки и с поклонами раскладывали их перед Шахрухом. Даров оказалось так много, что Шахрух забеспокоился.

— Не забывай мне вовремя присылать доходы в Герат, — ворчливо сказал он, — и уважай достославных святых шейхов Самарканда. Они будут твоими наставниками. Слушайся их!

— Конечно, о мой отец и повелитель! — беззаботно ответил Улугбек.



ДВОРЦОВЫЙ ПЛЕН

Несовместимых мы всегда полны
желаний:
В одной руке — бокал, другая — на
коране.
И так вот мы живем под сводом
голубым:
Полубезбожники и полумусульмане

Омар Хайям

Наконец он свободен! Ему шел восемнадцатый год, и теперь он стал полновластным хозяином Самарканда.

Проводив отца, Улугбек долго стоял на лысой вершине холма Афросиаб и смотрел на город, раскинувшийся у его ног. Была зима, сады стояли голые, пустые, выпавший за ночь снег таял под копытами лошадей и превращался в липкую грязь. Но Улугбек, вдыхая сырой воздух, уже чувствовал дыхание весны и улыбался своим радостным думам.

Он не мог налюбоваться своим Самаркандом. Город был древним: Улугбек хорошо знал старинные предания о том, что некогда именно здесь, на холме

Афросиаб, где он теперь стоял, раскидывал шатры легендарный Искандер Двурогий — Александр Македонский. Тогда город назывался Маракандой и весь умещался на этом холме. Он переместился вниз, в долину, лишь после страшного нашествия свирепых воинов Чингис-хана в 1220 году.

Улугбек тронул коня и начал медленно спускаться по склону. По дороге в город он еще заехал полюбоваться мавзолеями Шахи-Зинда. Это место почиталось священным. Здесь был похоронен некий Кусам-ибн-Аббас. Его считали двоюродным братом самого пророка Мухаммеда, и муллы уверяли, будто он был последним, кому посчастливилось видеть посланника аллаха перед смертью. Поэтому и прозвали место его погребения Шахи-Зинда — «Живой царь». Каждый год сюда приходили на поклонение тысячи верующих.

Вокруг «святой» могилы с течением времени возникло несколько усыпальниц. Особенно ловко постарался использовать это удобное место хитрый Тимур. Он похоронил здесь своих сестер, жену, других родичей. Его замысел оказался верным: посещая могилу «Живого царя», люди заодно славили и Тимура, восхищались его святостью. А чтобы молитвы не затихали ни днем ни ночью, Тимур приказал тут же построить и вместительную ханаку — своего рода «странноприимный дом» для бродячих дервишей.

Все эти постройки образовали целый небольшой городок, рассеченный, словно улицей, узким коридором. Удивительное, незабываемое впечатление производят они даже теперь, когда стены обрушились во многих местах, осыпались кое-где изразцовые плитки, на крышах мавзолеев успели вырасти настоящие деревья.

Яркие, нарядные краски майолики, секрет которых унесли с собой безвестные мастера, почти не потускнели за века. Можно представить, как же они радовали глаза Улугбека в тот далекий день, когда он по-хозяйски обходил один мавзолей за другим.

Вся его поездка по Самарканду в тот день превратилась как бы в своеобразный смотр красоты и богатств, владыкой которых стал молодой правитель.

Миновав базар, раскинувшийся сразу за городскими воротами Аханин, Улугбек со свитой подъехал к соборной мечети. Она высилась над шумным и пестрым торжищем, словно гора. Четыре минарета возносили по ее углам свои острые верхушки прямо в небо. За входной аркой открывался просторный внутренний двор. Он был громаден, но величину его скрадывал целый лес колонн — их насчитывалось свыше четырех сотен!

Подоспело время полуденной молитве «зухр», и Улугбек совершил намаз возле мраморного колодца, полного чистой и холодной воды.

От соборной мечети начиналась та главная улица, которую приказал провести Тимур через весь город. Возле лавок всегда толпился народ. Стражники, размахивая плетьми, с трудом оттесняли эту толпу к стенам, прокладывая дорогу для Улугбека. Завидев белую лошадь правителя, люди падали ниц в серую базарную пыль.

Улугбек ехал медленно, заглядывая с высоты седла в окна лавок. Представители каждого ремесла имели свои торговые ряды, не смешиваясь друг с другом. В лавках джибатан смутно мерцали на стенах стальные кольчуги. На пестрых коврах разложили длинные, певучие в своем смертельном полете, острые стрелы продавцы — тиргаран. Синий дымок вился над переносными очагами литейщиков — чуяигаран. Звонко стучали молотками кузнецы, гнули спины над кольцами ювелиры, резчики печатей, граверы.

Отменных мастеров было в Самарканде так много, что они занимали своими лавчонками целые улочки, вливавшиеся в главную, словно ручейки в реку. Эти улицы так и называли по ремеслам: Наккашан — улица художников, Заргаран — улица ювелиров.

С удовольствием слушал Улугбек веселый перестук молотков и громкие базарные крики. Взгляд его радовали нежные краски китайских шелков на прилавках, блеск драгоценных камней. Ведь все это теперь его. Он всему отныне хозяин. Он стал, как Тимур, правителем Самарканда, который на разных языках славят «Ликом Земли»!

Город был богат и прекрасен, но страшно запущен. Это тоже бросилось в глаза Улугбеку. Годы междоусобных смут, осад и набегов повсюду оставили после себя грязные следы. Липкий ил затянул арыки, на улицах — груды мусора. Улугбек приказал своим эмирам немедленно навести порядок.

А сам он повернул коня в ту сторону, где над верхушками старых тополей поднимался голубой купол нового мавзолея. Тимур начал строить его для своего любимца Мухаммед-Султана, но волей судьбы сам первый лег под его высокими сводами. Теперь мавзолей так и называли в народе: Гур-Эмир, «Могила Эмира».

Улугбек слез с коня и, преклонив под аркой колени, вошел в прохладный полумрак мавзолея. Внутренняя отделка еще не была закончена. Два мастера выкладывали по стене тонкую полоску из прозрачного, как чистый лед, дорогого камня оникса. Третий мастер шлифовал высокие резные двери изумительной работы. Резьба словно состояла из двух слоев: на фоне виноградных листьев и усиков выступала ваза с пышным букетом цветов.

Над дверью по синему полю тянулась надпись из белоснежных мозаичных букв: «Это могила султана мира, эмира Тимура Гурагана».

Низ стен покрывали плитки зеленоватого мрамора, а выше они были расписаны красками, тоже в мягких зеленоватых тонах. От этого полумрак приобретал какой-то радостный, живой оттенок, словно Улугбек вошел не под своды гробницы, а в густую, тенистую аллею сада.

Сверху, из стрельчатых маленьких окон под самым потолком, свет падал на три гробницы из простого серого камня. Теперь они лежали рядом: Тимур, Мираншах и Мухаммед-Султан.

Это были только надгробия, а сами могилы находились внизу, в подвале. Но туда Улугбек не стал спускаться. Темный зев подземелья почему-то пугал его.

Вечером во дворце Кок-Сарай он при зыбком сиянии светильников листал книги, на страницах которых придворные мудрецы старательным почерком записа-

ли заветы, якобы обеспечившие Тимуру счастливое правление, вечную любовь народа и верное местечко в райских садах Эдема:

«Я слышал: если аллах пошлет кому-либо великую власть, то могущество владыки возрастет еще больше, если он будет справедлив и милостив во всех своих делах; могущество владыки, наоборот, быстро придет в умаление, если он уклонится на путь несправедливости и жестокости. И вот, чтобы поддержать и укрепить свое имущество, я взял в одну руку светоч справедливости, а в другую — светоч милосердия и этими двумя светочами непрерывно освещал путь своей жизни, всегда во всех делах стараясь быть справедливым и милостивым...

Я выбрал четырех министров себе, справедливых и милосердных. Я приказал им всегда следить за моими поступками и останавливать меня всякий раз, когда я буду несправедливым, буду верить словам лжи или посягать на чужое добро».

Улугбек не выдержал и рассмеялся. Уж кто-кто, а он-то не забыл деда. Попробовал бы кто-нибудь возразить Тимуру! Смельчак не прожил бы после этого и часа.

Он видел, как нагло лгала эта толстая книга в красивом переплете с рубинами, вделанными в кожу, и с серебряными застежками. Но он хотел понять, как надо жить и править людьми, и продолжал читать дальше.

«Всегда я считал себя первым и самым ревностным слугой аллаха, всегда творил волю аллаха и его посланника Мухаммеда, без воли аллаха не чинил вреда ни одному из народов этого мира. И знатным и незнатным я одинаково старался делать добро; я никогда не желал овладеть чужим имуществом, не думал о богатстве, не завидовал богатым. Поучительна судьба эмира Хуссейна, жадного до добра подвластных ему людей, он и погиб из-за своей жадности...»

Улугбеку вдруг показалось, что он слышит резкий, хрипловатый голос покойного деда: так велика была ненависть, вдруг прорвавшаяся среди торжественных

поучений, что даже сюда заставил Тимур вставить имя своего врага и соперника, чьи кости давным-давно уже истлели в земле.

Когда-то в молодости Тимур и эмир Хуссейн были неразлучными друзьями. Вместе они грабили купеческие караваны, вместе попали в плен к туркменам и томились там добрых два месяца. Но Повелитель Мира не любил вспоминать о своей разбойничьей молодости. Улугбек узнал об этом уже после смерти деда. В книгах все рисовалось совсем иначе, и Тимур выдавался чуть ли не за божьего сына.

Не любил распространяться Тимур и о том, чем закончилась его дружба с эмиром Хуссейном, «жадным до добра подвластных ему людей». Они даже было породнились: Тимур сосватал за друга свою сестру. Но скоро двум тиграм стало тесно в одном лесу, и друзья передрались. Тимур оказался победителем и уничтожил эмира Хуссейна. Только сделал он это весьма ловко, чужими руками: дал ему клятвенное заверение сохранить жизнь, а потом подыскал людей, которые хотели отомстить эмиру за родичей, казненных Хуссейном. А разве могут иметь какую-нибудь силу любые клятвы против завета шариата: «Кто будет убит несправедливо, за того право мести мы предоставили родственнику его...»

И какое поистине дьявольское лицемерие надо было иметь, чтобы потом еще сказать об убитом: «Он погиб из-за своей жадности. Поучительна его судьба!..»

«А может быть, так и должен вести себя правитель? — думает в ночной тишине Улугбек. — Как жить? Как править страной, этим прекрасным городом, который раскинулся вокруг дворца под небом, усыпанном звездами?»

Любознательные беседы с придворными звездочетами не прошли даром. Улугбек сразу нашел среди россыпи звезд рыжеватое пятнышко Мерриха, как называли арабы планету Марс. И отменная память сразу подсказала ему все поверья, связанные с этой планетой: «День звезды Меррих — вторник... Если год начинается с этого дня, то смерть постигнет многих

правителей и владык... Но зато хлеб поднимется в цене, обогащая торговцев, будет много дождей, а рыбы мало. Мед станет дешев, и на полях созреет хороший урожай ячменя. Но нападет падеж на ослов, и цена на них поднимается до крайности...»

У каждого человека есть своя звезда, думал Улугбек. И по сочетанию звезд можно, говорят, узнать заранее все человеческие судьбы. Это очень удобная наука для правителей! Надо заняться ею самому, не доверяясь своим звездочетам. Тогда он поймет, как надо править.

Улугбек пока этого не знает. Он не знает еще очень многого. Ему неведомо, что вовсе не в царственной власти найдет он свое счастье и вечную славу. Он и не подозревает, как потускнеют, померкнут наивные мечты о предсказании судеб по далеким мерцающим звездам перед захватывающей картиной законов природы, которые движут планетами. И тогда эти звезды станут для него близкими, родными, и он будет звать их все по именам и узнает даже лучше, чем собственных сыновей. И не знает также Улугбек в этот час ночных мечтаний и раздумий, что еще придется ему самому в конце жизни столкнуться с дьявольским коварством людей, которые умеют ловко воспользоваться древним кровавым заветом шариата: «Кто будет убит несправедливо, за того право мести мы предоставили родственнику его...»

Пока что он слишком молод, чтобы долго ломать голову над загадками жизни. В нем играет горячая кровь. Утром Улугбек приказывает седлать поскорее коней и спешит за город, в сад Давлетабад, где шумят водопады, в еще не одевшихся листвой зарослях в предчувствии близкой весны кричат фазаны, выискивая подруг, и слуги уже расстилают громадный достархан — пиршественную скатерть.

Песни звучат в садах весь день, а то и всю ночь напролет, пока над дальними холмами не появится утренняя звезда Зухрат.

— Музыканты, играйте веселей! — кричит Улугбек. — Ведь Зухрат — ваша покровительница, ее

всегда рисуют с бубном в руках. Играйте в ее честь!

А один из гостей, больше других умудренный в искусстве лести, вспомнив к случаю стихи Низами, уже спешит весьма прозрачно сравнить молодого правителя с легендарным героем Хосровом:

В пять лет уже все то, что дивно в нашем мире,
Он зорко наблюдал, учась постигнуть шире.
Шести достигнув лет, взрос кипарисом он,
Стремясь обычаи постичь шести сторон.
Он славен стал красой; узрев его однажды,
«Юсуф египетский» * о нем сказал бы каждый...

Улугбек любил и знал стихи Низами и с улыбкой подхватывал певучие строчки:

Он узел из волос развязывал стрелой,
Копьем кольцо срывал с кольчуги боевой.
Как лучник, превращал, на бранном целясь поле,
Венеры барабан он в барабан соколий... **

Своих охотничьих соколов Улугбек тоже не забывал. Бросив пирующих гостей, он вскакивал на коня и мчался по окрестным полям, где в чистых весенних лужах отражалось бездонное небо. Увлеченный охотой, молодой правитель больше смотрел вверх, где быстрокрылые кречеты стремительно гонялись за жирными перепуганными утками. То, что творилось вокруг, на земле, Улугбек почти не замечал. Только изредка ему резали глаз какие-нибудь развалины или обвалившиеся дувалы покинутого людьми кишлака.

Нищета и разруха царили в селениях, дочиста разграбленных за годы военных смут. Крестьян душили налоги. Их было без счета: земельный налог — харадж, подушная подать — джизья, барщинные работы — богар, обязанность по первому требованию

---

* Библейский герой Иосиф, известный своей красотой, легенды о котором были распространены на Востоке.

** Этим типично восточным сравнением великий поэт хочет сказать, что для его героя веления судьбы покорны, как охотничий барабанчик.

хозяина поставлять лошадей и ишаков и еще великое множество всяких непредвиденных налогов и податей, которые назывались общим именем «аваризат».

И хозяев тоже было немало. Подвластные им земли правители раздавали своим приближенным. Это называлось суюргал. Каждый владетель такого суюргала, собирая налоги в казну, конечно, не обижал и себя.

Обширнейшие земли были приписаны также к многочисленным мечетям, священным мазарам, ханакам по особым, вакуфным, дарственным грамотам. На доходы от вакуфных земель кормилось все несметное множество духовных лиц.

Улугбек понимал, что страна обнищала и приходит в упадок. Но, конечно, ему и в голову не могло прийти снизить налоги и тем облегчить положение народа. Наоборот, чтобы пополнить казну, налоги повышались и взыскивались беспощадно. В этом Улугбек был сыном своего времени и даже помыслить не мог иначе.

И путь к процветанию страны он видел тоже в духе своего времени. Лучше всего наполнять казну за счет соседей — таков был, пожалуй, главный завет Тимура. Улугбек мечтал о военных походах.

Тем временем Шахрух решил вернуть обратно Хорезм, захваченный за время междоусобных смут кочевыми узбеками. Поручил он эту задачу Шах-Малику. Улугбек тоже послал свои войска, но сам очутиться вновь под началом недавнего назойливого опекуна решительно отказался.

Завоевав Хорезм, Шахрух послал свои войска дальше на запад отбирать области, захваченные сыном своего покойного брата Омар-Шейха Искандером. Улугбек не пожелал участвовать и в этом походе, хотя и предоставил отцу несколько боевых слонов. Он жаждал собственных подвигов, которые ни с кем не хотел делить.

Он уже забыл, как еще совсем недавно бежал, словно заяц, в ночной темноте, спасая свою жизнь. Теперь ему казалось, будто во всем тогда был виноват один неудачливый Шах-Малик. А теперь-то Улуг-

бек покажет всему миру, на какие подвиги способен внук непобедимого Тимура!

И случай скоро представился. В Фергане сидел наместником другой сын Омар-Шейха, царевич Ахмед. Земли его считались подвластными Улугбеку. Но Ахмед вовсе не хотел подчиняться своему двоюродному брату, да еще такому молодому. На строгие повеления Улугбека он попросту не отвечал. Улугбек вызвал его в Самарканд. Тот не приехал.

Весной 1414 года Улугбек повел свои войска в Фергану. Первый раз он ехал впереди воинов на белом коне, как настоящий полководец. Улугбек вспоминал уроки деда и построил свою армию точно так же, как это делал когда-то Тимур: впереди шло сторожевое охранение с опытным проводником, за ними авангард — манглай. Снова весело ржали кони, и густая пыль стояла над дорогами.

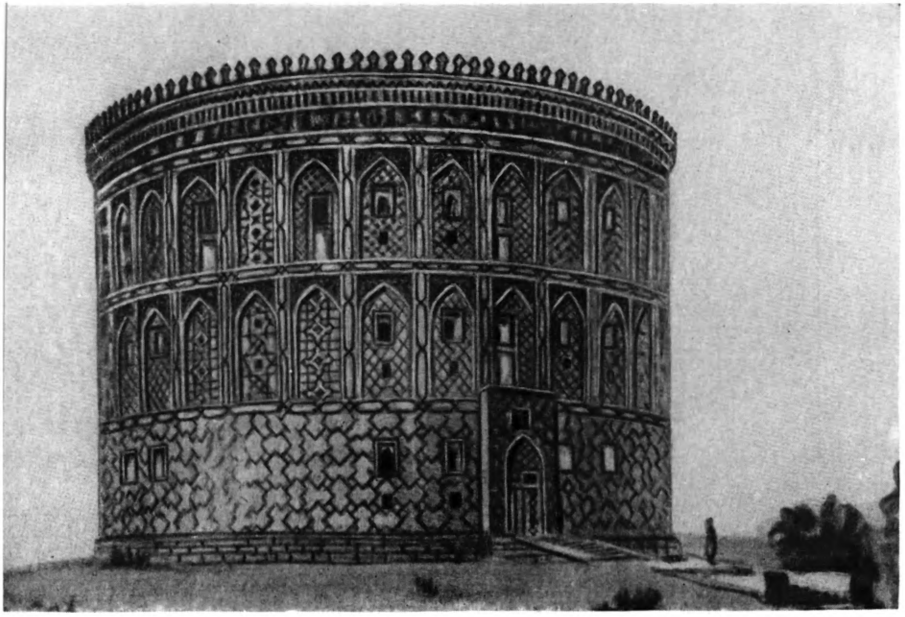
Древний вековой порядок движения войска пришлось поломать, когда проходили через «Ворота Тимура» — так, неизвестно почему, прозвали в народе тесное ущелье в Нуратинском хребте. Ни с какими подвигами Тимура это место не было связано. Но ущелье действительно служило как бы природными воротами в Самарканд, миновать которые было невозможно по пути с севера, из Моголистана. Цокот лошадиных копыт гулко отдавался среди мрачных, черных скал теснины, смешиваясь с неумолчным ревом реки, перекатывавшей камни.

Улугбек выехал из ущелья, и перед ним, словно бескрайный ковер, раскинулась в буйном весеннем цветенье джизакская степь. Трава была так густа и высока, что тюльпаны можно было рвать, не слезая с седла.

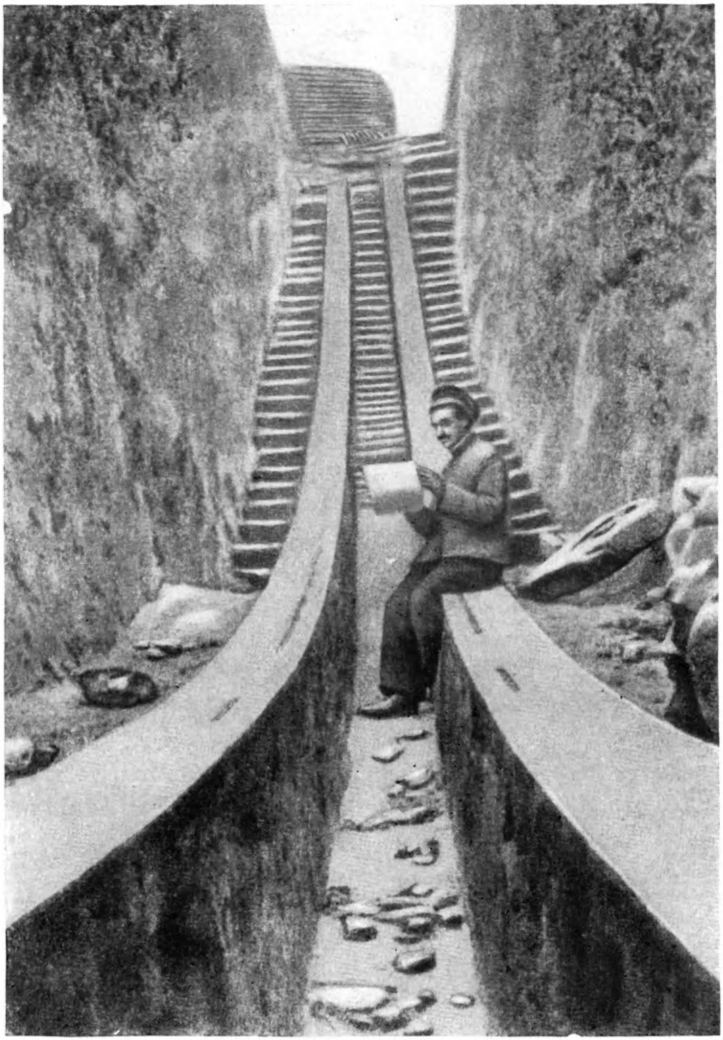
Разведчики доносили, что впереди все спокойно. Вражеские войска не появлялись. Армия Улугбека беспрепятственно прошла по берегу мутной Сыр-Дарьи, пробившей себе путь сквозь легендарные скалы Фархада, и вступила в благодатную Ферганскую долину.

Стали готовиться к долгожданному бою. Улугбек собрал всех эмиров, растолковал им свой план сра-

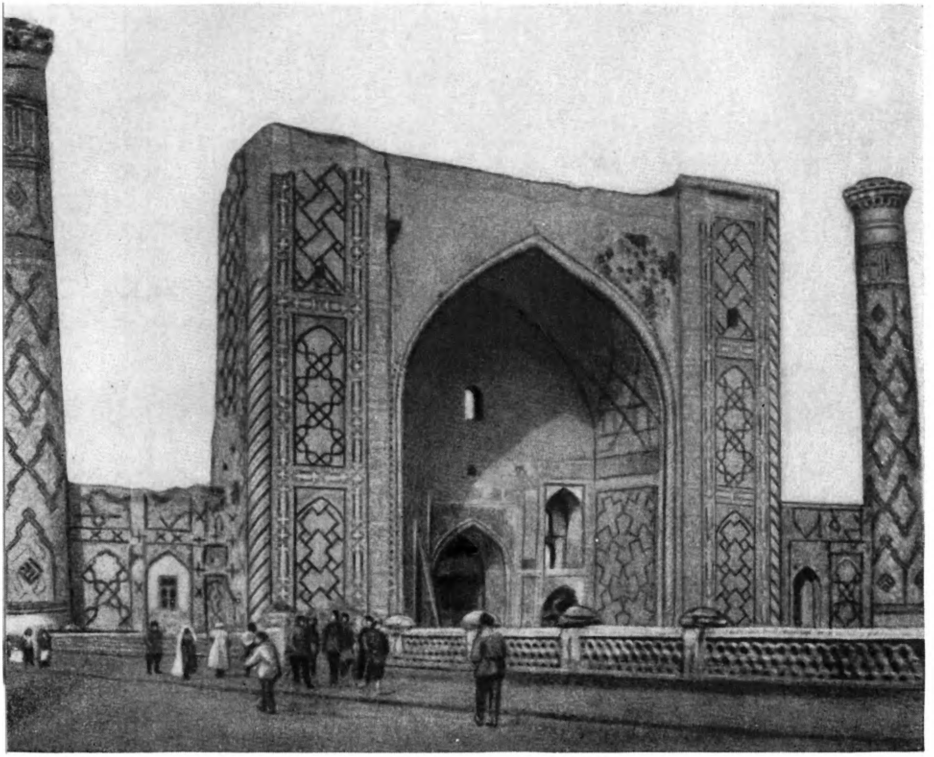
Инструментов, которыми пользовался Улугбек для наблюдений над звездами, не сохранилось. Но о том, как они выглядели, дает некоторое представление эта астролябия, сделанная в семнадцатом веке узбекским мастером.



Так попытался восстановить внешний вид обсерватории на холме Кухак советский архитектор В. А. Нильсен.



Даже сохранившаяся под землей небольшая часть главного инструмента и сейчас производит сильное впечатление. Снимок сделан во время первых раскопок В. Л. Вяткина.



Когда-то в этом медресе на площади Регистан в Самарканде Улугбек читал лекции.

жения, который долго и тщательно придумывал, и с каждого взял расписку, как делал дед. Он сам проверил предсказания астрологов: стечение планет благоприятствовало битве.

Все было продумано, взвешено, приготовлено. Не хватало только одного — противника. Сражаться оказалось не с кем: Ахмед убежал в горы, к монголам.

Обескураженный молодой полководец готов был разреветься как мальчишка. Но потом Улугбек утешил себя тем, что бескровная победа — тоже победа, и начал разводить отряды воинов по городам, чтобы всюду поставить свои гарнизоны. Местами они встречали сопротивление, но такое слабое, что победы в этих стычках не приносили никакого удовлетворения.

А в довершение всех огорчений Шахрух слал из Герата гонцов с гневными письмами, упрекая сына в самоуправстве.

Нет, не принес этот первый поход никакой радости Улугбеку. Все получалось совсем не так, как он мечтал. Не приняв честного сражения в чистом поле, Ахмед предпочитал наносить удары исподтишка. Едва Улугбек вывел свои отряды из Ферганской долины и направился домой, как Ахмед с монголами напал на оставленные гарнизоны, разбил некоторые из них и снова скрылся в горах, увозя с собой награбленную добычу.

Улугбек так толком и не понимал, кем он возвращается в Самарканд: победителем или побежденным. А теперь еще предстояло ехать в Герат, объясняться с отцом.

Встретили его в Герате настороженно. Шахрух дал понять, что считает себя полновластным хозяином всех земель, некогда завоеванных Тимуром, а сына — только одним из эмиров, которому временно доверено управление Мавераннахром. Но особенно упрекать сына не стал: как-никак в Фергане наведен порядок.

Во всяком случае, как старый дипломат, на людях Шахрух не показывал своего недовольства. Когда на торжественном приеме во дворце Улугбек стоял возле престола отца рядом со своим братом

Байсункаром, Шахрух воскликнул, обращаясь к придворным:

— Любуйтесь на моих сыновей! Я ими доволен, слава аллаху!

Байсункар тоже вырос и повзрослел за эти годы. Шахрух даже назначил его своим визирем * и, уезжая куда-нибудь, оставлял Герат на него. Но, конечно, все вопросы решала в своих покоях Гаухар-Шад. Байсункар был не глуп и тяготился таким положением. Гораздо больше, чем государственные дела, которые он мог решать только формально, его увлекала другая должность, предоставленная ему отцом: смотрителя придворной библиотеки. Тут он был полным хозяином, и Улугбек с удовольствием вел с ним долгие литературные беседы, втайне удивляясь начитанности брата.

Испытующе присматривалась к Улугбеку мать. Она была и умнее и энергичнее, а главное — властолюбивее своего мужа. Давно уже вершила она за Шахруха все государственные дела, но так осторожно и ловко, что не задевала самолюбия супруга. Гаухар-Шад умела действовать быстро и решительно, совсем по-мужски, и не раз, слыша, как она отдает приказания, Улугбек любовался ею и думал про себя: «Воистину в глазах ее не только сияние жемчуга, но и блеск меча **».

Сложись все иначе, наверное, никто лучше матери не смог бы оценить по достоинству ум и талантливость Улугбека. Но судьба разделила их. С самых ранних лет оторванный от нее, он не испытывал почти никаких сыновних чувств к этой незаурядной женщине. И для Гаухар-Шад родной сын был, в сущности, тоже совершенно чужим человеком. Сейчас она видела в нем только претендента на власть, умного и опасного соперника. Это настороженное и враждебное чувство станет крепнуть и разрастаться с го-

---

* Визирь (буквально: «носильщик тяжестей») — первый министр, носильщик тяжестей управления.

** Игра слов: по-персидски «гаухар» означает и «жемчужина» и «сверкание меча».

дами и в конце концов приведет к тому, что мать пошлет войной одного своего сына против другого и станет косвенной виновницей трагической гибели Улугбека, да и сама сложит седую голову в кровавой борьбе за власть, уже совсем не нужную старухе...

Неуютно и скучно было молодому царевичу в доме отца. Каждый день Шахрух аккуратно отправлялся в мечеть, и Улугбеку приходилось простаивать там с ним долгие часы на молитве. Во дворце вечно толпились дервиши в грязных лохмотьях. Улугбек видел, как нагло они притворяются нищими и убогими: у многих из них подкладки до отвращения замызганных и рваных плащей были сделаны из дорогого тонкого шелка. И увечья, которыми настойчиво хвастались дервиши, выпрашивая подаяние, тоже не внушали особого доверия. Все было лицемерным и лживым.

Еле дождался Улугбек, когда смог, наконец, вернуться в родной Самарканд. Уверяя отца и мать в сыновней преданности, он уже твердо знал: подчиняться он им не станет. Он будет править всем Мавераннахром так, как захочет. И станет жить по-своему, тоже как захочет.

Внешне все оставалось так, будто главой государства был Шахрух, а Улугбек лишь его наместником в Самарканде. От лица Шахруха чеканилась монета. Его имя аккуратно поминали в хутбах каждую пятницу по всем мечетям. Но, уступив отцу, словно игрушку ребенку, эти чисто внешние признаки власти, Улугбек взял себе главное — саму власть. Все доходы, которые приносили богатые земли Мавераннахра, оседали в подвалах Кок-Сарая, и Шахрух скоро вынужден был с этим смириться. На монетах стояло его имя, но распоряжался этими монетами Улугбек.

Как и при Тимуре, формально главой государства считался какой-нибудь хан из древнего рода чингисидов. Но Улугбек так часто менял этих подставных ханов, что имена их даже не запомнили историки. К тому же он приказал держать ханов в почетном плену, взаперти, чтобы вовсе не мешались в государственные дела. Дворец, где их содержали, так

и назывался «Ханской оградой». Он был красив, но запоры имел крепкие.

Улугбек хотел идти своей дорогой. Но куда, в какую сторону? Этого он и сам еще не понимал как следует. Пока дорога получалась торной, давным-давно протоптанной многими поколениями других правителей до него, — будь они владыками полумира, как Тимур, или хозяевами только одного какого-нибудь захудалого городка, каким кончал свою жизнь свергнутый Халиль-Султан.

Теперь Улугбек был свободен, но странное дело: все его затеи оказывались старыми как мир и быстро надоедали. Как подобает повелителю, он принимал послов и сам отправлял посольства в Китай, подарил в знак дружбы богдыхану превосходную лошадь редкой масти: черную, с белыми ногами, словно в чулках.

Как и подобает повелителю, да к тому же еще внуку Тимура, пробовал Улугбек продолжать и поиски военной славы. Весной 1416 года он совершил поход против кочевых узбеков за Сыр-Дарьей, но вскоре повернул свои войска обратно, так и не повстречав неприятеля в пустынных и диких степях. Через три года Улугбек снова повторил этот поход, чтобы сделать главой узбекских племен, продолжавших беспокоить набегами земли Мавераннахра, своего ставленника. И опять судьба подшутила над ним. Войско противника, не принимая боя, рассеялось, скрылось в неоглядных степных просторах.

Полководца, подобного Тимуру, из него никак не получалось. Оставались пиры, охота, и Улугбек с увлечением отдавался этим забавам. Теперь он мог иметь охотничьих соколов сколько душе угодно. Всей убитой дичи Улугбек вел точный счет, каждого фазана и утку записывал в особую тетрадь. Однажды эти списки потерялись. Улугбек снова поразил всех своей изумительной памятью, вспомнив и продиктовав писцу утерянный список. Потом, когда тетради случайно нашлись, их ради любопытства сличили с новым списком — расхождения почти не было.

Но слишком частые пиры и празднества вызвали

неодобрение ревнителей шариата. Зашевелились, заворчали наставники веры — шейхи и сейиды. При Тимуре они не смели головы поднять, но теперь с надеждой ждали, что все пойдет по-другому, как у Шахруха в благочестивом Герате. На один из пиров неожиданно явился городской мухтасиб * и начал разгонять гостей Улугбека.

— Проклятие вам! — в бешенстве кричал он, размахивая над головой суковатой палкой. — Вы забыли завет пророка: «О верующие! Вино, азартные игры, камни, где возливают масло, и гадание по стрелам — мерзости, придуманные шайтаном; удержитесь от них — и будете счастливы. Шайтан желает возбудить между вами ненависть и недружелюбие через вино и игру и удалить вас от аллаха. Неужели вы не удержитесь?»

Улугбек приказал слугам выгнать назойливого старика. Тогда тот погрозил и ему палкой и крикнул:

— Ты уничтожил веру Мухаммеда и вводишь обычаи неверных!

Улугбек подскочил к нему, схватил за руку так, что палка выпала, и прошипел сквозь зубы:

— Ты гордишься своим происхождением от святых сейидов и знанием веры. Ты достиг старости... Теперь ты, видно, хочешь также удостоиться мученичества? Но я не удостою тебя такой чести. Ступай!

Мухтасиб так опешил, что, вытаращив глаза, опрометью бросился вон из сада. Улугбек швырнул ему вслед забытую палку и засмеялся.

Он скоро забыл об этом столкновении. Но ему напомнил о нем Шахрух, когда сын снова ненадолго приехал в Герат. Верный своим привычкам, Шахрух не начинал разговор с прямых упреков. Он повел речь издалека, стал рассказывать о том, как строго соблюдает пост саум, даже в путешествии, и как его за это уважают не только сейиды и шейхи, но и все подданные.

---

* Мухтасиб — чиновник, ведавший «полицией нравов» тех времен. Он следил за нравственностью горожан, наблюдал, чтобы на базаре не обвешивали покупателей, и т. п.

Улугбек попытался отшутиться:

— Но в дороге так трудно бывает по утрам отличить черную нитку от белой. Аллах простит меня, если я начну поститься минутой позже...

Во время поста саум правоверным полагалось ничего не есть целый месяц при дневном свете. Так же нельзя было днем ни пить, ни курить, ни купаться, ни втягивать носом пахучих веществ, ни произносить пустых речей и ничего не читать, кроме корана. Если кто-нибудь случайно проглотит при свете солнца частичку пищи, застрявшую в зубах с вечера, или пролетавшую мимо муху, или снежинку, или дождевую каплю, то это уже считалось нарушением поста. Пить и есть можно только после захода солнца, и границу между днем и ночью шариат устанавливал весьма строго и точно: день наступал именно в тот момент, когда можно было отличить черную нитку от белой, а заканчивался тогда, когда их уже нельзя было различить. Уловить этот миг в самом деле не так-то легко, Улугбек был прав.

Но Шахрух не принял шутки. Он начал кричать, что не потерпит вокруг себя пьяниц и осквернителей шариата. «Уже донесли», — брезгливо подумал Улугбек. Он знал, что отец в данном случае не бросает слов на ветер. В Герате был даже не один, а два мухтасиба, и им предоставили весьма обширные права. Они могли прийти в любой дом и проверять нравы его хозяев. Если мухтасибы при этом находили вино, они выливали его на улицу. Однажды Шахруху донесли, что погреба с вином остались только в домах его собственных сыновей, царевичей Джуки и Аллаудавлы. Мухтасибы не решались туда войти. Тогда разгневанный Шахрух сам сел на коня и отправился вместе с мухтасибами в гости к сыновьям. Там он приказал подать все вино, какое хранилось в подвалах, и лично проследил, как слуги выплескивают его в арык.

Но Самарканд был все-таки далеко, и гнев отца не очень пугал Улугбека. Он больше был раздосадован тем, что наставники веры в его столице не только

суют свои носы куда их не просят, но еще и пишут доносы на него.

— Я вам покажу доносы!.. — ворчал он, подхлестывая на обратном пути ни в чем не повинную лошадь.

Он не задумывался, что эта мелкая стычка лишь только первая схватка в долгой и трудной борьбе с ханжами и фанатиками, которую ему придется отныне вести всю жизнь, до последнего вздоха. И борьба эта будет беспощадной, свирепой, хотя и тайной, скрытой от глаз. Тем она опаснее: ему станут наносить удары со всех сторон, а он даже не будет видеть своих противников.

Улугбек хотел жить по-своему. Но его окружали люди, которые не остановились бы ни перед чем, чтобы заставить правителя жить по законам шариата. Людей этих было много, а сила их велика. Кроме имамов, улемов, сейидов, жиревших возле каждой мечети, бродили еще по всем дорогам «люди сердца» — дервиши. А в каждом городе, тесно связанные между собой тайными узами, процветали бесчисленные секты и ордена мистиков. Их называли суфиями, потому что мистики обычно носили белые шерстяные одежды, а шерсть по-арабски «суф».

Весь этот жадный и скрытый мир фанатиков и мракобесов, готовый ополчиться на Улугбека и в конце концов сваливший его, был неимоверно сложен. Улугбек успел немного изучить гератских суфиев. Но там из-за особого засилья официальных книжных богословов, которым покровительствовал Шахрух, суфизм принял особый оттенок. В Герате он во многом носил свободолюбивый характер и вовсе не отвергал полностью естественные стремления к житейским земным радостям. Здесь сами книжники, богословы оставались строгими ревнителями шариата, а дервиши и суфии отстаивали против них более свободное толкование правил веры, защищая порой интересы народных масс.

Совсем иное положение сложилось в Мавераннахре. Суфии и дервиши и здесь пытались изображать себя защитниками народных интересов. Но на деле

они были отъявленными мракобесами, врагами всяческого прогресса. В Бухаре и Самарканде именно они стали самыми рьяными блюстителями «чистоты веры», нападая не только на представителей светской власти, но даже и на церковников, если те, по их мнению, нарушали правила шариата.

Дервиши объединялись в несколько орденов, во главе каждого из них стоял духовный наставник — пир. Любые его приказы выполнялись беспрекословно.

Самым реакционным был орден накшбендиев. Дервиши его всюду бродили с проповедями о кратковременности этого мира, требовали от каждого неуклонным соблюдением шариата заслужить себе блаженство в загробной жизни. Они призывали отказаться от всякого развития критической и творческой мысли, объявляя их греховными. По учению накшбендиев все на свете было заранее предопределено и не подлежало никаким изменениям.

Вот с какими врагами предстояло неминуемо столкнуться Улугбеку, если он хотел наслаждаться жизнью и строить ее по-своему.

Но на первых порах в этой борьбе он нашел себе в Самарканде неожиданного союзника. Шахрух ошибся, настоятельно советуя сыну слушаться во всем шейх-ал-ислама. Этот пост главы городского духовенства занимал тогда в Самарканде Исам-ад-дин. Он сам был не прочь повеселиться, съездить на охоту, вести с Улугбеком ученые беседы, весьма далекие от заповедей корана. Шейх-ал-ислам сблизился с молодым правителем и нередко брал его под защиту от нападок дервишей. Они даже частенько пировали вместе.

Но порой среди веселых пирушек Улугбеком овладевала скука. Для чего ему даны острый ум и великолепная память? Только для того, чтобы вести счет выпитым бокалам или подстреленным уткам? Такая жизнь начинала тяготить его. Хотелось чего-то большого, увлекательного, важного.

Да, есть власть у него. Но не принесла она пока ни покоя, ни настоящего счастья.

Улугбек увлекся астрологией, и придворные звездочеты посвящали его в свои тайны:

— Пятница — день Зухрат. Если год начинается с пятницы, то запомни, о повелитель: весна в этот год будет хороша, станут выпадать обильные росы, уродится много огурцов, арбузов, тыкв и земляных груш. В такой урожайный год появится на свет также много детей обоего пола, и народ будет счастлив.

Главное влияние на судьбы людей, по учению астрологов, имели Солнце, Луна и пять «блуждающих звезд»: Утаред (Меркурий), Зухрат (Венера), Меррих (Марс), Муштари (Юпитер) и Зухаль (Сатурн). «Сферы влияния» каждой из них были строго разграничены. Луна считалась холодной и влажной, она оказывала доброе влияние. Наоборот, сухой и холодный Зухаль — влияние злое. Благоприятными для людей были Муштари и Зухрат, вредоносным — Меррих, а воздействие Утареда могло оказаться и злым и добрым «в зависимости от условий».

Каждый из семи дней недели посвящался определенному небесному светилу. И астрологи строили свои предсказания, исходя из того, с какого дня начинался тот или иной год. Если он открывался воскресеньем — днем Солнца, то народ ожидало много страданий от притеснений правителей, которые к тому же непременно передерутся между собой. А природа добавит к этому стихийные бедствия: наступит засуха, погибнет вся чечевица в огородах.

Если же год начинается днем Муштари—четвергом, то все будут счастливы: между народами воцарятся мир и согласие, правители станут справедливы, а казии * — неподкупны. И наступит изобилие плодов земных, частые дожди досыта напоят поля, виноградники и сады.

Это, так сказать, общие предсказания, касающиеся всех. Но звездочеты готовы были каждому за приличную плату составить гороскоп. Механика гаданий была довольно проста. По мусульманским религиозным воззрениям, аллах, создавая первого

---

* Казии — судьи.

человека, соединил четыре стихии: воду, землю, огонь и воздух. Но в потомках Адама эти стихии присутствуют в разных количествах — отсюда и различие темпераментов. Если преобладает природа огня, горячего и сухого, то человек получается желчный. Преобладание стихии сухой, но холодной земли дает нервный темперамент. Лимфатический темперамент возникает от природы воды, которая холодна и сыра. А если в организме довлеет стихия воздуха, то человек рождается сангвиником, ибо всем известно, что воздух горяч и влажен.

Теперь остается только установить связь между вашим темпераментом и свойствами светил, о которых уже упоминалось, — и гороскоп готов.

Как ни увлекательны оказались занятия астрологией, они не приносили полного удовлетворения молодому правителю. Хотелось совершить что-то такое, чтобы слава о его делах прокатилась по чужим странам. Тимур много разрушал, но много и строил. Улугбек решил продолжить труды покойного деда.

Тимур строил дворцы, мечети и ханаки. Но внук поступил по-иному. Улугбек решил построить в Бухаре новое медресе. Цель у него была довольно хитрой, как ему по молодости казалось. Строя медресе в этом городе, где особенно велико было всегда влияние «духовных отцов», он тем самым как бы делал богоугодное дело и задабривал их. Но в то же время Улугбек оставался и верен себе: ведь он строил не какую-нибудь ханаку для тунеядцев дервишей, а высшее учебное заведение, хотя и духовное.

Собственно, иных школ тогда и не знали. Все образование в средние века было подчинено церкви. И науки, которые изучали в мусульманских медресе, все были проникнуты поучениями корана и основаны на них. Они просто делились на две группы: науки «каль» — доказательные и науки «халь» — принимаемые на веру. Последним, конечно, уделялось особое внимание. И самой почетной среди наук «халь» считалась мистика, которой доказательства и рассуждения были прямо враждебными, ибо вся она покоилась на фантастических суевериях.

Медресе было построено в 1417 году. И когда мастера закончили отделывать его нарядный фасад, все могли видеть, какой сюрприз приготовил молодой правитель достопочтенным шейхам.

Над входом полагалось поместить непременно какое-нибудь изречение из корана. Обычно надписи славили всемогущего аллаха. А Улугбек приказал написать так: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и мусульманки».

Правда, это изречение взято тоже из священных книг, а вовсе не придумано самим царевичем (о чем, кстати сказать, забывают некоторые современные исследователи научной деятельности Улугбека, изображая его чуть ли не законченным атеистом и поборником раскрепощения женщин). Но все равно надпись весьма и весьма примечательна. И, конечно, Улугбек совсем не случайно выбрал именно ее, отыскал в куче религиозных изречений. Она неоспоримо говорит о том, что уже в эти годы Улугбек заинтересовался наукой.

К величайшему сожалению, история сохранила для нас очень мало достоверных сведений о жизни Улугбека. Придворные историки занесли в свои хроники только внешнюю канву его жизни, да и то с большими пропусками, пробелами. Они видели в нем только правителя, к тому же не очень удачливого и умелого. Но самого главного они попросту не понимали: научная деятельность Улугбека, прославившая его имя в веках, почти совсем не нашла отражения в хрониках.

В них подробно перечисляются все посольства, походы и торжественные приемы во дворце. Но душа Улугбека, его внутренний мир остаются скрытыми. И проникнуть в них теперь, спустя пять веков, конечно, не так-то легко и просто. Приходится буквально по крупицам выуживать факты и на основе их строить какие-то догадки.

Многое остается загадочным, смутным, непонятным. Мы не знаем совершенно, как рождался в молодом царевиче великий ученый. Это давно уже ставит в тупик исследователей. В самом деле, вся обстанов-

ка, в которой прошли детство и юность Улугбека, такова, что должна была воспитать из него заурядного феодального правителя. Такими и выросли его братья. Но совсем иным стал Улугбек.

Мы не знаем ничего достоверного об учителях и наставниках Улугбека в юности. Почему у него пробудился интерес к науке? Вряд ли тут смогла сыграть какую-нибудь роль его бабка, Сарай-Мульк, женщина энергичная, умная, властная, но совершенно неграмотная. Немыслимо, чтобы он мог увлечься наукой в бурные годы междоусобий, под тягостной опекой Шах-Малика.

Вероятно, какую-то роль в пробуждении любознательности молодого царевича сыграли, конечно, частые путешествия в детстве с дедом, а в юности поездки в Герат, где он проводил много времени в богатейшей дворцовой библиотеке. Но обо всем этом можно только гадать.

Бесспорно лишь одно: в первое десятилетие своего правления Улугбек сближается с учеными.

А их жило немало в те годы в Самарканде. Имена многих из них славились даже за пределами Мавераннахра. Здесь жил знаменитый историк Хафизи Абру, написавший огромное произведение, которое изысканно называлось «Сливки летописей». Хорошо были известны имена философа Али Джурдани и врача Мавляны Нафиса. Звучные стихи слагали самаркандские поэты Бадахши, Дурбек, Секкаки. Их творения старательно переписывали прославленные мастера каллиграфии Абдурахман Хорезми и его сыновья Абдурахим и Абдулкарим.

Но особенно славился Самарканд своими астрономами и математиками. Старого мудреца Казы-заде Руми за его ученость называли Афлотуни-замон, что означает в переводе «Платон своей эпохи». Узнав, что Улугбек покровительствует ученым, приехал вскоре в Самарканд и другой крупнейший астроном, Гийасаддин-Джемшид, оставивший много замечательных трудов, о которых речь еще пойдет впереди.

Для этих мудрецов Улугбек начал в том же 1417 году строить новое медресе в Самарканде. Место

для него было выбрано на главной базарной площади — Регистане. Пришлось снести около десятка мелких лавчонок, вызвав большое недовольство купцов.

Медресе строилось довольно медленно — три года, потому что Улугбек хотел, чтобы оно простояло века. Здание имело два этажа. Их перекрывали четыре высоких купола, а на каждом углу высилось по минарету. Все стены сверху донизу покрывала облицовка из цветных плиток. Они создавали необычайно красивое и изящное сочетание двух орнаментов: геометрического и растительного. Строители позаботились и об удобствах будущих учеников: кельи — худжры состояли из двух помещений, так что каждый слушатель имел отдельную комнату для занятий.

Ученым так не терпелось поскорее начать занятия в новом здании, что некоторые из них даже пошли сами работать на стройку. Почтенный Мавляна Мухаммед Хавафи, несмотря на свой возраст и ученый сан, облекся в простые, грубые одежды и возводил стены вместе с каменщиками.

Наконец художники закончили любовно разрисовывать крупными стилизованными звездами темно-синий тимпан над главной аркой, и наступил долгожданный день открытия медресе. Оно было обставлено весьма торжественно и пышно. Всю площадь заполнили нарядно разодетые придворные. На головах шейхов и улемов белели шелковые праздничные чалмы, права носить которые удостаивались лишь побывавшие на поклонении в Мекке.

Придворный поэт Секкаки прочитал велеречивую касыду. Она была длинной и заканчивалась несколько неожиданно... похвалой самому себе:

«Много, много раз небо совершит свой кругооборот, пока оно создаст такого поэта, как я, и такого ученого царя, как ты».

Улугбек слушал стихи невнимательно, задумавшись о том, кого назначить главным мударисом нового училища. Желающих занять это почетное и выгодное место было немало. Улугбек испытующе осматривал собравшихся вокруг шейхов. Кого из них выбрать?

— Я назначу мударисом того, кто сведущ во всех науках, — сказал Улугбек. — Ну, кто из вас хочет занять это место?

Шейхи молчали. Потом один из них осторожно сказал:

— Мы знаем наизусть коран, о повелитель. Но знать все науки — таких людей нет на земле.

— Место мударисса, пожалуй, останется не занятым, — ухмыльнувшись, добавил другой.

И вдруг Мавляна Мухаммед Хавафи, сидевший неподалеку на груде кирпича в грязной и рваной одежде каменщика, встал и сказал громко:

— Если ты позволишь, великий эмир, я хотел бы стать мударисом.

Улугбек внимательно посмотрел на него. Шейхи загалдели наперебой:

— Испытание!

— Пусть выдержит испытание!

— Хорошо, — сказал Улугбек. — Мы устроим ему испытание.

И тут же начался необычный экзамен. Мавляна отвечал толково, рассудительно.

Потом седобородый Казы-заде неторопливо расспрашивал его о строении небесных сфер, об особенностях каждого из семи климатов Земли. Слушая ответы, он одобрительно кивал.

Но и это было еще не все. По знаку Улугбека вперед выступил Нафис и, в свою очередь, стал задавать вопросы. Оказалось, что Мавляна сведущ и в таинственной науке врачевания. Зная, что правитель любит стихи Низами, он даже весьма кстати вспомнил отрывок из поэмы «Сокровищница тайн», где образно описывалось строение «внутреннего мира» человеческого тела:

Предо мною чертог. Не чертог, о нет!
Предо мною сияние всех планет.
Но сквозь стены царственных тех палат
Никогда не проникнет недобрый взгляд.
Небосвод перед этим царством мал.
Я глядел. Предо мною и прах блистал.
Семь халифов со мною в зданьи одном,

Словно семь сказаний в преданьи одном.
Первый — это полудня, движенья царь.
Стран дыханья живого стремленья царь.
Красный всадник, витязь учтивый второй.
Третий скрыт под яхонтовой кабой.
Дальше — горький юноша-следопыт.
Пятый — черный, что едким отстоем сыт.
Словно хитрый ловчий, халиф шестой
Сел в засаду и мечет аркан витой.
А седьмой, с телом бронзовым боец,
Весь в броне из серебряных колец...

Придворные слушали внимательно, хотя мало кто из них мог разобраться в этой премудрости, где медицинские взгляды того времени, и без того весьма сложные и запутанные, были вдобавок еще выражены поэтическими символами. По прихоти поэта сердце превратилось в «царя живого стремленья», печень — в красного витязя, а «седьмой, с телом бронзовым боец, весь в броне из серебряных колец» олицетворял собою... почки.

— Ты воистину достоин стать мударисом, — сказал восхищенный Улугбек.

Но шейхи не хотели так легко расстаться с мечтами о выгодном местечке. Они тоже, перебивая друг друга, начали задавать вопросы, особенно нажимая на знание священных книг.

— В каких случаях допускается кораном очищение песком и пылью?

— Омовение песком, называемое тайамум, разрешено аллахом в семи случаях: когда нет воды поблизости; когда ее очень мало и омовение ею грозит погубить путника от жажды; когда есть опасность, что часть воды, взятой для омовения, может быть пролита при переноске; когда правоверного мучает болезнь, не терпящая воды; когда у воина переломлены кости и надо дать им спокойно срастись или есть раны, к которым нельзя прикасаться...

— Как называется четвертый дом Солнца?

— Телец.

— Какой год будет всегда счастливым?

— Год, кратный семи.

— Как должен правоверный уплачивать закят *? — посопев, спросил какой-то мулла.

Мавляна ответил и ему:

— Сказано в коране: «Они спросят тебя, как должно творить милостыню. Скажи им: должно помогать родным, ближним, сиротам, бедным, путешественникам. Добро, которое вы сделаете, будет известно аллаху».

— Но ты не ответил про закят, — не унимался мулла. — Скажи, как может правоверный уплачивать его?

— Аллах разрешает уплачивать закят четырнадцатью разными способами: золотом, серебром, верблюдами, коровами, баранами, зерном, ячменем, просом, маисом, бобами, горохом, рисом, изюмом и финиками. Может, ты хочешь, чтобы я рассказал, как именно следует высчитывать десятую долю — в золоте или в верблюдах?

— Нет, нет! — замахал руками мулла, отступая в толпу. — Ты поистине мудрый человек.

— Кому аллах запрещает вступать в брак? — летел уже новый вопрос.

— Сказано в четвертой суре корана: «Вам запрещается вступать в брак с матерями вашими, с сестрами вашими, с дочерьми вашими; с тетками с отцовой стороны, с тетками с материнской стороны, с дочерьми брата вашего и с дочерьми сестры вашей; с матерями вашими, которые вскормили вас грудью, с сестрами вашими молочными, с матерями жен ваших, с падчерицами вашими, живущими в ваших домах, с матерями которых вы входили в супружеские отношения (но если вы не входили в такие отношения, то на вас не будет греха жениться на них); с женами сынов ваших, которые от чресл ваших, а также запрещается иметь женами вместе двух сестер...»

Тут Улугбек вмешался и властно сказал:

---

* Закят (буквально: «очищение») — так называлась обязательная уплата десятой части доходов на благотворительные и религиозные цели.

— Хватит! Отныне ты мударис моего медресе, Мавляна Мухаммед. — Он усмехнулся и добавил: — Только помойся и переоденься, чтобы не смущать учеников, — ведь многие привыкли судить о человеке по его платью. Не так ли, о почтенные шейхи?

В тот же день новый мударис прочитал первую вступительную лекцию. На ней присутствовало, кроме учеников, девяносто ученых. Но, увы, отмечает летописец, лекция оказалась настолько ученой и умной, что ее никто не понял, кроме Казы-заде и Улугбека.

Это, вероятно, исторический анекдот. Но в нем, конечно, есть доля горькой истины. Он показывает, какой схоластической и заумной была наука того времени, связанная по рукам и ногам религиозными догмами, и как далека она оставалась от широких масс. Ученые были одиночками, и голос их не доходил до народа.

ДОРОГА К ЗВЕЗДАМ

Закрой коран! Свободно оглянись
И думай сам! Добром всегда делись,
Зла никогда не помни! А чтоб сердцем
Возвыситься, к поверженным нагнись!

Омар Хайям

Вражда между Улугбеком и дервишами усиливалась с каждым годом. Но пока она оставалась скрытой, словно торфяной пожар под землей. Огонь пылает все жарче, а сверху ничего не видно. Только изредка струйки дыма да вдруг прорвавшиеся языки пламени выдают приближение опасности. Но потом они исчезают, и все опять кажется спокойным и мирным. А невидимый пожар между тем разгорается все сильнее...

Неожиданные удары следовали с разных сторон. Шейх-ал-ислам построил для горожан новые бани. Такое событие, конечно, стоило отметить пиром. Был приглашен и мухтасиб, уже прославившийся своей

ссорой с Улугбеком. Но на этом пиру правителя не было, и думали, что все обойдется благополучно.

Сначала и впрямь веселье шло хорошо. Мухтасиб чинно сидел на почетном месте, беседовал с шейхами и купцами и даже пригубил вина. Но когда, словно пестрые птицы, на лужайку выпорхнули танцовщицы, зазвучали голоса певиц, он не выдержал, вскочил и закричал:

— Кто посмел разрешить мужчинам и женщинам сидеть вместе и петь?! Ты шейх-ал-ислам без ислама!

Оскорбление было серьезным, и наутро шейх-ал-ислам отправился с жалобой к Улугбеку. Царевич привык к тому, что на пирах Тимура всегда не только выступали танцовщицы, но даже жены Повелителя сидели и пили наравне с мужчинами. Он вовсе не хотел отступать от подобных свободных порядков. Улугбек рассвирепел и решил проучить, наконец, неугомонного мухтасиба. Он приказал немедленно созвать всех городских казиев и устроить суд.

Судилище получилось странное и довольно двусмысленное. Похоже было, что казии больше склонны судить Улугбека и шейх-ал-ислама, чем провинившегося мухтасиба. Правда, они оказались вынуждены признать, что мухтасиб превысил свою власть и поступил неправильно, оскорбив духовного главу города.

Но тут нелепое вмешательство неожиданно изменило весь ход судилища. Один из воинов Улугбека, узнав, что во дворце заседают все городские казии, решил воспользоваться удобным случаем и прибежал с просьбой рассмотреть его собственное дело.

— О мудрейшие! — торопливо заговорил он. — У меня умер брат, а его вдова отказывается выйти за меня замуж. Говорит, что ей больше нравится какой-то торговец тканями, да падет гнев аллаха на его нечестивую голову!..

Желая поскорее покончить с непредвиденной глупой помехой, Улугбек поспешил сказать стоявшему рядом есаулу:

— Пойди с ним и сделай все, что он просит.

Это была ошибка. Улугбек тут же понял свой

промах, заметив, как хитроумные казии переглянулись между собой. Правитель решил дело на основе бытовавших с давних, еще кочевнических времен неписаных правил. По ним действительно каждый имел право требовать, чтобы вдова покойного стала женой другого брата. Но он забыл о казуистике шариата, в которой так сильны были его противники. И они не замедлили напомнить об этом правителю.

Старший казий торжественно сказал:

— Такое решение не может быть справедливым, о великий эмир. Разве тебе неизвестно требование шариата, чтобы брак заключался только с общего согласия как жениха, так и невесты? Ни один из нас не признает без этого брак законным.

Все казии одобрительно замотали седыми бородами. А старший ехидно добавил:

— Нам придется пересмотреть свое решение о вине уважаемого мухтасиба. Теперь мы склонны думать, что его упреки в нарушении правил истинной веры некоторыми мусульманами не лишены оснований...

Так суд и закончился ничем. Больше того: оправдание зарвавшегося мухтасиба вдохновляло святош на новые вылазки против Улугбека и его друзей. Слухи об этом поражении правителя поползли по городским базарам. Дервиши разносили их по всем дорогам, пугая правоверных близостью страшного суда.

Когда солнце согнется, —
с завываниями выкрикивали они суру из корана, —
Когда звезды упадут,
Когда горы приведутся в движение,
Когда дикие звери соберутся толпами,
Когда моря закипят,
Когда души совокупятся,
Когда спросят заживо погребенную девушку,
За какое преступление ее заставили умереть,
Когда лист книги развернется,
Когда небеса отложатся в сторону,
Когда пламень ада помешают кочергою, чтобы лучше горел,
Когда рай приблизится,
Тогда всякая душа узнает сделанное ею дело...

В традиционных молитвах по пятницам муллы все чаще ставили в пример Улугбеку его благочестивого отца. Шахруха даже превозносили как обновителя веры, какие появляются только раз в столетие, не чаще.

Улугбек не оставался в долгу. В запальчивости молодости он не упускал случая, чтобы так или иначе как-нибудь задеть шейхов, ущемить их права. Он вызвал из Бухары одного из духовных руководителей тамошних суфиев и приказал шейх-ал-исламу устроить для него трудный богословский экзамен. Испытуемый, конечно, страшно обозлился.

В Ташкент Улугбек послал однажды своего есаула и поручил ему наряду с другими делами навести порядок и среди местного духовенства. Уже само это вмешательство в религиозные дела военного чиновника показалось муллам и ишанам весьма оскорбительным. Но есаул к тому же оказался крутого нрава и повел себя с почтенными «людьми божьими», совсем как с воинами-новобранцами.

Он приказал собрать всех «потомков шейхов» на одном из мазаров — могильников — какого-то из бесчисленных святых. Пришли семнадцать молодых суфиев и дервишей. Есаул поставил их в круг и начал меряться силой: подходил и толкал каждого, норовя сбить с ног.

Один из дервишей, самый молодой, ловко увернулся от удара. Есаулу это понравилось, и он похвалил его за силу и ловкость:

— Вот с кого надо брать пример! Учитесь. А то вы зачахнете над своими священными книгами...

Молодой дервиш, удостоившийся похвалы недалекого есаула, был когда-то тем самым мальчиком, которого перепуганные родители унесли в горы, услышав о смерти Тимура. Теперь он вырос, побывал в Мекке и за ревностное соблюдение чистоты веры получил, несмотря на молодость, почетное право прибавить к своему имени титул «хаджи».

Есаул и не подозревал, какая бездна властолюбия и корысти, ловко прикрытая маской набожности, та-

ится в этом молодом дервише. Не знал он и того, откуда взялись у Хаджи Ахрара сила и ловкость. Секрет был в том, что Хаджа Ахрар некоторое время служил мюридом одного из шейхов. Все его старания добиться духовного превосходства над другими мюридами оказались тщетны: юноша был хотя и хитер, как змея, но туповат, книжная премудрость ему не давалась. Видимо, поэтому Хаджа Ахрар так и ополчался потом всю жизнь на нее.

Но властолюбие не давало ему примириться с положением рядового мюрида. Он жаждал стать первым хоть в чем-нибудь. Заметив это, его духовный наставник посоветовал ему заняться искусством... борьбы.

Совет был довольно неожиданным в устах духовного лица, но хитроумным. И Хаджа Ахрар сумел извлечь из него пользу: сила и ловкость должны были пригодиться ему в той скрытой и трудной борьбе, к которой он себя готовил в полутьме уединенных келий.

Пройдут годы, и Хаджа Ахрар станет главным врагом Улугбека, хотя так и не встретится с ним ни разу лицом к лицу. Он возглавит орден накшбендиев, оставаясь всегда в тени, захватит всю власть в Самарканде и будет тайно править страной несколько десятилетий. И он не забудет этого оскорбления, невзначай нанесенного дервишам есаулом, вздумавшим побороться со святыми людьми. Только всю ненависть за это Хаджа Ахрар перенесет, конечно, на Улугбека.

Но пока он еще молод, безвестен, и Улугбек даже не подозревает о его существовании.

Молодой правитель продолжал без особых забот отдавать свои дни охоте, а вечера — пирам и беседам с мудрецами. Внешне его жизнь пока ничем не отличалась от той, какую вели все правители Самарканда до него и после него. У него было четыре жены и пять наложниц, подрастали дети. Правда, он их почти не видел: все его дочери и сыновья росли в Герате, у бабки Гаухар-Шад. Этот обычай, заведенный Тимуром, она продолжала ловко использовать, чтобы

обезопасить себя от будущих претендентов на власть. Пример Улугбека, который вырвался из-под ее опеки и стал самовластным правителем, казался ей достаточно поучительным.

Увлечение охотой сблизило Улугбека в эти годы еще с одним примечательным человеком, которому суждено было стать его самым большим и верным другом, даже более преданным и любящим, чем родные сыновья правителя. Его звали Алладин Али ибн-Мухаммед, и был он простым сокольничим, — эта придворная должность называлась «кушчи». Кличка так привязалась к юноше, что его потом стали называть не тем именем, которое он получил при рождении, а просто Али-Кушчи. Еще позднее, когда он, как и Улугбек, стал большим ученым и продолжателем дел своего друга и учителя, Али-Кушчи назовут еще «Птолемеем своей эпохи».

Но пока они оба не ведают о своей грядущей славе, носятся на взмокших конях среди зарослей тугаев и камыша по берегам Сыр-Дарьи, хвастают друг перед другом убитой дичью, а вечерами, вытянувшись на ковре у костра, смотрят, засыпая, на звездное небо и ведут тихие, задушевные беседы обо всем на свете. У правителя не было тайн от своего юного друга. Даже о щекотливых интригах гарема он мог спокойно советоваться с ним.

Постепенно Али-Кушчи стал словно ожившей тенью Улугбека. Он сидел позади него и слушал ученые споры. Вместе с правителем он обсуждал планы новых построек, которыми тот мечтал украсить Самарканд — «Лик Земли».

На Регистане, напротив медресе, воздвигли ханаку для бродячих дервишей. Улугбек сделал и еще одну уступку духовным наставникам. Он приказал изготовить из серого мрамора громадную подставку для книги корана в соборную мечеть Тимура. Пюпитр этот сохранился до наших дней. Теперь он стоит во дворе полуразрушенной мечети. Если коран, который чтецы клали на него, соответствовал таким размерам, то это, пожалуй, была самая большая рукописная книга в мире. Но, к сожалению, она куда-то бесслед-

но исчезла еще в прошлом веке, остались лишь предания о ней.

Неподалеку от Регистана было выстроено громадное здание городских бань. Их прозвали в народе «банями Мирзы». Весь пол в них и стенки бассейнов были выложены цветными камнями. Но никаких следов здания теперь не сохранилось.

Улугбек словно чувствовал, что все его постройки окажутся недолговечными. Перед глазами у него был наглядный пример — соборная мечеть Тимура, о которой шумели придворные льстецы:

— Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы Млечный Путь не оказался ей парой.

Прошло совсем немного времени, а мечеть уже начинала потихоньку разрушаться.

Смерть Тимура и последующие смуты не позволили как следует завершить все работы. Кое-где стены наскоро замазали штукатуркой, покрыли расписными плитками, но все это было непрочным. Нередко, когда в мечеть набивалось особенно много людей, с потолка на молящихся падали кирпичи.

Улугбеку вспомнились разговоры в городе, о которых ему поспешили донести услужливые соглядатаи. Однажды обвалился такой большой кусок потолка, что люди начали в панике выскакивать вон из мечети. И один из городских насмешников говорил будто бы в толпе:

— Поистине эту мечеть надо назвать заповедной, а молитву, совершаемую в ней, — молитвой страха.

В толпе засмеялись. Ободренный общим сочувствием, насмешник продолжал:

— Будь я поэтом, как Секкаки, то сочинил бы такое стихотворение об этой мечети и приказал бы поместить его над входом: «Слыхал я, что ты, мечеть, построена на средства, добытые путем неправедным, но, хвала аллаху, ты не находишь сочувствия, как и женщина, кормящая сирот на средства, добытые распутством. Горе тебе! Не совершай прелюбодеяний и не твори милостыни одновременно».

Доносчики сообщили и имя смельчака, посмевшего так говорить о делах Тимура: Аллахдад, «человек остроумный, хитрый и проницательный, совершивший сто бегов и тысячу обходов вокруг каабы непристойных речей». Но Улугбек не стал преследовать его.

У него были на то причины. Однажды, выходя из мечети, он долго в задумчивости смотрел на громадную стрельчатую арку. И вдруг в изумлении широко открыл глаза. Как он не замечал этого никогда раньше?

Над входом в мечеть полагалось поместить традиционную фразу: «Тимур есть тень аллаха на земле».

А тут совершенно отчетливо было написано: «Тимур есть тень...» И все. Фраза обрывалась.

Как это случилось? Где искать виновного? Может быть, мастеру просто не хватило места или он не успел докончить надпись в спешке, с какой по приказу Тимура переделывали злополучную стену? А может, он так написал нарочно?..

Во всяком случае, неоконченная надпись приобретала особый, глубокий и мудрый смысл. «Может быть, так скажут и обо мне, сколько бы я ни строил дворцов, медресе и бань, — подумал молодой правитель. — «Улугбек есть тень...»

Эта мысль, раз возникнув, потом нередко приходила ему в голову и не давала покоя. Она возникала среди пьяного шума пиров, и тогда все замечали, как правитель вдруг сразу мрачнел и отставлял в сторону недопитый бокал. Она приходила во время охоты, и уже становилось неинтересным, сколько уток забьют нынче соколы.

Пытаясь ее отогнать, Улугбек снова и снова перечитывал заветы Тимура. Но они не приносили успокоения. Книги лгали. Разве не видел своими глазами Улугбек, как быстро рухнула великая империя, созданная Тимуром?

В Герате правит Шахрух, в Самарканде — Улугбек. Напрасно Шахрух делает вид, будто Мавераннахр по-прежнему остается его вотчиной: сын не посылает ему доходов, не подчиняется его указам и

распоряжения, лишь порой для виду, просто из уважения советуясь с ним по сложным вопросам.

Не лучше обстоит дело и на западе. После гибели Мираншаха правителем Ирана и завоеванных Тимуром областей Кавказа стал Шахрух. Но тоже только формально. На самом же деле там царит полная неразбериха. Почти в каждом городке сидит свой правитель и весьма лениво отзывается на приказы из Герата. Единой империи давно уже нет. Ее растащили по кускам наследники завоевателя, передравшиеся между собой. И теперь, ослабленные раздорами, они отдавали обратно восставшим племенам и народам одну провинцию за другой.

Конечно, можно приказать придворным льстецам сравнивать тебя с Искандером Двурогим, называть вторым Хосровом или первым среди земных владык. Но не успеешь ты покинуть этот мир, как люди скажут: «Тимур есть тень...» И те же историки и поэты поспешат теми же самыми словами превозносить нового властелина.

Можно строить дворцы, мечети, медресе. Люди помянут тебя добрым словом. А может быть, и недобрым, как злоречивый Аллахдад. И все равно, пройдут годы, пошатнутся крепкие стены, осыплется с них позолота, и все увидят проступившую надпись: «Улугбек есть тень...»

Улугбек последнее время много читал сочинений историков, листал старинные хроники. Они увлекали его, и он сам задумал написать большой исторический труд. Он назывался «История четырех улусов».

К большому сожалению, труд этот не дошел до нас. Мы даже не знаем точно, написал ли его сам Улугбек, или составил по заданию правителя кто-нибудь из историков, посвятив ему книгу, как было принято в те времена. Весьма скудное представление об этом труде дают лишь отрывочные упоминания в других исторических хрониках.

Четырьмя улусами историки тех времен называли государства, возникшие после распада громадной Монгольской империи и поделенные между сыновьями и внуками Чингис-хана: Китай с Монголией, Зо-

лотую Орду, Персию и Среднюю Азию. Их подлинная история была приукрашена и искажена множеством легенд, и, конечно, Улугбек в своем изложении тоже оставался в плену этих сказок. Но все-таки по сравнению со своими предшественниками, историками более ранних эпох, он внес кое-какие уточнения и дополнения. Видимо, Улугбек пользовался какими-то добавочными источниками, навсегда утерянными для нас. Во всяком случае, это показывает, насколько серьезно, действительно по-научному подошел он к своей первой работе, не ограничившись перепиской древних сочинений, как это делали весьма многие, а попытался их критически осмыслить, проверить. Такая требовательность и научная добросовестность Улугбека особенно ярко проявятся позже, когда он будет составлять свои знаменитые «Звездные таблицы».

Он часто посещал медресе. Учеников в нем становилось все больше. Число их уже перевалило за сотню. Многие даже приезжали сюда из других городов, как это сделал, например, молодой Джами, ставший потом известным поэтом.

Позднее к медресе пристроили громадный караван-сарай для приезжих купцов. На доходы от этого вакфа и содержались ученики.

Несколько лекций в медресе прочитал сам Улугбек. Это вызвало толки в Самарканде. Поэты поспешили прославить мудрость «ученого на троне» и, подыскивая подходящие сравнения в истории, остановились опять-таки все на том же Искандере Двурогом. В данном случае они, пожалуй, оказались правы: со времен Александра Македонского во всем мире не появлялось такого любознательного царя, как Улугбек.

Вечера напролет он расспрашивал мудрецов о науках, которым те посвятили свои жизни. Острота его ума, великолепная память и тонкость суждений поражали одинаково и прославленного историка Хафизи Абру, повидавшего много разных правителей за свою долгую жизнь, и талантливого врачевателя Нафиса. Улугбек мог одинаково свободно обсуждать

с ними как запутанные родословные древних ханов и правителей, так и новые идеи, принесенные в медицину гениальным Ибн-Синой — Авиценной.

Улугбек интересовался многим. Но особенно часто в последнее время он беседовал с Казы-заде Руми и Гийасаддином-Джемшидом о тайнах мироздания.

Астрономы называли ему имена звезд, загоравшихся вечерами на небе. Они выписывали на больших листах бумаги хитрые математические формулы, помогавшие заранее предсказать лунное затмение. Странное, волнующее чувство вызывали у правителя эти строгие формулы, раскрывавшие перед ним сокровенные пути, по которым в небесной недосягаемой высоте послушно двигались звезды.

Это оказывалось гораздо интереснее, чем составление гороскопов на сотни лет вперед, которые — увы! — невозможно было проверить, не обладая долголетием легендарного Мафусаила.

Наставники Улугбека были очень разными людьми. Вспыльчивый, грубоватый Гийасаддин-Джемшид порой в горячке спора поднимал крик, словно торговка на базаре, загоняя в угол площадной бранью тихого, рассудительного Казы-заде. Улугбеку потом стоило немалых трудов помирить их. Но общая страсть и любовь к науке брали свое, и на следующий вечер мудрецы снова заводили беседы о тайнах неба, постепенно начиная спорить, горячиться и обличать друг друга в невежественных и позорных заблуждениях относительно какой-нибудь звезды Тридцать пятой в созвездии Корабля...

Улугбек увлекался этим, но своего призвания еще не нашел. То, надолго забыв об ученых спорах, он отправлялся с Али-Кушчи на несколько недель охотиться в верховьях Зеравшана. То, словно никогда и не интересовался математическими формулами, сочинял длинные письма в Герат, своему брату Байсункару. Письма напоминали трактаты, посвященные разбору поэтических красот какой-нибудь из поэм Низами. Байсункар в ответных посланиях горячо защищал своего кумира — индийского поэта Хусроу Дехлеви. Как показало беспристрастное время, поэ-

тический вкус Улугбека оказался более тонким: Дехлеви теперь помнят только историки восточной литературы, а стихи великого азербайджанца и поныне зажигают сердца читателей.

Существует предание, что и сам Улугбек писал стихи. Это вполне вероятно, потому что увлечение поэзией среди восточных царедворцев того времени было весьма распространено. Соревнования стихотворцев нередко устраивались во дворцах. Большими поэтами, например, стали младшие современники Улугбека — султан Бабур и прославленный Алишер Навои.

До нас дошло лишь одно стихотворение, приписываемое Улугбеку. Но оно звучит настолько пророчески, что одним этим уже вызывает большие сомнения в своей достоверности. Вероятно, его кто-нибудь сочинил уже после трагической гибели Улугбека. В буквальном переводе двустишие звучит так:

Эй ты, под перстнем которого царство красоты!
Не забывайся, ибо глаз злодеев в засаде на тебя...

Улугбек охотился, сочинял стихи, пировал и беседовал с учеными мудрецами, строил бани, улаживал глупые гаремные скандалы — и чувствовал: жизнь проходит. Она течет безостановочно и неуклонно, как мутные воды Сыр-Дарьи, плутая среди зарослей тугаев. Вот ему уже тридцать, а что он сделал? Частенько теперь повторял правитель особенно полюбившиеся стихи Низами:

Будь удел твой, как тот, что имел Джемшид,
Все равно седина лишь тоску сулит.
Счастье, юности благо дано кому?
Нет, не мне оно. Боже! Оно кому?
Прочь ушла твоя юность, так ложь порви.
Время скорби пришло, так скорби, скорби!
Был по пламени в юности каждый шаг, —
Рядом с старостью молодость хороша!
Разве юности блага ценны для нас?
Ценим юность, увидевши смертный час.
Так побег молодой в цветнике растет,
Станет старым — садовник его сорвет;
Так нам юное дерево дарит плод,
Так золу нам валежник в дар несет!
Если кончилась юность, вставай, не спи,
Ночь уходит, так утро встречай, не спи!..

И снова его поманила военная слава. Улугбек опять решил отправить войска на север, в Моголистан, чтобы расширить свои владения и пополнить казну. О своем намерении он известил Шахруха. Тот повел странную политику: сначала одобрил решение сына и даже посулил поддержку, а потом прислал гонцов с приказанием отменить поход. Это задело Улугбека. Опять ему пытались напомнить, что настоящим хозяином Мавераннахра остается все-таки Шахрух.

Не обращая больше никакого внимания на послания отца, Улугбек приказал передовым отрядам начинать переправу через Сыр-Дарью. Помня о прежних нелепых неудачах, когда противник просто-напросто исчезал в степи, не принимая боя, Улугбек на сей раз постарался перехитрить его. Авангарду он приказал двигаться как можно неприметнее, даже не зажигать костров для приготовления пищи. А столкнувшись с неприятелем, передовые отряды должны были вести бой так, чтобы монголы подумали, будто перед ними слабый и малочисленный противник, и не отступили далеко раньше времени. План был хитрый, но какой-то вроде бы унизительный для внука Тимура. Получалось так, словно Улугбеку приходилось чуть ли не упрашивать врага принять бой и позволить ему, наконец, показать свою доблесть.

И обиднее всего было то, что решающего сражения все-таки никак не получалось. Верные своей кочевнической тактике, монголы медленно отступали в глубь страны, изматывая войска Улугбека мелкими непрерывными стычками. Преследуя их, передовые отряды дошли до тесного и извилистого Боомского ущелья. Продвигаться дальше, к озеру Иссык-Куль, они не решились и стали у входа в ущелье ожидать прибытия основных сил во главе с правителем.

Поход грозил затянуться. Враги окружали армию Улугбека. Они были всюду: и прямо перед ним в опасной для наступления теснине Боомского ущелья, и на юге, и на севере, возле озера Балхаш. А добраться до них мешали горы. И нелегко к тому же было решить, куда направить главный удар,

где сосредоточить основные силы. Сама природа помогала здесь обороняться в естественных неприступных крепостях из высоких гор со снежными вершинами, а наступать мешала.

В мелких стычках, заканчивавшихся с переменным успехом, прошли вся весна и половина лета 1425 года. Наконец с помощью перебежчиков удалось выбрать удачный момент для удара и совершить ловкий обходный маневр, который позволил Улугбеку окружить основные силы неприятеля в одной из горных долин. Чтобы запугать противника, Улугбек теперь, наоборот, приказал жечь по ночам как можно больше костров. Монголам показалось, будто их окружает несметное войско.

Битва была недолгой, но жестокой. Взбешенный долгим преследованием и сопротивлением вражеских воинов, Улугбек приказал перебить всех пленных. Чтобы окончательно сломить противника и лишить его возможности будущих набегов на свои земли, Улугбек послал отряды к месту главной летней ставки монголов, приказав захватить там и угнать все стада. Сам же он отправился с оставшейся частью своей армии добивать вражеские отряды, еще оборонявшиеся и даже порой переходившие в наступление в других горных районах.

Это тоже оказалось нелегким, а главное, страшно затяжным делом. С трудом пробились войска Улугбека к Иссык-Кулю, а противник в это время напал на другой отряд, застрявший в горах. Не успел Улугбек отправить туда на выручку своих воинов — неожиданному нападению подвергся его собственный обоз.

Пока его воины очищали одну долину за другой, Улугбек совершил поездку вокруг озера. Оно поразило правителя своей красотой и необычайно ярким цветом воды: словно упал на землю кусок чистого весеннего неба и застрял здесь навеки между гор. Озеро было большим, но нешироким. В ясную погоду хорошо были видны горы на другом берегу. Подножия их прятались в голубоватой дымке, и только снежные вершины словно парили в воздухе. Но

плавать по Иссык-Кулю оказалось опасным: из горных ущелий внезапно вырывались свирепые ветры, сталкивались над озером и поднимали такую волну, что однажды едва не потопили большую лодку, с которой Улугбек любовался берегами.

Из-за этих частых штормов, не дающих озеру замерзать даже в большие морозы, и прозвали его Иссык-Куль — «Горячее озеро». А вода в нем была холодной от множества ключей и потоков, сбегавших с гор. Уже наступал июнь, негде было спрятаться от зноя, но охота выкупаться в манящем озере пропадала у воинов после первой же попытки.

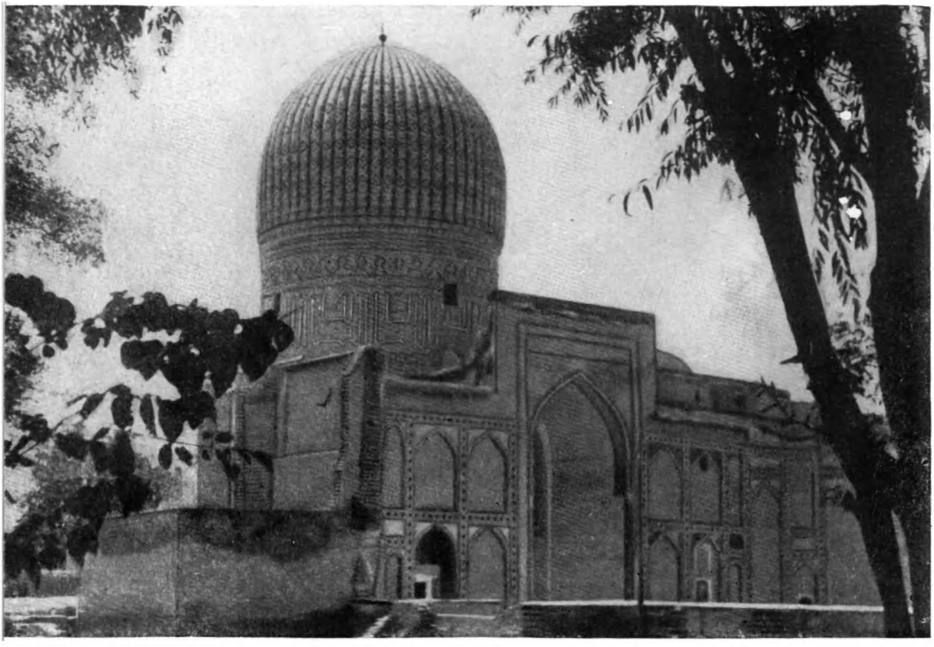
Улугбек посетил перевал Санташ, который предания связывали с походом Тимура на Китай. Санташ означает в переводе «Считанный камень». Такое странное название он получил будто бы из-за того, что когда через него проходили отряды Тимура, каждому воину было приказано принести по камню и сложить в общую кучу. Когда армия возвращалась из похода обратно, каждый уцелевший воин брал камень из кучи и уносил в долину. И все-таки на перевале осталась большая груда камней: видно, немало воинов сложило свои головы в чужих краях и не вернулось домой...

Улугбек так и не смог допытаться у местных жителей, откуда возникла легенда. Ведь поход в Китай оборвался смертью Тимура в Отраре на его собственных глазах. Но может быть, какой-нибудь отряд отважных джагатаев и забирался когда-либо в эти горные дебри?

Во всяком случае, горы будут стоять дольше всех мечетей и дворцов на земле, и легенда сохранит в веках имя Тимура. Думая об этом, Улугбек решил сберечь для потомков и память о своем походе. На обратном пути в Самарканд он приказал нескольким воинам забраться на угрюмую скалу, замыкавшую вход в «Ворота Тимура» в Нуратинском ущелье, и сделать памятную надпись громадными несмываемыми буквами:

«С помощью аллаха величайший султан, покоритель царей народов, тень бога на земле, опора исла-

Она и в самом деле напоминает чем-то утóк из вязи арабских букв, эта страничка из «Звездной книги».



Высоко поднимает к небу свой голубой купол мавзолей Гур-Эмир.

ма Улугбек — да продлит аллах время его царствования! — предпринял поход в страну монголов и от того народа возвратился невредимым».

Любопытная надпись! Во-первых, в ней совершенно не упоминается Шахрух, а имя Улугбека украшено всеми титулами полноправного владыки. Во-вторых, хорошо чувствуется, как хотелось ему похвастать своим походом. И в то же время, видимо, не очень он все-таки был им доволен в душе: ни о каких особых победах в надписи против обыкновения не говорится. Сказано весьма скупо и скромно: «... и от того народа возвратился невредимым».

Между тем Улугбек вполне мог бы чувствовать себя настоящим победителем. Враги рассеяны, если не разбиты полностью. Захвачена богатая добыча. В ее числе оказались две громадные глыбы темно-зеленого, почти черного нефрита. Их захватили в одном из селений, где они лежали с незапамятных времен, вызывая суеверный трепет среди жителей и порождая самые фантастические легенды. Слава о них докатилась даже до Китая. Там нефриту приписывались лечебные свойства, и китайские императоры несколько раз предлагали большие деньги тому, кто доставит эти камни в Пекин. Теперь Улугбек привез их в Самарканд, чтобы положить на могилу деда, которому не суждено было закончить свой последний поход. Они оказались так громоздки и тяжелы, что пришлось построить особую повозку на прочных колесах для доставки их в Самарканд.

К тому времени все работы в мавзолее Гур-Эмир уже были завершены.

Надгробия обнесли ажурной низкой решеткой из белого камня. На гробницу Тимура осторожно уложили отшлифованные до зеркального блеска нефритовые глыбы и подогнали их друг к другу столь тщательно, что стыка почти не заметно. Впоследствии даже многие думали, будто глыба была монолитной и раскололась при перевозке, а не состояла из отдельных кусков.

По приказанию Улугбека лучшие придворные, историки и чтецы сочинили длинную и весьма ви-

тиеватую надпись для надгробия. Она содержала подробную родословную Тимура, далекую от истины, словно небо от земли. В ней Тимур объявлялся сразу прямым потомком и Чингис-хана и даже одного из пророков. Улугбек прочитал, усмехнулся, но менять ничего не стал. Пусть покойный дед утешается этой красивой ложью. А для живых безразлично, что о нем скажут льстецы. Самая умная эпитафия уже написана рукою безвестного мастера: «Тимур есть тень...»

Но сейчас такие мысли не особенно досаждали Улугбеку. Он был еще целиком во власти ликования от первого своего удачного и почетного похода. Поэты сравнивали его с Искандером Двурогим и пророчили славу, которая даже затмит подвиги деда. Победителем встречали на этот раз Улугбека и в Герате, куда он вскоре приехал. Шахрух, словно и не вел двойной игры, хвалил его за умное решение о походе. Брат Байсункар явно завидовал, и даже Гаухар-Шад с интересом слушала рассказы сына о победных битвах в опасных горных теснинах.

От всего этого Улугбек был словно в легком приятном опьянении. Он как бы впервые наглядно почувствовал свою силу и власть. Все будет так, как он захочет. У него есть войска, которые он может повести в Китай, в Индию, хоть на край света, как Александр Македонский, — куда ему только захочется.

Мечты пьянили его. Да и без них он был постоянно пьян в эти дни непрерывных пирушек и празднеств по случаю победы. Радости и ликования хватило надолго: пировали всю зиму, еще веселее продолжали весной, и даже летний зной не мешал придворным пьянствовать хотя бы ночами, когда жара спадала.

Пока шумели празднества, произошло, казалось, ничем особо не примечательное событие: осенью в Самарканд прибыл новый пир ордена накшбендиев Хаджа Ахрар. Он поселился в небольшом домике в тихом пригородном квартале Кафшир. Хаджа не любил городской суеты и шума, его даже прозвали

«деревенским шейхом». Он привык жить незаметно — так было гораздо удобнее.

Улугбек в это время увлекся подготовкой нового похода. Теперь, окрыленный первой удачей, он задумал разгромить и других давних врагов — кочевых узбеков. Шахрух, которого сын известил о своих планах, опять повел ту же политику. Сначала он запретил Улугбеку начинать военные действия. Но не успел из Самарканда выехать ответный гонец с гневным письмом правителя, упрекавшего отца в вероломстве, как стало вдруг известно, что Шахрух уже переменил решение, выслал для усиления армии Улугбека войска и даже отправил с ними другого своего сына, Джуки.

Улугбек несколько насторожился. Зачем к нему посылают с большим войском младшего брата? Не для того ли, чтобы отнять славу будущей победы, а заодно, если окажется возможным, и часть его власти правителя над землями, которые он завоюет?

Но Улугбек постарался ничем не выдать своих подозрений, хотя радостное настроение, с каким он отправлялся в поход, было уже подпорчено.

И дальше все повернулось так, что все его дурные предчувствия оправдывались. Узбеки на этот раз не стали отступать в глубь степей. Они первые напали на противников, едва армия Улугбека вступила в пределы их земель. Улугбек и его эмиры, которым прибытие крупных подкреплений из Герата вскружило головы, совсем не ожидали удара. Боевой порядок частей на сей раз не соблюдался, разведка действовала плохо.

Бой произошел на холмистой равнине. Ловко используя особенности местности, узбеки под прикрытием холмов окружили джагатаев и бросились в атаку сразу со всех сторон, подбадривая себя дикими криками. Улугбек видел с вершины бугра, где стоял его шатер, как на правом фланге джагатаи дрогнули и начали заворачивать коней. Он сам хотел поскакать туда, но придворные удержали его. Уже было очевидно, что битва проиграна.

Через несколько минут всю равнину усеяли бегущие воины. Улугбек бесновался, кричал, грозил им кулаком. Но его никто не слушал. Бледный, перепуганный Джуки уже влезал на коня; дрожащая нога его никак не попадала в стремя. Общая паника начинала захватывать и Улугбека. Ему вдруг остро вспомнилось, как мчался он когда-то на неоседланной лошади, спасая свою жизнь. От этого воспоминания давно забытый неприятный холодок снова пробежал по спине. Но он превозмог страх и медленно, сдерживая противную дрожь в коленях, сел на коня, который держал под уздцы Али-Кушчи.

Ох, как все напоминало ему пережитое раньше! Как и двадцать два года назад, стояла ранняя весна. Ноги лошадей вязли в дорожной липкой грязи. Жители в попутных кишлаках прятались, услышав о разгроме, запирали двери, спускали собак. Правда, теперь Улугбек уже не был робким, неопытным мальчиком и рядом с ним скакали нукеры. Но кто знает, верны ли они бегущему правителю? Слишком много он видел предательства в своей жизни, и тупой заячий страх не оставлял его все ночи, пока, загоняя лошадей, бежали они в Самарканд под весенними яркими звездами.

А навстречу летели дурные вести, от которых тревога и растерянность Улугбека еще больше усиливались. Гонцы сообщали, что в Самарканде неспокойно. Многие шейхи и сеиды требовали закрыть городские ворота перед правителем. А он не забыл, как это уже случилось однажды в его жизни и какой ужас он тогда испытал, почувствовав вдруг себя всеми брошенным и никому на свете не нужным.

Хлынул бешеный весенний дождь, когда Улугбек и его спутники въезжали в «Ворота Тимура». До Самарканда уже оставалось недалеко. Но дождь лил так сильно, что пришлось искать защиты под нависшей скалой.

Нукеры набрали немного прошлогоднего сухого бурьяна и кизяка, оставленного проходившими караванами, и разожгли дымный костер. Улугбек грел над огнем руки. Он посмотрел вверх, на небо, нетер-

пеливо ища просветов — предвестников перемены погоды. И вдруг увидел прямо перед собой на скале горделивую надпись, которую сам приказал сделать в назидание потомкам всего полтора года назад. Дождь смыл пыль со скалы, и громадные черные буквы так и лезли в глаза:

«С помощью аллаха величайший султан, покоритель царей народов, тень бога на земле, опора ислама Улугбек — да продлит аллах время его царствования! — предпринял поход в страну монголов и от того народа возвратился невредимым».

Улугбек скрипнул зубами. Хорошо еще, что он не приказал тогда расписать подробно свои победы. Ему и так хотелось теперь стереть эту надпись со скалы. Но скалы стоят века...

Только одну фразу из всей надписи повторил бы он сейчас искренно: «...да продлит аллах время его царствования!» А может ли он теперь сказать: «...и от того народа возвратился невредимым», — это пока известно только аллаху.

Улугбек разбросал ногою костер и велел поскорее седлать лошадей, хотя дождь расходился все сильнее и не видно было ни малейших просветов в плачущем небе.

Улугбек шпорил коня, валясь от усталости из седла. Он похудел, его мучал кашель. И он все время зябко передергивал плечами и тревожно озирался на своих спутников, словно в любой момент ожидал удара кинжалом в спину.

Он вдруг ясно почувствовал, что все повисло на тонком, непрочном волоске, словно слеза на реснице. Что из того, что он внук Тимура? Его тело так же уязвимо для кинжала, как и всякое другое. И убийц можно ждать отовсюду. Их могут подослать даже его собственный отец или мать.

Он еще не знал в тот момент, что жертвой покушения едва не стал сам Шахрух. У него в Герате тоже было немало врагов, и один из них, когда Шахрух пришел в пятницу в мечеть послушать, как муллы станут провозглашать его обновителем веры, воспользовавшись толкучкой, ударил правителя кинжа-

лом. Рана оказалась не опасной, хотя и довольно тяжелой.

Шахрух еще не оправился от нее, когда гонцы привезли в Герат весть о неудаче похода. Возможно, что Гаухар-Шад поспешила бы этим воспользоваться, чтобы сместить Улугбека. Но сейчас ей оказалось не до того: хватало забот и в Герате.

Тем временем Улугбек успел добраться до Самарканда. Верные ему эмиры и шейх-ал-ислам сумели навести порядок в городе. Ворота были открыты. Теперь он мог немного отдохнуть и успокоиться.

Паника постепенно утихала. Эмиры собирали разбежавшиеся войска, наводили в них порядок. Шахрух прислал новый отряд и даже немного денег из своей казны. Как-никак ему вовсе не улыбалось, чтобы Самарканд оказался в руках кочевых узбеков.

Улугбек собрал все эти войска и снова повел их на север. Джуки сказался больным и не захотел вторично испытывать судьбу. Но на сей раз никаких сражений уже не было. Узбеки вполне удовлетворились захваченными обозами, разграбили еще несколько пограничных кишлаков и скрылись в степи. Улугбек со своими отрядами беспрепятственно дошел до Ташкента.

Теперь его мучал уже не страх, а стыд. Мечтать о подвигах, самому начать войну с твердой уверенностью в скорой победе — и оказаться так позорно разбитым в первом же сражении!

Но и страх вскоре вернулся. Вдруг гонцы привезли весть, будто Шахрух с большой армией вышел из Герата и уже приближается к Аму-Дарье. Что ему надо в Самарканде? Что заставило его отправиться в поход, несмотря на недавнюю рану? И почему он захватил с собой Байсункара?

Это больше всего встревожило Улугбека. Было весьма похоже, что его хотят попросту свергнуть, а правителем в Самарканде посадить брата, привыкшего во всем слушаться Гаухар-Шад. И опыт государственных дел у Байсункара есть, недаром же он столько лет был визирем у Шахруха. Это соперник куда более опасный, чем молодой Джуки, который,

кстати, сидит сейчас в Самарканде и в любой момент откроет его ворота перед отцом.

Улугбек, бросив войско, с небольшим отрядом самых верных нукеров помчался навстречу отцу. Еще быстрее скакали впереди его гонцы. Они везли письма, в которых он умолял, заклинал отца во что бы то ни стало вернуть Байсункара обратно в Герат. Что ему делать в Самарканде?

Видимо, Шахрух посчитал сына окончательно сломленным и запуганным, потому что, когда Улугбек встретился с ним в Термезе, Байсункара там уже не оказалось: он уехал в Герат.

Улугбек немного успокоился. Но мрачный вид отца не предвещал ничего хорошего. Шахрух говорил с ним, как с рядовым провинившимся эмиром:

— Где твои войска?

— В Ташкенте. Мы потеряли много лошадей, воины не могут быстро передвигаться.

— Тогда распусти их по домам. Зачем кормить бездельников?

— Хорошо, — поспешно ответил Улугбек.

Так же покорно он выслушал длинный и суровый выговор отца, в котором перечислялись не только все его ошибки, действительные и мнимые, якобы допущенные в подготовке похода, но и прежние грехи: пирушки, оскорбление святых отцов, непочтение к родителям. Шахрух потребовал отчета обо всех доходах за последние годы и придирчиво допытывался, куда тратились деньги. Он вел себя так, словно Улугбек уже вовсе не был не только правителем, но даже и простым наместником Самарканда.

Прибыв в Самарканд, Шахрух сам допрашивал всех эмиров и тех, кого посчитал виновниками поражения, приказал наказать палками. Улугбека он заставил присутствовать при этой унизительной расправе с его приближенными.

Унижение было жестоким, но Улугбек, стиснув зубы, терпел. Он понимал, что сила сейчас на стороне отца. И он учился у него лицемерию, припомнив старую рабскую поговорку: «Целуй руку, которую ты не можешь отрубить».

Больше всего на свете он страшился сейчас потерять Самарканд, быть сосланным куда-нибудь в маленький, захудалый городишко или, еще того хуже, прозябать в Герате вместе с завистливыми братьями под надзором недоверчивой и злопамятной матери. Тогда конец всем мечтам о славе и подвигах, конец веселым пирам и беседам, конец всей его жизни. Ради этого он терпел любые унижения и даже неумело заискивал перед отцом, задабривал его подарками, посещал вместе с ним все мечети, ханаки, мазары святых.

Шахрух не решился отстранить сына от правления. Он видел, что в стране наведен хороший порядок, что в Самарканде уважают и любят Улугбека. Сместить его — значило в какой-то мере поколебать свою собственную власть, ведь Шахрух продолжал считать Мавераннахр неотъемлемой частью своих владений. Урок дан хороший, сын не забудет его, — пусть замаливает грехи и ошибки беспрекословным повиновением.

Дав сыну множество строжайших наказов, Шахрух решил возвращаться домой, в Герат. Как и в прошлый раз, Улугбек проводил его за городские ворота, до холма Афросиаб. Там он простился и, насупившись, смотрел, как оседает на дороге пыль, поднятая свитой Шахруха. Потом Улугбек повернул лошадь и окинул взглядом Самарканд. Город снова достался ему, но какой дорогой ценой оскорблений и унижений!

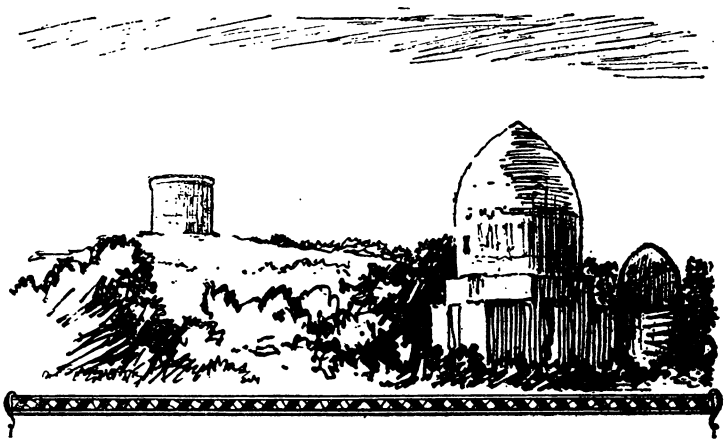
Со странным и неприятным чувством какой-то робости въезжал на этот раз Улугбек в городские ворота. Весь Самарканд был свидетелем его унижения, все понимают, что он остался правителем лишь из милости.

За воротами его встречала небольшая толпа. Он сразу увидел седую голову Казы-заде, высокую фигуру Мавляны Мухаммеда, окруженного учениками медресе. Впереди всех стоял Гийасаддин-Джемшид. В руках он держал какой-то свиток и с поклоном протянул его Улугбеку.

— Чего ты просишь? — спросил его Улугбек.

— Я ничего не прошу, о повелитель! — с достоинством сказал старик своим грубым, хриплым голосом. — Я не терял времени даром и написал трактат, который следует поистине назвать «Ключ к арифметике». Позволь поднести его тебе, самому просвещенному из султанов земли, покровителю наших скромных трудов.

Улугбек смотрел на старика, и лицо его постепенно светлело. Он взял из рук Джемшида свиток, приложил его к губам, словно какую-то дарственную грамоту, и, выпрямив плечи, высоко подняв голову, медленно поехал по главной улице Самарканда.



БАШНЯ НА ХОЛМЕ

Бушуют в келиях, мечетях и церквах
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.

Омар Хайям

Тихо стало в садах, и олени спокойно бродили по усыпанным желтой листвою дорожкам. Фазаны клевали упавшие под тяжестью налившихся соков виноградные ягоды, не боясь быть пронзенными свистящей стрелою охотника.

Опустели пиршественные залы, не звучали в них по вечерам флейта и бубны, не скользили легкими тенями по коврам стройные танцовщицы.

Редко показывался теперь правитель и на улицах Самарканда. И обрадованные сейиды довольно качали головами и думали: «Наконец-то нечестивец взялся за ум. Пусть замаливает свои грехи в мече-

тях. Может быть, аллах и услышит его. Снова в городе воцарятся тишина, благолепие и покой».

Но не видели Улугбека и в мечетях. Только замечали, что далеко за полночь светятся окна на самой верхушке высокой башни Кок-Сарая, вознесенной над городом под самое небо.

Улугбек почти никого не принимал. К нему допускали только Казы-заде и шумного Джемшида, да еще верный Али-Кушчи всегда принимал участие в этих ночных беседах. Улугбек слушал мудрых стариков, читал книги — и мир новых, незнакомых прежде страстей и откровений открывался перед ним. Он вовсе не был кающимся грешником, как надеялись сейиды и шейхи. Он стал учеником, послушником науки. Шаг за шагом проникал Улугбек в премудрости астрономии и математики.

Астрономия — самая древняя из всех наук. На закопченных стенах пещер, где жили некогда первобытные люди, археологи находят изображения характерного ковша Большой Медведицы.

Звездная наука родилась из насущных практических нужд. Надо было вести счет времени, чтобы заранее знать, какие полевые работы следует начинать. По солнцу и звездам находили правильный путь рыбаки в море и охотники среди пустынных степей.

По определенному положению на небе звезды Сириус древние египтяне узнавали о близком разливе Нила, оплодотворявшего все поля. Они называли эту звезду Сотис и воспевали в торжественных гимнах:

Божественная Сотис вызывает Нил к началу года.
Сотис, великая, блистает в небе, и Нил выходит из его источников.
Божественная Сотис производит разлив Нила в его верховьях.

Множество важных наблюдений над звездами накопили в далекой древности народы Халдеи, Вавилона, Месопотамии. А древние греки уже пытались объяснить законы небесной гармонии, создав целый ряд интереснейших теорий. Они первые установили, что наша планета — шар. Пифагориец Филолай догадался, что шар этот безостановочно движется.

Великий мыслитель Аристотель писал еще в IV веке до нашей эры:

«Небо не создано и не может погибнуть, как думают некоторые философы. Оно вечно, без начала и конца; кроме того, оно не знает усталости, ибо вне его нет силы, которая принуждала бы его двигаться в несвойственном ему направлении».

Во II веке до нашей эры математик Эратосфен уже сумел довольно точно вычислить размеры Земли. А его современник Гиппарх разработал теории затмений, движения Солнца и Луны и составил первый в истории человечества каталог звезд.

Философ Аристарх первым из людей догадался в те далекие времена, что не Солнце и планеты движутся вокруг Земли, как это нам кажется, а, наоборот, наша планета вращается около Солнца. Но он слишком опередил свое время. За это его обвинили в безбожии и изгнали из Афин.

Венцом древнегреческой астрономии был объемистый труд Птолемея «Великое построение». В нем нашла наиболее полное и законченное выражение геоцентрическая картина строения вселенной, против которой дерзнул выступить Аристарх. Земля объявлялась центром мира, а вокруг нее степенно кружились Солнце, Луна и другие планеты, каждая на своем особом небе.

Дальнейшее развитие астрономии, словно эстафету, приняли в свои руки арабские ученые. Пока Европа дремала в сонном духовном прозябании средневековья, они хранили и развивали научное наследие древних мыслителей.

Арабские астрономы полностью приняли Птолемееву схему мироздания. Они весьма чтили его труд. Он стал основой всей мусульманской астрономической науки, получив при переводе новое название — «Альмагест». Копии этой книги ценились настолько высоко, что бывали случаи, когда во время войны с побежденных брали ею дань, приравнивая «Альмагест» к золоту и серебру.

Вокруг Земли вращались семь небес: первое — Луны, второе — Утаред, третье — Зухрат, четвер-

тое — Солнца, пятое — Меррих, шестое — Муштари, седьмое — Зухаль. Плоскость эклиптики делилась на двенадцать «домов» по знакам Зодиака. Солнце и планеты по очереди заходили в каждый дом. Так и записывали в гороскопах: «Когда звезда Муштари придет в пятый дом...»

Но, оставаясь в плену ошибочной теории геоцентризма, разрушить которую суждено было только в шестнадцатом столетии гениальному Копернику, мусульманские астрономы внесли немало нового в науку. Особого развития у них получила наблюдательная астрономия. Они не создали никаких новых выдающихся теорий мироздания, но зато разработали оригинальные методы наблюдений, усовершенствовали технику их и собрали богатейшие материалы.

Эти особенности развития астрономии на Востоке тоже были продиктованы практическими нуждами. Еще не знали ни компаса, ни часов, годных к перевозке. Время и нужное направление на караванных тропах, заносимых песками пустыни, можно было определять только по небесным светилам.

К тому же мусульманская религия требовала от каждого правоверного пять раз в день возносить молитвы аллаху, повернувшись в этот момент лицом непременно в сторону далекой Мекки. Безошибочно определять это направление должен был уметь каждый мусульманин.

И для каждой молитвы полагалось строго определенное время. Утренняя молитва, «субх», творилась с появлением зари, но не позже восхода солнца. В полдень, когда солнце, достигнув зенита, начинало клониться к западу, наступало время молитвы «зухр». Продолжать ее следовало никак не дольше того момента, когда тень от какого-нибудь предмета станет равной его длине, прибавленной к длине тени того же самого предмета, какой она была в момент начала молитвы. Затем перед заходом следовало произнести молитву «аср», тотчас же после заката — «магрш», а когда полностью догорит на небе алая заря, наступал момент ночной молитвы — «иша».

В городах и селениях о времени начала и конца каждой молитвы извещали своими пронзительными криками азанчи с высоты минаретов. Но в пути или в поле каждый правоверный должен был сам выбирать требуемый момент.

Вот почему в арабской астрономии такое внимание уделялось точности наблюдений. Собственно, арабской ее можно называть только условно. Завоевав много стран и насадив там ислам, арабы тем самым как бы присвоили себе и все культурные достижения порабощенных ими народов. Все, что в Иране или Средней Азии открывалось нового, долгое время входило в историю науки как арабское. Об истинной национальности ученых-открывателей частенько забывали и умалчивали. Забыли даже, что цифры, которые весь мир до сих пор называет арабскими, изобретены в Индии. Арабы же до этого пользовались для обозначения чисел буквами.

...Много любопытного узнавал Улугбек из книг и бесед с учеными.

Казы-заде познакомил его с трудами великого Мухаммеда-бин Мусы ал-Хорезми, вынужденного покинуть свою родину, память о которой он сохранил не только в сердце, но и в собственном имени, и отправиться в Багдад. Там уже в IX веке существовала большая обсерватория, хорошо оборудованная многочисленными приборами и инструментами для наблюдений. Под ее сводами ал-Хорезми написал свой знаменитый трактат «Хисаб-ал-джебр валмукабала», по первым словам названия которого получила впоследствии имя новая область математики — алгебра.

Он тщательно изучил астрономические таблицы, привезенные из Индии, переработал и уточнил их на основе собственных многолетних наблюдений. Ал-Хорезми усовершенствовал также важный прибор для наблюдений — астролябию — и написал интересный «Трактат о солнечных часах», без которых тогда невозможно было следить за безостановочным бегом времени.

При нем было произведено одно из удивитель-

нейших исследований нашей планеты: в долине Саннар, в Месопотамии, измерили длину градуса меридиана, чтобы точно узнать размеры Земли. Впервые такое исследование провел, как уже говорилось, еще греческий ученый Эратосфен. Но он сделал это косвенным способом, по разнице в величине полуденной тени в египетских городах Александрии и Асуане, находящихся примерно на одном меридиане.

Арабские же астрономы провели измерения уже непосредственно и более точно, пользуясь длинным шнурком, да еще повторили их неоднократно, чтобы не получилось ошибки. Этот удивительно смелый по замыслу и простой по выполнению опыт дал блистательные результаты.

Из небольшого селения возле Хорезма происходил и другой замечательный ученый, живший в начале XI века, — ал-Бируни. Он увлекался многим и оставил после себя свыше ста работ по астрономии, физике, математике, медицине, истории и даже лингвистике. Почти треть их он посвятил астрономии.

Ал-Бируни немало лет провел в Индии, изучил там санскрит, и знание языка раскрыло перед ним сокровенные книги местных ученых. Он подробно рассказал о них в своем труде «Хронология древних народов Востока». Теперь Улугбек, читая эту книгу, узнавал массу интересного о происхождении и особенностях исчисления времени у самых различных народов: согдийцев, арабов, персов, греков, евреев, сабейцев и магов. Через несколько лет он подойдет к этим весьма запутанным проблемам уже как исследователь и посвятит им немало места в своей «Звездной книге».

Улугбек запоминал новые, еще странно и чуждо звучавшие для его уха термины: эвекция, вариация, эксцентричность лунной орбиты... Он читал о том, как ал-Бируни поднялся в Индии на гору высотой в шестьсот пятьдесят два локтя, чтобы по-новому измерить величину земного шара без всяких шнурков, и восхищался его выдумкой.

С любопытством рассматривал Улугбек таблицы, составленные Мухаммедом ал-Баттани, за которым

упрочилась слава непревзойденного по точности наблюдателя. Их почему-то называли «зидж» — словечком, взятым из обихода ткачей. Улугбека удивило это, и он начал расспрашивать своих наставников о происхождении такого странного названия.

— Да, словом «зидж» ткачи именуют уток,— втолковывал ему нетерпеливый Гийасаддин-Джемшид. — Но разве ты не видишь сам, что эти таблицы напоминают своим видом канву, которую ткач натягивает на уток? Зачем задумываться о таких мелочах? Читай внимательно сами таблицы...

Улугбек пробовал читать их, но почти ничего не понимал в однообразных шеренгах букв, которые следовало расшифровывать цифрами. И, наверное, правитель очень бы удивился в этот момент, если бы ему сказали, что через несколько лет он сам станет составлять еще более обширные таблицы и точностью наблюдений превзойдет даже прославленного ал-Баттани.

Забыв обо всем, правитель странствовал в тишине своих покоев по разным векам и странам. Он задумывался, встретив в одной из книг Бируни примечательные слова:

«Однажды я увидел одного человека, который считал себя знаменитым и ученейшим в искусстве предсказания по звездам. Поскольку он желал получить результаты того, что предопределяют звезды, он искренне верил, по невежеству своему, в сочетание светил и искал в их связи результаты воздействия на человека и события».

«В самом деле: почему год, начинающийся понедельником — днем Луны, должен быть непременно хорошим? — размышлял Улугбек. — Звездочеты говорят, будто в такой год станут выпадать обильные дожди, хорошо уродятся хлеба и виноград. Конечно, урожай будет хорош, если дожди напоят землю. Но какая может быть связь между дождями и далекой Луной? Или между Луной и мором скота, какой, по словам астрологов, также следует ожидать в этот год?»

Улугбек знал пленительные стихи Омара Хайяма

и нередко любил повторять его рубои, вмещавшие в своих неизменных четырех строках целые философские поэмы:

Летят за мигом миг и за весной — весна.
Не проводи же их без песен и вина.
Ведь в царстве бытия нет блага выше жизни,
Как проведешь ее, так и пройдет она...

Теперь он открывал для себя другого Хайяма — пытливого исследователя, проводившего бесчисленные ночи не на пирушках, как казалось по его стихам, а в обсерватории, наблюдая за звездами. Кто бы мог ожидать, что этот певец беззаботных радостей жизни, кроме стихов, за которые его всю жизнь преследовали святоши, оставил потомкам и строгие математические труды! В главнейшем из них — в «Алгебре» — Омар Хайям впервые детально разработал теорию построения корней кубических уравнений.

Поистине, думал Улугбек, поэт был стократ прав, когда сказал о себе:

Что я дружу с вином, не отрицаю, нет,
Но справедливо ли хулишь меня, сосед?
О, если б все грехи рождали опьяненье!
Тогда бы слышали мы только пьяный бред!

Астрономические работы знаменитого Насираддина-Туси неожиданно вызвали в памяти Улугбека смутное воспоминание далекого детства. Он вдруг вспомнил так поразившие его своим названием и странным видом развалины каких-то башен в азербайджанском городе Мераге. Теперь он узнал, чем же на самом деле занимались прославленные мудрецы в своем «Звездном доме». Эта обсерватория, сооруженная Насираддином-Туси в 1259 году, была лучшей в мире по тем временам. В ней составили уникальные таблицы звезд, вошедшие в историю астрономии под названием Ильхановских. Насираддин и его ученики трудились над этими таблицами целых двенадцать лет.

Улугбек с некоторым сомнением рассматривал таинственные числа, обозначенные буквами в кле-

точках таблиц. Неужели это так интересно, что может захватить человека на всю жизнь?

Но живой пример был у него перед глазами. Мудрейший Казы-заде поседел в размышлениях о судьбах звезд. Разве не его называют за это другие ученые в посланиях «Афлотуни-замон» — «Платоном своей эпохи»? А грубого Гийасаддина-Джемшида та же страсть к далеким звездам заставляет порой становиться красноречивее самых изысканных поэтов, и в хриплом голосе его звучит вдруг нежность, когда он говорит о тайнах семи небес.

Шло время, и постепенно Улугбек настолько изучил историю звездной науки, что даже сам начал писать книгу, которую назвал так: «Знаменитые астрономы, китайские, сирийско-греческие, арабские, персидские, хорезмийские в изложении Улугбека». Уже само название говорит, насколько глубоко и свободно он к тому времени разобрался в захватившей его науке. Труд этот не дошел до нас и, вероятно, вообще не был закончен. Работая над ним, Улугбек почувствовал, что пересказ чужих открытий его не увлекает. Его уже манили темные, загадочные места, пробелы в научных знаниях, ожидающие своего исследователя.

И Улугбек решил стать этим исследователем. Он задумал создать в Самарканде такую обсерваторию, какой еще не знал мир. Наставники и Али-Кушчи, тоже увлекшийся астрономией не менее своего правителя, приняли его намерение с великим восторгом.

Прежде всего надо было выбрать место для будущей обсерватории, чтобы открывался хороший обзор и ничто не мешало наблюдениям. Тут пригодились частые охотничьи поездки Улугбека, во время которых он изучил все окрестности Самарканда. Он перебирал в памяти холмы, долины, сады, советовался с Али-Кушчи, своим постоянным спутником на охотах, но так и не мог остановиться ни на одном уголке. Пришлось специально ездить по окрестностям, захватив с собой Казы-заде и Джемшида.

Наконец место было найдено. Они облюбовали невысокий одинокий холм неподалеку от Самаркан-

да. Его называли Кухак — «Горка». Он напоминал скалистый островок среди зеленых полей и садов. И, словно настоящий остров, холм омывали воды арыка Оби-Рахмат, разбивавшегося тут на два рукава.

С вершины холма открывался великолепный обзор во все стороны. Сразу за арыком начинался огромный тенистый сад Накши-джехан, где мальчиком любил играть Улугбек. Воздух тут был чистый, без пыли. Отчетливо виднелись и голубые купола минаретов Самарканда и далекие гряды гор. Горы не могли помешать наблюдениям: в их цепи природа словно нарочно сделала прорезь как раз на меридиане обсерватории.

К тому же место оказалось весьма уединенным, хотя и находилось вблизи города. Оно даже пользовалось у многих дурной славой. Говорили, будто Кухак — гора зачарованная. Раньше стояла она вовсе не здесь, а в Сирии. И еще за тысячу с лишним лет до прихода пророка Мухаммеда, когда древние самаркандцы вели борьбу с осаждавшими город врагами, чудесная гора, по их горячим молитвам, прилетела сюда по воздуху и, обрушившись, раздавила всю вражескую армию до единого воина. Гора была особенно тяжела, рассказывала легенда, потому что в недрах ее таится масса золота и серебра.

Пытаясь добраться до сокровищ, местные жители ископали все склоны холма. Золота они не нашли, но в недрах горы оказалось и впрямь немало полезного: превосходный бутовый камень для фундаментов, кремень, известь, горшечная глина. Но добывали их все-таки с опаской: как бы не улетела оскорбленная таким кощунством гора обратно в Сирию...

На холме сохранились какие-то древние могилы. Поэтому его называли иногда в народе Чильдухтарон — «Могила сорока дев». И когда Улугбек решил «осквернить» эти легендарные могилы постройкой какой-то обсерватории, ревнители веры приняли такую весть весьма неодобрительно.

Прежде чем приступить к строительству, в те времена обычно делали небольшую модель будущего

здания. Она позволяла строителям наглядно видеть все детали сооружения. Но постройка такой громадной обсерватории, какую задумал Улугбек, со множеством сложных приборов требовала особенно точного расчета и исполнения. Поэтому, кроме модели, сделали и чертежи. Это было большим новшеством.

Но прежде чем начать работы, следовало проделать еще одно весьма важное дело: определить по стечению планет самый благоприятный день для закладки первого камня.

Улугбек сам, не доверяя никому, даже Казы-заде, провел все вычисления по сложному и таинственному ритуалу звездочетов. Почему-то он в первый раз чувствовал какую-то неловкость, словно в заклинаниях и допросе звезд было нечто кощунственное.

Но звезды не обиделись на Улугбека. Они подсказали, что самым благоприятным днем для основания обсерватории будет вторник на следующей неделе. Его выбрали для закладки первого камня в фундамент будущего здания.

Так, по лукавой иронии жизни, астрологическими заклинаниями началось строительство изумительного храма науки, где Улугбеку суждено будет разгадывать не мнимые, а подлинные тайны неба.

Даже на бумаге и в модели здание выглядело грандиозным. Оно было круглым, словно башня. Высота его достигала тридцати с лишним метров — с нынешний десятиэтажный дом!

Такие размеры диктовал главный прибор обсерватории — исполинский секстант. Он предназначался для наблюдений за Солнцем, Луной и другими планетами. А такие наблюдения были совершенно необходимы для определения основных «постоянных астрономии», как их принято называть: величины наклонения эклиптики к экватору, точки весеннего равноденствия, продолжительности тропического года. Мы еще поговорим подробнее о них, когда станем рассматривать научные достижения Улугбека. Прибор представлял из себя дугу, равную одной шестой части окружности и точно установленную в плоскости меридиана.

На первый взгляд устройство прибора кажется довольно простым. Но нужно хорошенько представить себе технический уровень того времени. Основным материалом для приборов и инструментов служил самый обыкновенный... камень. Поэтому в трактате Гийасаддина-Джемшида для постройки секстанта даются такие указания:

«...Возводится стена из цемента и ганча * таким образом, что основание этой стены имеет длину восемьдесят газов, толщину четыре газа, а высоту на северном конце сорок газов и южном — один газ... Поверхность дуги секстанта делают из тесаного камня; затем на ней вдоль ее длины делается углубление шириною в четыре пальца и глубиною в один палец, где помещается медная или бронзовая доска так, чтобы ее поверхность находилась на уровне дуги секстанта».

При такой технике сооружение получается, как видите, весьма громоздким и сложным. И соблюсти требуемую точность при постройке дуги строго определенного радиуса из цемента и камня — задача неимоверно трудная.

Мерой длины служил «газ». А о том, насколько точна и постоянна была эта мера, говорит определение ее в одной арабской рукописи: «Один газ равен ширине двадцати четырех пальцев, ширина одного пальца равна толщине шести зерен ячменя, а каждое зерно ячменя равно толщине семи волосков из хвоста лошади».

Предохранить от ошибок в наблюдениях и обеспечить мало-мальскую точность было возможно только при максимальном увеличении размеров прибора. Улугбек так и поступил. Для окружности, шестую часть которой должна была составлять дуга секстанта, он выбрал радиус в сорок метров (точнее, 40,212 метра).

Как ни высоко было здание обсерватории, подобная махина, конечно, не уместилась бы в нем. Но

---

* Ганч — скрепляющий раствор смеси алебастра с лёссовой пылью.

Улугбек придумал оригинальнейшее решение. Часть дуги секстанта он предложил спрятать под землю, выдолбив для этого галерею в скалистых недрах холма.

Задача была весьма нелегкая при тогдашних строительных инструментах. Сотни каменотесов днем и ночью врубались в скалы, откалывая от них глыбу за глыбой.

А наверху тоже кипела работа. Добытый из галереи камень укладывали в фундамент будущей обсерватории. Трещины заливали скрепляющим раствором «кыр» — известью с примесью камышовой золы. Пол здания выкладывали из трех слоев кирпича, залитых ганчевым раствором. Готовили этот раствор в особых кирпичных ящиках, а подносили к месту работы в больших глиняных чашах — тагора. При раскопках, уже в наше время, было обнаружено много осколков таких чаш, и находка эта, как будет рассказано далее, сбила некоторых исследователей с толку.

Протяжные крики надсмотрщиков, стук молотков и тучи известковой пыли поднимались над холмом Кухак. Перебрасывая друг другу кирпичи, гортанно пели каменщики. Скрипели деревянные во́роты, поднимая наверх чаши с раствором и бурдюки с водой. Каменотесы углублялись все дальше, вырубая в скале траншею.

Улугбек, следуя примеру деда, разбил площадку на несколько участков и поручил их разным сановникам, чтобы те соперничали между собой и подгоняли рабочих. Он и сам постоянно следил за строительством. По его приказанию у подножия холма разбили два новых сада, где правитель проводил теперь почти все время. В одном саду построили дворец «Чихиль-сутун». В переводе это значит «Сорок колонн». Колонны были каменные, витые. Другой сад украшал павильон, все стены которого выложили плитками из китайского фарфора. Поэтому его прозвали «Чина-хана».

Работы не прекращались ни днем, ни ночью, но для Улугбека время плелось медленнее черепахи,

бредущей по выжженной солнцем степи. Ему не терпелось начать наблюдения, поскорее приблизить к себе звезды. Ни пиры, ни охота не могли заглушить этой жажды. Улугбек приезжал на стройку, сердился, кричал на рабочих, порой несправедливо наказывал ни в чем не повинных людей. Это было совсем бессмысленно, потому что на стройке и так дневали и ночевали Казы-заде и Джемшид, все проверяя сами, никому не доверяя в таком тонком и малознакомом местным строителям деле, как изготовление и установка сложных инструментов. Под их руководством из неграмотных парeньков, согнанных на стройку из ближних селений, вырастали умелые мастера, а в будущем — толковые наблюдатели.

Нетерпеливый Улугбек не замечал, как подтачивает эта гонка здоровье его старых наставников. Казы-заде похудел и высох, словно щепка. Джемшид сорвал голос, крича на рабочих, и говорил теперь хриплым, зловещим шепотом.

Им так и не суждено оказалось увидеть полного осуществления своих мечтаний. Когда уже поднялись высокие стены и каменщики начали выкладывать плоскую крышу величественного здания, старый Казы-заде неожиданно слег и через несколько дней умер. Не с кем стало спорить ворчливому Гийасаддину-Джемшиду. Он тосковал, стал угрюм и неразговорчив и через несколько недель последовал за своим другом. Оба они, как записали в свои хроники придворные историки, «покинув талисман жизни телесной, обрели покой в худжрах обсерватории высшего рая».

Удар был тяжел, но Улугбек не сразу постиг всю меру своей потери, отвлеченный пока хлопотами по строительству. Все заботы о нем теперь легли на него. А помощником оставался один только Али-Кушчи.

Улугбек похоронил наставников с большими почестями. Для могилы Казы-заде Руми даже было выбрано место в Шахи-Зинда, где покоились только «святые» и родичи Тимура. Это вызвало новый ропот среди сейидов, но Улугбек твердо настоял на своем.

Над прахом учителя он приказал построить великолепный мавзолей, хорошо сохранившийся до наших дней.

Но самым лучшим памятником была обсерватория, которую воздвигли в невероятно короткий срок — всего за год! По данным одной из хроник, она была готова уже в октябре 1429 года.

Мастера еще не успели до конца выложить небесно-голубыми плитками самый верх стены. Но Улугбек не мог больше ждать.

В сопровождении Али-Кушчи и других учеников Улугбек обошел все здание. Снаружи оно казалось простым и монолитным, словно скала, но внутри поражало своим непривычным и сложным устройством. Все здесь было строго продумано и подчинено одной цели — наиболее выгодному расположению приборов. Проходя по залам, поднимаясь по узким винтовым лестницам, Улугбек все время ощущал, что им создано нечто совершенно небывалое. Было что-то фантастическое, неземное во всех этих бесчисленных переходах, лестницах, скрытых в стенах, в ложных окнах, не пропускавших ни лучика света.

Весь центр здания — от плоской крыши до пола нижнего этажа — занимал исполинский секстант, запрятанный в непроницаемый для света коридор, будто в футляр из кирпичных стен. Нижняя часть его еще уходила на добрый десяток метров под землю. Этот коридор с дугою секстанта делил все высоченное здание обсерватории на две части точно по меридиану. На том конце дуги, которая поднималась под самую крышу, находилась небольшая площадка для наблюдателя. Прямо напротив нее, на другой стороне круглого здания, было проделано в крыше маленькое отверстие, закрывавшееся задвижкой. Это был диоптр секстанта, расположенный точно в центре той окружности, одной шестой частью которой являлась дуга прибора.

По обеим сторонам главного инструмента строители остроумно расположили все подсобные помещения. Тихие, потаенные худжры манили к размышлениям и математическим расчетам. Улугбек обошел

их все, придирчиво осматривая каждую. Пламя факелов отражалось на медных частях приборов.

Кроме уединенных худжр, в обсерватории было несколько довольно просторных и вместительных залов, чтобы вести общие беседы.

Все стены их покрывала роспись. Картины изображали девять небесных кругов, небесный свод с кругами семи подвижных светил. На разноцветных мозаичных картах можно было найти горы, моря и пустыни всех семи климатов Земли.

В своих географических воззрениях арабы также во многом повторяли древних греков, хотя известный им мир был уже значительно обширнее греческой Ойкумены *. Для Геродота обитаемый разумными существами мир кончался где-то в степях нынешней Украины. Дальше начиналось царство одноглазых чудищ с ушами, огромными, как у слонов. В трудах арабских географов уже можно найти подробное описание верховьев Иртыша и Енисея и даже береговой полосы Тихого океана вплоть до современной Кореи.

Но тем не менее арабские географы продолжали старательно перерисовывать фантастическую карту мира, составленную в самом начале нашей эры великим Птолемеем. И всю населенную, по их представлениям, часть Земли они, так же как и греки, делили на семь климатов. Это были семь поясов между воображаемыми линиями, проведенными параллельно экватору: первый — между экватором и 20°27′ северной широты, второй — до 27°37′, третий — до 33°37′, четвертый — до 38°54′, пятый — до 43°23′, шестой — до 47°12′ и последний — до 53°. Более северные районы, так же как и лежащие к югу от экватора, считались необитаемыми.

Осмотрев все внутри, Улугбек с помощниками поднялся на крышу, которой предназначалось служить основной наблюдательной площадкой. Сияние солнца ослепило их после сумрачной, таинственной полутьмы, царившей внутри здания. Бронзовые и

* Так называли древние греки известный им обитаемый мир.

медные части приборов, расставленных в строгом порядке на всей площадке, стали горячими от полуденного зноя и сверкали, словно драгоценные камни.

Улугбек осмотрел каждый прибор. Они были в полном порядке, точно боевые орудия, выстроенные для парада. Ослепительно сиял бронзовый зат-ал-халк — так называли мусульманские астрономы армиллярную сферу, которой пользовались для наблюдений еще во времена Гиппарха и Птолемея. Обеими своими диоптрами нацелился в небо зат-ассук-батайн. На мраморной подставке покоилась шамила, в которой остроумно объединялись астролябия и квадрант.

Улугбек смотрел на них, и ему все нетерпеливее хотелось, чтобы торжественный парад поскорее сменился вдохновением боя.

— Давайте начинать! — решительно сказал он своим помощникам. — Уже близок полдень...

Наступало время полуденной молитвы «зухр», и в Самарканде уже поднимались на минареты горластые азанчи, чтобы напомнить правоверным о существовании аллаха. А Улугбек в этот миг в первый раз вышел на площадку своего секстанта.

Али-Кушчи поднялся на крышу, чтобы в нужный момент открыть заслонку диоптра.

В галерее секстанта стояла кромешная тьма. Снизу, из-под земли, тянуло сыростью и холодом. Тишина царила полная, до звона в ушах. Только чуть было слышно, как там, далеко внизу, тревожно дышат и сопят два прислужника, готовые передвигать тележку с диском по мраморным рельсам прибора.

Ожидание казалось бесконечным. И вдруг сверху, прорезая тьму, упал тонкий, словно игла, и неотразимый, как удар меча, луч света. Это Али-Кушчи открыл заслонку. Прислужники торопливо покатили тележку, стараясь поймать солнечный «зайчик» на белый щит — диск. Вот он пойман, дрожит в самом центре диска. Улугбек, придерживаясь за стену рукой, спустился вниз по ступеням. Зажгли факел, и при его мечущемся, тревожном свете Улугбек прочитал цифры на мраморных плитах, возле которых

остановилась тележка. Они показывали меридианную высоту Солнца над Самаркандом, впервые установленную точно путем наблюдений. Обсерватория начала свою жизнь...

Вечером возле фарфоровой беседки в саду кипел пир.

Улугбек следил за плавными движениями танцовщиц, прихлебывал вино из чаши, слушал ликующую флейту прославленного в городе Султана-Ахмеда, а сам нет-нет да поглядывал на темную громаду обсерватории, закрывавшую полнеба. На крыше ее то и дело вспыхивали факелы. Это Али-Кушчи записывал первые наблюдения за звездами...

Обсерватория была выстроена, но хлопот у правителя не убавилось, а, пожалуй, даже стало больше. Теперь он особенно остро почувствовал, как многого лишился, потеряв своих старых наставников в самом начале работы. Все приходилось делать самому: вести наблюдения, делать расчеты, одновременно обучая любознательную, но еще совсем неопытную молодежь. А это отнимало массу времени. Он даже не представлял себе раньше, сколько надо приложить трудов, чтобы возможно точнее определить положение на небе какой-нибудь одной звезды.

Сколько раз бывало так: наступал вечер, и Улугбек с Али-Кушчи поднимался на крышу обсерватории. В теплом воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Пламя факелов, треща и роняя искры, поднималось длинными языками прямо к небу. И небо было чистым, без единого облачка.

Они начинали готовить для наблюдений шамилу. Когда инструмент был подготовлен, факелы гасили. Внезапно наступившая тьма казалась густой и непроницаемой, словно повязка, вдруг наложенная на глаза. Но уже через несколько мгновений глаз начинал различать купы тополей, посаженных вокруг башни. А на постепенно светлевшем небе отчетливо проступали звезды.

Улугбек искал глазами восьмую звезду Волка. Она была так далека и слаба, что совсем терялась среди звездной россыпи.

Улугбек начал осторожно наводить инструмент, но Али-Кушчи прошептал у него над ухом:

— Вы ошибаетесь, шейх-ур-раис. Это шестая звезда, восьмая чуть-чуть правее...

Улугбек покосился на него и сердито засопел. Не очень приятно, когда тебя уличают в ошибках, даже если при этом и называют почтительно шейх-ур-раисом — «наставником ученых». Но Али прав: восьмая звезда, которая им нужна, действительно немножко правее. Вот она поймана, наконец, в узкую прорезь шамилы. Глаз у правителя охотничий, острый, но целиться в звезду, пожалуй, потруднее, чем в летящую утку. Звезда никак не хочет оставаться в прорези. Она все время куда-то исчезает, словно танцует по небу. Или у него так дрожат руки?

— Лови ты, — говорит помощнику Улугбек, отодвигаясь от инструмента и с наслаждением распрямляя уставшую спину. — У тебя глаза помоложе.

Али-Кушчи начинает определять угол между восьмой звездой Волка и невидимой точкой равноденствия, от которой надо вести отсчет. Он делает это умело и ловко, но Улугбеку кажется, что слишком медленно.

— Дай мне, — нетерпеливо говорит он и снова склоняется над шамилой.

Несколько мгновений он всматривается в прорезь, потом вдруг сердито восклицает:

— Дьявол! Где же звезда? Ты сбил прибор. Что за корявые руки! Принеси факел.

Али-Кушчи бежит за факелом. При его колеблющемся свете они оба внимательно осматривают инструмент. Улугбек убеждается, что он установлен правильно.

— Что за черт! Где же эта проклятая звезда? — бушует правитель.

Они снова гасят факел и нетерпеливо ждут, пока глаза опять привыкнут к темноте. Секунды кажутся Улугбеку длинными, как летний день.

Звезды снова мерцают у них над головами. Но не видно среди них ни восьмой, ни шестой — куда-то исчезло вдруг даже все созвездие Волка.

— Тучка, великий эмир, — упавшим голосом говорит Али. — Видите, набежала тучка. Но, слава аллаху, небольшая. По его милости она скоро уйдет.

Улугбек молчит. Увы, звезды не повинуются земным владыкам. Надо ждать, надо учиться терпению.

— Пойди принеси мне... — Улугбек хотел сказать «вина», но вспомнил, что от вина еще сильнее начнут дрожать руки, и не окончил фразы.

— Что принести, шейх-ур-раис? — переспрашивает Али.

— Ничего.

Они стоят на крыше и, задрав головы к небу, ждут. Ждут десять минут, полчаса, час. Тучка все не уходит. Улугбек разражается бранью и грозит ей кулаком. Потом покорно говорит:

— Давай попробуем вторую звезду Корабля. Там, кажется, небо чисто...

И все начинается снова: зажигают и гасят факелы, наводят шамилу на другой край неба, приучают глаза к темноте, ловят по очереди едва заметную звездочку в прорезь прибора. Тучи на сей раз не мешают. Но в самый разгар наблюдений звезда вдруг начинает становиться все бледнее и бледнее и пропадает совсем. На востоке, над неровной грядой далеких гор, словно разгорается зарево какого-то пожара. В чуткой предутренней тишине со стороны города доносится едва слышный крик азанчи, который первым поспешил известить правоверных, что аллах ждет от них утренней молитвы «субх». Ее надо успеть произнести, пока не взошло солнце.

Небо быстро светлеет. Появляются на нем розовые облачка, а звезды исчезают и гаснут.

Надо ждать новой ночи. А когда она придет, тучи вдруг затянут все небо, и не будет видно уже ни одной звезды. Или перед самым началом наблюдений вдруг выяснится, что неисправен прибор, который забыли очистить от пыли и плохо смазали нерадивые прислужники. Тогда Улугбек сорвет на них весь свой гнев.

К тому же каждое наблюдение приходилось по-

вторять несколько раз, чтобы не допустить ошибки. Улугбек придерживался этого мудрого правила неуклонно после того, как обнаружил множество неточностей в трактате Абдурахмана Суфи. Большинство звезд, положение которых он определял, находились совсем не там, где им полагалось по таблицам Суфи. А некоторых ему вообще не удалось найти на небе. Видимо, они были просто-напросто выдуманы. И Улугбек твердо решил не повторять подобных ошибок.

Еще одно отнимало у него немало времени и трудов, но он никому не сознавался в этом, даже Али-Кушчи. Начав наблюдения, Улугбек почувствовал слабость и неполноту своих знаний. Наставники покинули его слишком рано. Они многое не успели ему передать. И теперь Улугбеку приходилось не только учить помощников, но и тайно от них все время самому учиться, читать и перечитывать толстенные трактаты по астрономии, математике, осваивать инструменты.

Все это очень утомляло его. Он и так не отличался хорошим здоровьем, а теперь нередко чувствовал, как быстро стареет и теряет силы. Ему было уже не до пиров, и на охоту он выезжал гораздо реже.

Но зато какое изумительное чувство испытывал он, поймав в прорезь астролябии далекую дрожащую звезду! Сколько мыслей проносилось в его голове, когда он стоял по ночам на башне обсерватории и взглядом хозяина осматривал сверкающие звездные россыпи!

Теперь он знал каждую из бесчисленных звезд по имени. У каждой из них были свои особенности и свои загадки.

Вот подмигивает ему звезда Эль-Гуль *. Почему другие звезды светят всегда одинаково и только она время от времени заметно меняет свою яркость? И довольно сильно: раза в два или в три. Вспыхнет, потом снова успокоится и станет сиять, как прежде.

---

* Теперь мы называем эту звезду менее поэтически: Бета Персея.

Недаром дали ей такое имя: «Дьявол». Поистине есть в ее повадках что-то дьявольское...

Насколько все это оказывалось интереснее мнимых откровений астрологов:

— Суббота — день звезды Зухаль. Горе тому году, который начнется с субботы! Наступит великая скудность земли и неба, голод станет следовать за войной, а за голодом — болезни. Жители Сирии и Египта будут в этот год стонать под игом своих правителей.

Загадка звезды Эль-Гуль будет еще несколько веков мучить ученых. Постепенно астрономы подметят, что она меняет свой блеск с удивительной постоянностью: точно через каждые два дня двадцать часов и сорок девять минут. И это покажется еще непонятнее, пока уже в наше время астрономы не догадаются, что Эль-Гуль вовсе не одна звезда, а целых две, вращающиеся вокруг друг дружки. Одна из них гораздо ярче другой, и, когда она заслоняет свою спутницу, нам кажется, будто звезда изменила свой блеск.

Но у Улугбека нет ни наших телескопов, ни спектрографов, ни фотоэлементов. И для него Эль-Гуль так и останется таинственной «звездой Дьявола»...

Ночь шла над Самаркандом, и звезды медленно описывали величавый круг над головой Улугбека. И только одна звезда вечно оставалась неподвижной, словно ось этой звездной карусели. Туркмены так и прозвали ее «Железным гвоздем», вбитым в небо. А мы теперь называем Полярной звездой.

Созвездие, которое мы называем Большой Медведицей, напоминало Улугбеку своим строением похоронную процессию: четыре звезды ковша — это колеса повозки, а звездочки его ручки — упряжка из двух лошадей со всадником на одной из них и бредущий впереди Бенетнаш — «предводитель плакальщиков». Такие имена и дали арабы этим звездам.

Улугбек чувствовал, как уходят силы в трудах, занимавших и ночи и дни, и поэтому особенно спешил передать свои знания ученикам. Он хорошо по-

нимал, что без них ему никогда не закончить задуманных трудов.

И ему повезло. Ученики оказались понятливыми и вырастали быстро. Особенно талантливым был Али-Кушчи. Сначала Улугбек временами опасался, не увлекается ли его сокольничий астрономией только для виду, чтобы угодить своему правителю. Но, к его великой радости, это оказалось не так. Али-Кушчи был совершенно искренен в своем увлечении наукой. Он не хуже Улугбека изучил все инструменты, самостоятельно проводил наблюдения и даже начал писать весьма сложный трактат «О решении лунообразной фигуры». Улугбек так полюбил его, что называл своим сыном.

Оставил себе наследника в науке и покойный Казы-заде. Его юный внук Махмуд тоже стал учеником Улугбека и подавал большие надежды. Им суждено было блистательно оправдаться: мальчик вырастет, станет продолжать труды Улугбека и прославится в ученом мире под именем Мериема Челеби.

Улугбек и его ученики день за днем и ночь за ночью вели наблюдения, вновь и вновь проверяя их; в тиши своих худжр заполняли рукописи бесконечными шеренгами формул и сложных расчетов, а потом собирались все вместе в просторном главном зале, где мерцали на стенах мозаичные картины небесных сфер, и вели долгие беседы и споры о тайнах звезд.

И беседовали они не только о далеких звездах. Научные занятия не могли не вызвать у них критического интереса и ко многим иным проблемам.

Астрология мирно уживалась с религией. Они помогали друг другу держать людей на коленях перед небесами. Но астрономия всегда, на протяжении всей истории человечества, подтачивала, сотрясала те опоры, на которых покоились небеса. Чем глубже проникали ученые в тайны неба, тем меньше там оставалось местечка, где еще мог бы прятаться бог.

Так было и с Улугбеком. Научные занятия постепенно подрывали в нем религиозность. В эти годы

среди приближенных Улугбека появляются философы и вольнодумцы.

Среди тех, кого слишком старательные доносчики изображали замешанными в покушении на Шахруха, оказался шейх Қасим-и Анвар. Он был весьма уважаемым в Герате человеком, и это начало задевать властолюбивую Гаухар-Шад. Воспользовавшись тем, что покушавшийся на правителя был вхож в дом шейха, она решила разделаться с Қасим-и Анваром. Напрасно тот вполне резонно говорил, что в его доме побывал за долгие годы не только преступник, но и весь Герат. Қазнить Қасим-и Анвара не решились, опасаясь, как бы это не вызвало волнений, но из города его изгнали.

Шейх нашел прибежище в Самарканде. Вскоре Улугбек так сблизился с ним, что даже называл себя его мюридом, не боясь того, какой гнев это вызовет в Герате.

Жаль, что мы не знаем больше ничего достоверного об этой дружбе и о тех беседах, которые вел Улугбек с шейхом.

Қасим-и Анвар был, видимо, интереснейшим человеком. В молодости на своей родине, в Азербайджане, он сблизился с хуруфитами, которых мусульманская церковь преследовала как злейших еретиков. Не изменил он свободомыслия и в поздние годы. Поэт Джами, учившийся недолгое время в медресе Улугбека, говорил:

— И сам шейх и его ученики, которых я часто видел и слышал, производили впечатление отступников от ислама и ни во что не ставили шариат.

Очень любопытное свидетельство, если вспомнить, что ведь одним из последователей шейха-безбожника был и Улугбек.

Так они спорили, трудились и познавали пути звезд, а на земле между тем жизнь шла своим чередом.

В своем доме за высоким дувалом на тенистой улице пригородного квартала Қафшир тихо и скромно жил Хаджа Ахрар. Во дворе у него вечно толпились дервиши в остроконечных шапках, важные

суфии вели в тени на берегу арыка долгие проникновенные беседы. Каждый мечтал побеседовать с самим хаджой. Но он принимал в своих покоях далеко не каждого. И все-таки никто не уходил из этого дома обиженным. Тыквенные чашки дервишей, в которые они собирали подаяние, всегда наполнялись вкусной горячей похлебкой. Суфии уносили в кожаных мешочках щедрые суммы на переписку богоугодных книг. Не скупился Хаджа Ахрар и на богатые даяния для мечетей, мазаров «святых», сирым и убогим. Люди славили хаджу за такую доброту и дивились его щедрости. Они даже жалели его: ведь раздавая так много другим, хаджа сам скоро станет нищим.

Мало кто знал, что небольшой домик на тихой окраинной улице — лишь самое скромное и ничтожное из земных владений Хаджи Ахрара. В разных уголках страны у него были богатейшие поместья, где тысячи людей гнули спины и поливали своим потом поля, приумножая богатства «святого человека». Владения хитрого хаджи росли с каждым годом. Один кусок земли для него перекупят у какого-нибудь дехканина, попавшего в беду, ловкие управляющие. Другое поместье пожертвует какой-нибудь вельможа, растроганный поучениями хаджи и святостью его жизни. А из грошей складываются миллионы. К концу своей «праведной» жизни Хаджа Ахрар накопит таким образом тысячу триста земельных владений! Некоторые из них были так велики и обширны, что достигали площади в несколько тысяч джуфтигау каждое. А один джуфтигау равнялся количеству земли, которое может обработать крестьянин с парой быков за целый сезон. Хаджа Ахрар станет подлинным хозяином всего Мавераннахра.

Набожность вовсе не мешала хадже держать в железной строгости свое сложное хозяйство, разбросанное по всей стране. Наблюдал за порядком в каждом владении доверенный управитель. Хаджа Ахрар подбирал их всегда сам. Однажды чутье обмануло его. Управителем одного из владений оказался человек слишком честный и добрый, чтобы выжи-

мать из крестьян такие доходы, какие требовал хаджа. Ахрар немедленно сместил его. Новый управитель был достаточно жесток, но и смел. Он ухитрялся обсчитывать даже Хаджу Ахрара. Когда тому доложили о проделках плута управителя и посоветовали прогнать его, хаджа цинично ответил:

— Зачем? Лучше вор, приносящий большой доход, нежели человек честный и правдивый, но дохода не приносящий. Вор получает и для себя и для меня, не так ли?

В душных, полутемных мастерских обливающиеся потом рабочие выделывали для хаджи знаменитую самаркандскую бумагу. Медлительные верблюды несли ее на своих горбах в Хорасан и еще дальше на запад, в страны неверных франков. Другие караваны везли в Моголистан и Китай хлопок, кунжут, рис с полей Хаджи Ахрара, а обратно привозили шелк, пряности, драгоценные камни, которые превращались в звонкую монету на прилавках самаркандских базаров. И пока Улугбек считает звезды, все больше несметных богатств стекается в маленький домик на окраине города, где, словно терпеливый паук, раскинувший паутину, сидит тихий и неприметный Хаджа Ахрар.

Он был неслышным, но всезнающим и всевидящим. Еще лучше, чем даже собственное хозяйство хаджи, была налажена его «духовная служба». Стоило ему произнести несколько слов тихим, вкрадчивым голосом — и через несколько дней дервиши уже разносили повеления «святого человека» по дальним городкам и селениям. Сам он не выступал с проповедями, не обличал Улугбека, не грозил нечестивцам вечными загробными муками. Но стоило ему только мимоходом проронить несколько слов — наутро эти слова уже гремели, приумноженные проклятьями, в какой-нибудь из городских мечетей.

Земные заботы нередко отрывали Улугбека от ученых трудов. Ему приходилось вспоминать, что он правитель, и заниматься государственными делами. В Моголистане шла подозрительная возня между вожаками отдельных племен. Было похоже, что враги

там снова поднимали голову. Улугбек не открывал военных действий, но ему пришлось заняться хитрыми дипломатическими интригами. И вел он их не очень честно, наживая себе все больше тайных врагов. Когда в Самарканд, ища у него защиты, приехали вожаки некоторых монгольских племен, Улугбек вероломно обманул их. Беглецов радушно встречали и приглашали войти в ворота крепости, якобы отведенной им для жилья. А у других ворот их ждали воины и отрубали головы. Это предательское избиение так поразило и потрясло всех в Моголистане, что от него даже стали вести новый счет годам, дабы и потомки не забыли о злодействе правителя Самарканда.

Обострялась и вражда с узбекскими ханами. Улугбек не мог им простить своего поражения и все время пытался внести раздор между узбекскими племенами и посадить во главе их своего ставленника. Ненависть накапливалась, и настанет время, когда она переполнит чашу терпения и поведет кочевых узбеков на Самарканд.

Немало хлопот и новых врагов приносили правителю и внутренние дела. Порой он бывал резок и крут, в запальчивости принимал несправедливые решения, и число озлобленных росло.

Главным казием Самарканда был некий Мухаммед Мискин. Улугбеку довелось столкнуться с ним. Случай был казуистический, и правитель запутался в нем.

Как это делал частенько и Тимур, Улугбек порой участвовал в некоторых купеческих авантюрах. Он ссужал деньгами купцов, и те приносили ему часть прибыли. Одному из купцов Улугбек дал как-то вместо денег драгоценный камень. Купец внезапно заболел и умер, не успев вернуть долга. Камень он к тому времени уже, видимо, продал или кому-нибудь заложил. Тогда Улугбек приказал забрать в казну все имущество покойного. Наследники купца воспротивились и пошли жаловаться на правителя казию Мискину, который славился своей неподкупной честностью.

Улугбек, конечно, не явился на суд, послав туда двух придворных как свидетелей своей сделки с купцом. Казий не испугался принять решение, обидное для правителя. Ему стали говорить, что правитель гневается. Тогда Мискин сказал придворным:

— Передайте вашему повелителю, что ему не пристало выставлять свидетелей и ждать выгодного для него решения в этом деле, суть которого всем ясна. Над судьей есть только один повелитель — правда. Если правитель хочет, чтобы я решил дело в его пользу, пусть прикажет связать мне руки и ноги и погружать меня с головой в холодную воду, пока я не потеряю сознания. Тогда я, может быть, постановлю, чтобы вещи купца были отданы взамен одного камня, который не стоит и десятой части их.

Смелый ответ судьи понравился Улугбеку, и он вернул незаконно захваченное имущество.

Другой городской казий, наоборот, прославился судом неправедным. Жалобы на него надоели Улугбеку. Он приказал сбрить казию бороду, что было большим оскорблением. Злополучный судья перетрусил и стал искать защитников среди придворных. Они нашлись. Один из вельмож уговорил правителя заменить наказание штрафом. Улугбек уже отошел и согласился оставить казию его бороду с условием, чтобы тот взамен доставил на дворцовую конюшню двадцать рысаков.

Улугбек скоро забыл об этой глупой истории: были у него заботы поважнее. И только через несколько дней, собираясь на охоту, правитель заметил, что обещанные лошади все не появляются, и спросил, где же они.

— Казий передумал, о великий эмир! — торопливо стал выкручиваться вороватый вельможа, который давно уже поставил этих лошадей в свою собственную конюшню. — Он не смог достать лошадей и просит сбрить ему бороду.

Улугбек рассмеялся и махнул рукой. Тем дело и кончилось.

Продолжались и столкновения с шейхами. Одного из них Улугбек насильно, против его воли, заставил

принять хлопотную должность городского казия. Шейх вынужден был подчиниться, но затаил злобу на правителя.

Кроме мелких стычек, были и дела куда посерьезнее, которые настраивали церковников и суфиев против Улугбека. Он не только погрязал в безбожии, но и дерзнул покушаться на их карманы. Когда положение в стране наладилось и пополнилась казна, Улугбек несколько снизил налоги. Это принесло некоторое облегчение широким народным массам. Но зато он приказал повысить тамгу — так назывались сборы в казну с торговли и промышленности. А торговля и различные мастерские приносили немалый доход не одному Хадже Ахрару, но и всем «святым людям».

Духовенство было настолько заинтересовано в этих доходах, что даже иногда объявляло в своих проповедях тамгу греховной, преступлением против шариата. Легко представить, какой вой подняли муллы, дервиши и суфии, когда Улугбек повысил сборы тамги!

Одним из первых подал голос некий сейид Ашик. Его весьма ценил Хаджа Ахрар и даже сравнивал проповеди сейида с поучениями пророка Моисея. Сейид этим страшно гордился и хвастался.

Однажды Ашик произносил в соборной мечети очередную проповедь. Сначала он долго пугал слушателей страшным судом. С завыванием он читал зловещую суру из корана, в которой особенно подробно расписывались муки будущих испытаний:

Когда разверзнется небо,
Которое будет повиноваться аллаху и постарается выполнить его повеление;
Когда земля будет распростерта ровным пластом,
Когда она выбросит из недр своих все, что содержала и оставляла нетронутым,
Когда она будет повиноваться аллаху и постарается исполнить его повеления.
Тогда ты, о человек, желавший бы увидеть аллаха твоего, увидишь его!
Кому дадут книгу его дел в правую руку,
Тот будет сужден с кротостью.

Он, радуясь, возвратится в свое семейство.
Кому дадут книгу его дел назад к спине,
Будет призывать смерть,
Когда станет гореть в огне.
На земле он веселился среди своего семейства.
Он воображал, что никогда не явится перед аллахом,
Но аллах видел все!..

В толпе молящихся раздавались покаянные выкрики и причитания. Чувствуя, что атмосфера достаточно накалилась, сейид завел речь о том, что порой жители некоторых городов подвергают себя опасности вечных загробных мук совсем безвинно, только из-за греховности своих правителей, забывших о законах шариата и насаждающих в своих владениях поганые обычаи неверных.

— Не забывайте о судьбе народа египетского, о правоверные! — неистовствовал он, приплясывая на священном возвышении — михрабе, украшенном редкой красоты резьбой. — Вспомните фараона, который грехами своими обрек свой народ на вечные муки! Аллах хотел предостеречь его и послал к нему пророка Моисея. Но он не послушался указания божьего...

Намек был более чем прозрачный. Улугбек ловил косые, неодобрительные взгляды окружающих. Дождавшись, когда сейид кончит проповедь, он подошел к нему и спросил вежливо, но намеренно громко, чтобы слышало побольше людей и потом разнесло по городу:

— Скажите, премудрый сейид, кто, по-вашему, хуже: я или фараон, о грехах которого вы так красочно говорили нынче?

Ашик, почувствовавший какой-то подвох, но еще не понявший, куда клонит правитель, осторожно ответил:

— Фараон хуже.

Улугбек довольно кивнул и спросил снова:

— А кто, по-вашему, лучше: Моисей или вы, достопочтенный сейид?

— Конечно, пророк Моисей.

Теперь настал момент для сокрушительного удара, и Улугбек холодно и строго сказал:

— Аллах приказал Моисею не говорить с фараоном грубо и даже наказывал: «Скажи ему мягко», — не так ли, сейид? Почему же вы, который хуже Моисея, говорите мне, который, по вашим словам, все-таки лучше фараона, таким грубым образом?

В толпе внимательно слушавших придворных кто-то засмеялся. Лицо у сейида вытянулось, побагровело. Он забормотал что-то неразборчивое и попятился. Улугбек повернулся и вышел из мечети.

Порой он чувствовал себя совсем одиноким. Покоя не было даже в собственном доме, в своей семье. Приезжая в Герат, Улугбек видел, что сын Абдал-Лятиф все больше отдаляется от него. Он во всем слушался бабку, много времени проводил в беседах с суфиями и дервишами. Это было тем более обидно, что юноша вырастал вовсе неглупый, энергичный и, кажется, властолюбивый. Как и Улугбек в молодости, Абдал-Лятиф начал увлекаться астрологией. Отец радовался этому, надеясь, что из сына, может быть, вырастет не только наследник его власти, но и преемник научных трудов.

Но он насторожился, когда по приезде его в Герат сын вдруг хмуро сказал ему однажды:

— Я знаю, что ты мне враг.

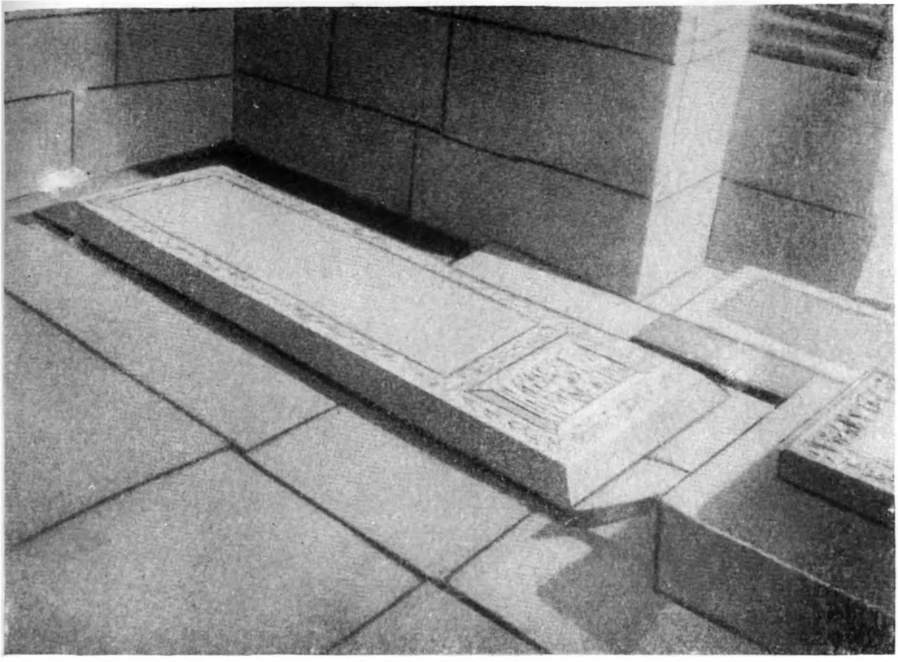
— Почему? — удивился Улугбек.

— Так говорят звезды. Я составил себе гороскоп, и оказалось, что ты убьешь меня.

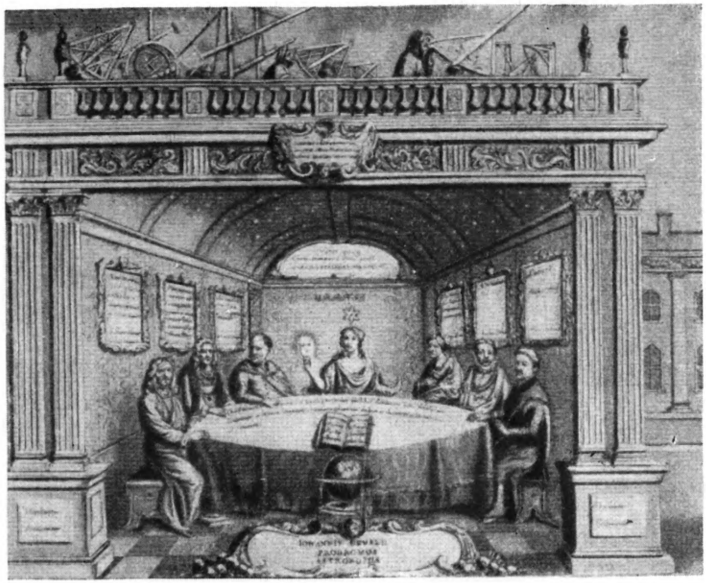
— Какая ерунда! Ведь я же родной отец тебе, — рассмеялся Улугбек и привел старинное изречение, которое часто любил теперь повторять: — Дело не в том, что небесный купол движется, а все, что делается, по усердию мужественных делается.

Но сын продолжал хмуриться и враждебно смотреть на него. Переубедить его было не так-то легко. Тогда Улугбек попытался клин вышибать клином: против зловещей выдумки звездочетов выставить заповеди корана:

— Ты забыл указание пророка о том, что есть пять вещей на свете, которые известны только одному



Под плитой из серого мрамора покоится прах Улугбека в мавзолее Гур-Эмир.



Гравюры семнадцатого века рассказывают о всемирной славе Улугбека. На одной из них великий ученый сидит по правую руку богини Урании в кругу крупнейших астрономов. На другой гравюре Улугбек стоит рядом с богиней.

богу и спрашивать о них нельзя? Только аллах знает, пойдет ли дождь, каким зреет ребенок во чреве матери, что будет завтра, а также когда и где умрет каждый человек. Гадать об этом по звездам грешно.

Сын повеселел, хотя, кажется, и не был убежден до конца. Но для Улугбека давно уже потеряли прежнее значение туманные пророчества по звездам, которые он успел так хорошо изучить. Он скоро забыл об этом разговоре — и напрасно: другие воспользуются суеверием Абдал-Лятифа и постараются, чтобы это пророчество оправдалось — только наоборот...

Будущее Абдал-Лятифа стало заботить Улугбека меньше, когда у него родился еще один сын. Он назвал его Абдал-Азизом и решительно отказался отправить, как и старшего, в Герат, на воспитание к бабке. Этого сына Улугбек будет воспитывать сам, перенеся на него всю любовь. И этим тоже потом ловко сумеют воспользоваться враги, тайно следящие за каждым шагом правителя...

В честь рождения нового наследника Улугбек решил обновить чудесные мавзолеи Шахи-Зинда. Здесь проложили еще один коридор и в конце его построили красивую входную арку. Над ней правитель приказал написать:

«Это грандиозное здание основал Абдал-Азиз хан, сын Улугбека Гурагана, сына Шахруха, сына эмира Тимура Гурагана».

Никого особенно не смущало, что Абдал-Азиз, гордо провозглашенный в надписи замечательным строителем, еще даже не умел ни говорить, ни ходить.

Как ни баловал Улугбек своего любимца, заняться всерьез его воспитанием у него не было ни времени, ни настоящего желания. Поэтому Абдал-Азизу суждено было вырасти ничем не примечательным, пустым и бездеятельным человеком, да к тому же еще и трусоватым: в трудный момент, когда Улугбеку больше всего будет нужна его помощь, сын попросту предаст отца.

Улугбеку было не до семейных забот. И ближе родных сыновей давно уже стал ему Али-Кушчи.

Теперь они работали особенно напряженно. У них появилась точная и определенная цель.

Улугбек задумал наиболее плодотворным образом использовать свою обсерваторию, подобной которой еще не существовало на свете, — он это знал. А если так, то нужно вести не отрывочные наблюдения за отдельными звездами без всякой системы: сегодня — за одной, завтра — за другой, чтобы просто удовлетворить свою любознательность. Нет, он решил охватить все до единой звезды, что светят ночами в небе над Самаркандом, определить точное положение каждой и занести их в таблицы.

Такая работа, требующая многих лет и тысячи наблюдений, предпринималась по-настоящему лишь один раз до Улугбека за всю историю человечества.

Первый известный нам каталог звезд составил, как уже говорилось, древнегреческий астроном Гиппарх.

Предание рассказывает, будто ему подсказало такую идею одно загадочное и даже пугающее событие. Год за годом изучая небо, Гиппарх вдруг, к своему великому изумлению, заметил однажды, что в созвездии Скорпиона неожиданно появилась новая яркая звезда. Раньше ее не было на небе! Тогда великий астроном древности и задумал переписать все звезды на небосклоне, дабы грядущие поколения могли сразу подметить любые перемены в звездном мире. Это была поистине гениальная идея. Она принесла науке неоценимую пользу.

Все звезды, видимые простым глазом, Гиппарх изучить не успел. Его каталог включал 1 022 звезды. Птолемей поместил эти таблицы в своем «Великом построении» и тем спас их для науки, потому что подлинные труды Гиппарха до нас не дошли.

Все другие звездные каталоги, появлявшиеся позднее, в том числе и самый лучший среди них — Ильхановы таблицы Насираддина-Туси, были не такими полными и систематическими. Главное, они обычно переписывались один с другого. Новых наблюдений над положением звезд в них попадало мало. А ведь со времен Гиппарха прошло шестнадцать веков!

Теперь Улугбек решил заполнить этот пробел. И сам он и все его помощники отныне были заняты одним: точно, неоднократно проверяя самих себя повторными наблюдениями, они определяли положение на небосклоне всех видимых звезд. Это была кропотливая и однообразная работа. Ни смелых и слишком поспешных гипотез, ни новых оригинальных систем мироздания не создавали они. Только наблюдения, наблюдения, бесконечные наблюдения ночь за ночью — до боли в глазах, до неимоверной усталости, подкашивающей ноги. Это была будничная, незаметная, казалось бы, совершенно бесславная работа. Но Улугбек видел все ее величие и бесценность. Он стал мудрым и давно уже перестал увлекаться мечтами о легких победах и молниеносных подвигах.

В истории каждой науки наступают моменты, когда обобщение накопленных материалов, собирание их и глубокий анализ становятся важнее самых крупных открытий. Да и сами эти открытия на какой-то ступени делаются просто невозможны без такого обобщения всех прежних шагов и наблюдений.

Именно в этом и проявился гений Улугбека. Он понял веление времени и занялся такой кропотливой работой, чтобы подготовить вспаханную почву для будущих величайших открытий Коперника, Галилея, Тихо Браге. И за это он по заслугам стоит в истории астрономии в одном ряду с ними.

Прошли годы в таких трудах, пока он, наконец, смог приступить к составлению таблиц. Однажды вечером Улугбек не вышел, как обычно, на башню, вознесенную к небу, а заперся в своей худжре и разложил перед собой на ковре пухлую кипу заметок и предварительных табличек. Из чернильницы торчало тростниковое перо — калям.

«Тимур есть тень...» — вспомнилось ему. Нет, про него, Улугбека, уже так не скажут! Он взял перо и вывел крупными буквами на чистом листе бумаги:

«Религии рассеиваются, как туман. Царства разрушаются. Но труды ученых остаются на вечные времена...»

Так он начал писать свою «Звездную книгу».

„ЗВЕЗДНАЯ КНИГА"

Мы — цель и высшая вершина всей
вселенной,
Мы — наилучшая краса юдоли бренной:
Коль мирозданья круг есть некое
кольцо,
В нем, без сомнения, мы — камень
драгоценный.
Омар Хайям

И вот эта книга лежит теперь перед нами. Точное ее название: «Зидж-и джедид-и Гураган». Перевести это можно так: «Новые Гураганские звездные таблицы» (Гураган — ханский зять, этим титулом гордились и Улугбек и Тимур).

Книга состоит из двух частей: довольно пространного введения и самих таблиц. Но прочитать ее нам не так-то легко. Для этого нужно не только разбираться в астрономии и математике, но и хорошо владеть языком фарси, на котором она написана. Но и этого еще мало: надо к тому же быть знатоком мусульманской науки средних веков, чтобы не заплутать среди причудливых терминов, которые давно

устарели и забыты наукой. Ведь со времен Улугбека минуло пять с лишним столетий.

В «Звездной книге» нет ни привычных нам математических формул и равенств, ни названий звезд, которыми мы теперь пользуемся. Даже ни одной цифры в ней нет: они, как вы помните, обозначались тогда еще буквами. Так что труд Улугбека приходится переводить дважды: сначала с фарси, потом на язык формул и терминов современной науки.

Этот весьма нелегкий труд проделал крупный советский ученый, действительный член Академии наук Узбекской ССР Т. Н. Кары-Ниязов. Его работа «Астрономическая школа Улугбека», в которой впервые даны развернутые комментарии к таблицам, удостоена Сталинской премии. Мы будем пользоваться ею как путеводителем по страницам «Звездной книги».

«Все, что наблюдение и опыт узнали относительно движения планет, находится сданным на хранение в этой книге, которая состоит из четырех частей», — так написал Улугбек в предисловии к таблицам. Это и в самом деле как бы итог всего, чего достигла астрономия к началу XV века.

Первая часть вступления посвящена сравнению различных календарей. Она имела большое практическое значение. Следить за безудержным потоком времени было древнейшей и самой важной обязанностью астрономов.

Первой простейшей мерой времени стали сутки. Их отмеряло само Солнце, каждое утро поднимающееся над горизонтом. Затем люди научились измерять и более продолжительные отрезки времени. Периодическая смена всех фаз Луны отмеряла лунный месяц. И, наконец, позднее мерой времени стал год. Но, к сожалению, год не содержит целое число суток, на которое мог бы делиться без остатка. Его продолжительность — 365 дней 6 часов 9 минут и 10 секунд. (Улугбек, пользуясь весьма несовершенными инструментами, определил длительность года с ошибкой всего в пятьдесят восемь секунд!) И этот остаток приносит массу хлопот астрономам, да и не

только им. В том календаре, которым мы с вами пользуемся, через каждые четыре года накапливаются одни лишние сутки. Их решили прибавлять к каждому четвертому году, назвав его високосным.

Пытаясь улучшить несовершенную систему счета времени, астрономы в разные времена во всех странах разрабатывали свои календари. Проблема эта не решена и до сих пор, причиняя немало неудобств. В Индии, например, и поныне употребляются в разных штатах... тридцать с лишним различных календарей!

Чтобы сравнивать результаты астрономических наблюдений, сделанных в разных странах, нужно непременно иметь таблицы для быстрого перевода одних календарных дат в другие.

Такие таблицы и были разработаны в Самаркандской обсерватории. Это оказалось весьма тонким и кропотливым делом. Вся Европа тогда пользовалась так называемым юлианским календарем. Он получил такое название, потому что был разработан по повелению Юлия Цезаря. Началом летосчисления в нем принимался 45 год до нашей эры. Существовал еще греческий календарь, эра которого начиналась со второго дня недели спустя двенадцать солнечных лет после смерти Александра Македонского.

А в большинстве мусульманских стран исчисление лет велось со дня легендарного бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. Произошло это якобы в пятый день недели 622 года нашей эры.

Арабы к тому же по старинке вели счет времени в лунных месяцах. А такой месяц содержит в себе не тридцать дней, а немножко меньше: 29 дней 12 часов 44 минуты и еще 2,8 секунды. Разница как будто небольшая, но за столетие она приобретает весьма ощутимые размеры — набегает три лишних года!

Хиджра — самый устарелый и неудобный календарь. Дата какого-нибудь события по такому календарю еще ничего вам не скажет. Она только указывает, в какую фазу Луны произошло это событие. А какое тогда было время года, вы не узнаете без дополнительных вычислений. Месяц с одним и тем

же названием может оказаться в один год зимним, а в другой — летним. Так что даты мусульманской хиджры вообще невозможно перевести на наш календарь без специальных таблиц.

В некоторых же мусульманских странах, например в Турции, была принята не хиджра, а так называемая эра Едзигерда. «Начало этой эры совпадает с третьим днем недели, первым днем года вступления на престол Едзигерда, сына Шахрияра. Годы и месяцы этой эры — солнечные, простые. Год состоит из точно вычисленных 365 дней, а каждый месяц — из 30 дней. За месяцем Абан-махом следует 5 дополнительных дней, которые затем в конце каждого года и вводятся астрономами», — так определяет ее Улугбек.

Чтобы лучше представить, насколько нелегко было переводить даты одной эры в другие, приведем еще одну выдержку из «Звездной книги» Улугбека:

«Зная дату одной из этих трех эр, для того чтобы перейти к другой, прежде всего необходимо дату данной эры обратить в дни. Если речь идет об иранской эре, помножьте число полностью истекших лет на 365, а полностью истекших месяцев — на 30. Если речь идет о хиджре, умножьте полностью истекшие годы на 354, разделите то же число (полных лет) на 30 и к произведению от первого умножения добавьте частное, помножив его на 11; учтите в числе полностью истекших лет, оставшихся после деления, високосные годы.., прибавьте к полученной сумме число високосных лет, прибавляйте затем последовательно полностью истекшие месяцы в 30 и 29 дней, и вы получите требуемое число дней.

Что же касается греческой эры, то умножьте число полностью истекших лет на 365 и прибавьте к произведению одну четверть того же числа лет; обратите полные месяцы в дни, считая Тешрин II, Нисан, Хазиран и Эйлул — по 30 дней, Шебет — в 28 дней (или в 29 — в високосные годы), а остальные семь месяцев — по 31 дню. Закончив эту операцию, добавьте число истекших дней текущего месяца, и вы получите искомое число...»

Значительно облегчают все эти вычисления оригинальные таблицы, составленные Улугбеком и его помощниками.

Особое место в своем труде посвятил великий астроном Омару Хайяму. Он чтил его как большого ученого.

Занимая должность придворного астронома в Мерве, Омар Хайям в 1074—1079 годах разработал свою систему календаря, отличающуюся необычайной точностью. По его календарю один лишний день набирается лишь через четыре с половиной тысячи лет! Но, к сожалению, этот календарь не получил распространения, и мы до сих пор пользуемся менее совершенными системами счета времени.

Любопытно, что так же подробно рассматривает Улугбек и китайский календарь. В этом проявился его большой интерес к научным достижениям восточных соседей, земли и города которых для Тимура служили только заманчивой приманкой в завоевательных походах.

В расчетах и рассуждениях Улугбека чувствуется великолепная осведомленность обо всех астрономических работах, которые когда-либо производились на протяжении многих веков на огромных просторах от Атлантического до Тихого океана. Широта его кругозора и богатство эрудиции просто поразительны!

Вторую часть своего труда Улугбек посвятил практической астрономии. В ней детально рассказывается, как следует определять расстояния светил, находить их азимуты, вычислять широту и долготу различных пунктов. Для этого дано несколько любопытнейших тригонометрических таблиц. При этом Улугбек делает примечание:

«Вычисление таблицы синусов и теней* основано на синусе в один градус. До сих пор никто еще не определял его убедительным путем; все ученые сознаются, что они могли это сделать только наглядным путем, полагая, что таким путем можно достиг-

* Так Улугбек называет косинус.

нуть достаточного приближения. Мы же, с помощью бога, пошли по другому пути — доказательного метода — и составили особый труд, в котором мы даем решение этого сложного вопроса; затем мы составили наши таблицы синусов, полученных на основе упомянутого метода».

Метод Улугбека — алгебраический. Задача определения синуса дуги одного градуса значительно упрощается и сводится к решению кубического уравнения вида $x^2+ax+в=0$.

Пользуясь собственным методом, Улугбек сумел определить величину синусов с точностью до одной миллиардной! По этому поводу академик Т. Н. Кары-Ниязов отмечает:

«С точки зрения состояния математического аппарата того времени полученный результат поражает нас как оригинальностью метода, так и своей высокой степенью точности» *.

Столь же поразительной точности достигает Улугбек при определении наклонения эклиптики.

Эклиптикой называется линия, по которой перемещается Солнце в своем видимом годовом движении. Еще древние греки заметили (а по другим данным, даже за шестьсот лет до них — китайские астрономы), что солнечный путь пересекается с экватором под некоторым углом. Этот угол стали называть наклонением эклиптики. Определить его величину можно только путем весьма сложных и точных наблюдений. Сделать это пытались многие астрономы.

Ученые уже давно установили, что наклонение не остается постоянным, а непрерывно уменьшается — примерно на полсекунды в год. Если сделать необходимую поправку на разницу со времени проведения наблюдений, то получится такая картина. Наклонение эклиптики равно:

По Птолемею — 23°51′22″ (ошибка в 10′10″).

---

* Т. Н. Кары-Ниязов, Астрономическая школа Улугбека, стр. 152.

По Насираддину-Туси — 23°30′ (ошибка в 2′9″). А по вычислениям Улугбека ошибка составляет всего-навсего 32 секунды!

Когда Гиппарх составил свой знаменитый звездный каталог и сравнил его с записями других астрономов, он заметил любопытнейшую вещь. Оказалось, что некоторые звезды несколько изменили свое положение на небе за какие-то полтора века, минувшие со времени прежних наблюдений. Причем перемены были все одинаковы и почему-то касались только долготы. Другая координата, определявшая место каждой звезды на небосклоне, — широта — оставалась неизменной.

Что это могло означать? Гиппарх начал размышлять и пришел к важному открытию. Отсчет долготы астрономы вели от точек равноденствия. Так называют точки, в которых эклиптика пересекает экватор. Когда Солнце оказывается здесь, день на всех широтах Земли становится равен по продолжительности ночи.

Если изменились только долготы звезд, а широты их положения на небе остались прежними, пришел к выводу Гиппарх, то, значит, передвигается экватор.

А из-за этого происходит другое важное явление. Солнце, отправившись в свое годичное путешествие по эклиптике, возвращается обратно в точку равноденствия уже немножко раньше, чем год назад. Проделав необходимые расчеты, Гиппарх установил, что за год точка весеннего равноденствия перемещается по эклиптике к западу. Поэтому момент равноденствия с каждым годом наступает немного скорее. Такое явление стали называть прецессией.

Так звездные таблицы Гиппарха уже в момент своего рождения на свет позволили сделать важные открытия — первые, но далеко не последние, как мы еще увидим.

Величину годовой прецессии пробовали определять многие астрономы. По Птолемею она равна 36 секундам. Ал-Баттани, которого считали точнейшим наблюдателем, нашел ее равной 54,5 секунды. А Улуг-

бек своими наблюдениями установил, что она составляет 51,4 секунды.

Мы теперь знаем истинную величину годовой прецессии: 50,2 секунды. Улугбек ошибся меньше других астрономов — всего на секунду с небольшим.

Весьма нелегким делом в те времена, когда еще не знали часов, которые можно было бы перевозить с места на место, являлось и определение географической долготы места. Улугбек предложил для этого также свои оригинальные методы и, пользуясь ими, вычислил и привел в «Звездной книге» координаты 683 различных городов не только Средней Азии, но и России, Армении, Ирака, Персии и даже Испании.

Правда, теперь нам довольно трудно проверить их точность — ведь отсчет географической долготы ведется от какого-то определенного меридиана, который принимают за нулевой: «от Гринвича» или «от Пулкова». Арабские географы тех времен вели отсчет долготы от каких-то островов «ал-Джаза ир ал-Халидат». В переводе это означает «Острова блаженных», или «Вечные острова».

Но где они находились, мы точно не знаем. Вероятно, это Канарские острова, хотя древние географы путаются в их описании: один говорит, что до них от берегов Африки около двухсот фарсангов (более 1 100 километров), другой утверждает, будто острова в ясную погоду можно увидеть с материка простым глазом.

Тут мне хочется сделать небольшое отступление и рассказать об одном интереснейшем открытии последних лет, которое, казалось бы, не имеет прямого отношения к Улугбеку. Недавно азербайджанский ученый Мамедбейли выдвинул гипотезу о совершенно ином положении начального, «нулевого», меридиана, от которого вели отсчет географической широты мусульманские картографы. Изучив координаты многих городов, приведенные в таблицах Насираддина-Туси, он пришел к выводу, что этот начальный меридиан проходил по... восточному берегу Бразилии, далеко выступающему в океан. Неужели арабские

географы в те времена уже знали о существовании Америки?!

Это не покажется невероятным, если сравнить две весьма примечательные даты, на которые обратил внимание Мамедбейли. Таблицы Туси датированы 1271 годом. А за год до этого, как сообщается в одной арабской рукописи, от берегов Африки отправилась на запад большая экспедиция. В нее якобы входило до двух тысяч кораблей! Может быть, эта грандиозная флотилия и достигла берегов Нового Света задолго до Колумба?

Мы пока можем только гадать об этом. Ученые продолжают поиски в архивах и заново перечитывают старинные летописи. А мы, возвращаясь к трудам Улугбека, не можем не задуматься о том, что и в них нас еще, возможно, подстерегают любопытные открытия, о которых никто пока и не подозревает.

История эта показывает также, как нелегко нам проверить точность географических наблюдений и расчетов великого астронома, раз мы до сих пор даже не знаем твердо, какой системой координат он пользовался.

Зато с гораздо большей точностью определил Улугбек то, что он сам мог наблюдать с башни своей величественной обсерватории, — положение звезд на небе.

Тут Улугбек верил только собственным наблюдениям и расчетам. В тринадцатой главе, говоря о «принятом учеными с готовностью» астрономическом трактате своего предшественника Абдурахмана Суфи, он делает характерную оговорку:

«Прежде чем установить с помощью собственных наблюдений положение этих звезд, мы расположили их согласно этому трактату по сфере, и мы нашли, что большинство из них расположено иначе, чем это следует при обозрении неба. Это заставило нас наблюдать самих».

И далее Улугбек обстоятельно разъясняет, какими способами он и его помощники определяли угловые расстояния между небесными телами, величину

часового угла и прямого восхождения по высоте данной звезды и т. д.

Специальный, третий, раздел отведен вопросам теории движения планет. Запутанные и на первый взгляд весьма странные блуждания Марса, Венеры и других планет по небесному своду с глубокой древности привлекали внимание астрономов. Почему все видимые звезды за ночь описывают на небе правильную дугу, появляясь на востоке и скрываясь на западе, а пять небесных светил ведут себя совсем по-другому? Они почему-то движутся лишь вдоль пояса зодиака, как и Солнце днем. И путь их в небе получается неправильный, изломанный: сначала Марс или Венера движутся в одну сторону — с запада на восток, потом останавливаются и вдруг направляются обратно на запад, и так несколько раз за ночь. За это древние греки и назвали их планетами, что означает «странницы».

Именно таинственное поведение «блуждающих звезд» и давало благодатный простор для всякого рода астрологических измышлений.

Законы движения планет долго оставались загадочными для ученых. Клавдий Птолемей даже сказал в запальчивости:

— Легче самому двигать планеты, чем объяснить их движение...

Между тем разгадка была весьма проста. Она заключалась в ложности самой геоцентрической теории мироздания, которую проповедовал и отстаивал Птолемей. Ученые тех времен ошибочно принимали видимое движение планет за истинное.

Птолемей не мог объяснить движения планет. Тогда он сам начал их двигать по небосводу самым запутанным и причудливым образом. В своем «Великом построении» ему пришлось изобретать весьма хитрые пути для непокорных планет. Он заставил их двигаться по особым кругам — эпициклам. А центры эпициклов, в свою очередь, якобы равномерно скользили по другим окружностям — дифферентам. При этом получалось, что каждая планета руководствуется своими, только для нее одной обязательными за-

конами. Когда его упрекали за сложность и запутанность этих планетных механизмов, Птолемей отвечал:

— Пусть не возражают против этих гипотез, что их трудно усвоить из-за множества способов, которыми мы пользуемся, ибо какое сравнение можно сделать между земным и небесным и какими примерами можно было бы отобразить вещи столь различные?

Улугбек принимал геоцентрическую систему мира, предложенную Птолемеем, — пройдет еще полвека, пока родится гениальный Коперник. Хотя есть данные, которые заставляют предполагать, что и Улугбек задумывался над этим главным вопросом. Не случайно же один из его учеников и комментаторов, самаркандский астроном Мерием Челеби, начавший заниматься в обсерватории на горе Кухак еще подростком, обронил в одном из своих научных трактатов такую фразу:

«Точкой, наиболее удобной для того, чтобы можно было относить к ней сложное движение, является не Земля, как центр мира; однако обычно его относят именно к этому центру...»

Сказано, конечно, весьма осторожно, но вовсе не двусмысленно. Более открыто и определенно нападать на геоцентрическую теорию мироздания, освященную церковью, было затруднительно в те мрачные годы безудержного разгула реакции и всесильного господства зловещего Хаджи Ахрара, которое последовало после гибели Улугбека.

В своих расчетах Улугбек основывался все-таки на теориях Птолемея, и это заставило его проделать громадную работу. Ведь если каждая планета движется по своим особым законам, то для каждой приходилось разработать и специальные расчетные формулы. Теперь они, конечно, представляют интерес чисто исторический. Но современникам Улугбека эти формулы, несомненно, весьма облегчали наблюдения за планетами. Да и для нас они вовсе не бесполезны, потому что напоминают о великом научном подвиге Улугбека, о его бессонных ночах и кропотли-

вых математических расчетах, которые отнимали целые годы жизни.

Отдал необходимую дань своему времени великий ученый и в четвертой, заключительной части введения к «Звездной книге». Она называется «О вещах, относящихся к восходу рождений». Речь в ней, как вы уже догадались, идет об астрологии. Но занимает она ничтожно малое число страниц. Не будем упрекать за них Улугбека в ненаучных заблуждениях. Даже в этом он сумел опередить свое время, да, пожалуй, и многих наших современников. Ведь и поныне на Западе существует немало астрологов. Они даже издают «научные» труды и журналы.

Даже теперь — через пятьсот лет после Улугбека! — на заре покорения человеком космического пространства, в Соединенных Штатах Америки насчитывается около тридцати тысяч практикующих «специалистов» астрологов. Они даже пытались провести в одном из штатов законопроект о том, чтобы их почтенное занятие официально приравняли к профессиям юристов, врачей, астрономов. Гороскопами и предсказаниями этих шарлатанов в США руководятся в своей работе и личной жизни не менее пяти миллионов американцев! За такое «вмешательство небес» одураченные выплачивают ловкачам из своих карманов кругленькую сумму в двести миллионов долларов каждый год. На эти деньги можно было бы в течение целых двух лет кормить бесплатными завтраками всех американских школьников.

Главным в труде Улугбека являются, конечно, сами таблицы — бесконечные ряды цифр, обозначенных изящной вязью арабских букв, в самом деле напоминающие какую-то узорчатую драгоценную ткань, наложенную на уток строгих линий.

Тысяча восемнадцать звезд получили в этих таблицах свой точный адрес. Положение девятисот из них определено в Самаркандской обсерватории с наибольшей возможной точностью. Остальные звезды Улугбек сам проверить не смог или не успел. Их положение на небе определено путем расчетов

с поправкой на время, прошедшее с момента наблюдений над ними других астрономов.

В этом величайшая ценность «Звездной книги» Улугбека: впервые через шестнадцать столетий после Гиппарха положение множества звезд было определено заново, на основе собственных наблюдений! Астрономы всех грядущих веков получили в свои руки как бы фотографию звездного неба, каким оно выглядело во времена Улугбека. Эта картина не может устареть и потерять своей величайшей ценности, сколько бы тысячелетий ни пронеслось над Землей. Наоборот, как мы еще увидим, ценность ее станет возрастать с каждым веком...

И великое счастье для науки, что так требователен к себе и предельно честен как ученый оказался Улугбек в своих наблюдениях! Вот он проверяет звездные каталоги своих предшественников:

«Мы вновь произвели наблюдения над уже определенными звездами, за исключением двадцати семи из них, которые невидимы на широте Самарканда, а именно: семь звезд из Алтаря, восемь — из Корабля, от тридцать шестой до сорок первой и от сорок четвертой до сорок пятой; одиннадцать — в Центавре, от двадцать седьмой до последней, и одной, десятой, — в созвездии Волка. Эти двадцать семь звезд мы взяли из трактата Абдурахмана Суфи с учетом разницы в эпохах. Кроме того, Абдурахман Суфи упоминает также о восьми звездах, места которых были указаны еще Птолемеем, но которые он сам, Абдурахман, не наблюдал. Эти звезды, несмотря на все наши тщательные поиски, нами не обнаружены; поэтому мы и не указываем их в нашем каталоге. Однако этими звездами являются четырнадцать звезд Возницы, одиннадцатая Волка и шесть в созвездии южной Рыбы...»

Тут все примечательно: и указание на то, что некоторые данные заимствованы и откуда именно, и объяснение причин этому, и необходимые поправки, без которых таблицы оказались бы неточны.

Теперь, когда у нас есть громадные телескопы, когда мы научились не только видеть неимоверно да-

лекие звезды, о которых и понятия не имел Улугбек, но и слушать чувствительными радиоприемниками голоса столь отдаленных и необычных светил, что и для нас они всегда остаются невидимыми, — теперь, конечно, можно найти в таблицах замечательного наблюдателя ошибки. Это вполне понятно и закономерно: ведь за пять прошедших столетий и само понятие точности весьма и весьма изменилось.

И когда мы вспомним об этом, точность его наблюдений станет поражать нас еще больше.

Вспомните только, какими инструментами пользовался Улугбек. Они так примитивны, что только громадные размеры да скрупулезная тщательность обработки могли обеспечить нужную точность. Не забывайте, из чего они делались: камень, кирпичи, глина. По этому поводу один из историков науки остроумно заметил, что наблюдательная техника астрономии тех времен еще не вышла из своего «каменного века». Пройдет еще полтора с лишним столетия до той ночи, когда Галилео Галилей первый раз в истории человечества наведет на звезды примитивную зрительную трубу...

Вспомните, наконец, какими мерами длины пользовался Улугбек при изготовлении этих инструментов:

«Один газ равен ширине двадцати четырех пальцев, ширина одного пальца равна толщине шести зерен ячменя, а каждое зерно ячменя равно толщине семи волосков из хвоста лошади...»

Надо еще учесть, что во многих неточностях Улугбек попросту вовсе не повинен. Для простых писцов, совершенно не знакомых ни с астрономией, ни с математикой, таблицы оставались книгой за семью печатями. Переписывали они их по так называемому способу «абджад», при котором числовые величины, как уже говорилось, обозначали при помощи особого сочетания арабских букв. При этом достаточно только не в том месте, где надо, поставить точку или чуть-чуть потолще провести линию в какой-нибудь части буквы, как число получится

совсем иное. Так, несомненно, и происходило не раз при переписке «Звездной книги».

Работа над ней явилась настоящим научным подвигом. Ей предшествовала постройка самой грандиозной в истории человечества обсерватории и тысячи наблюдений. Без этого она не могла бы возникнуть.

Непосредственно составлять таблицы Улугбек начал, видимо, в 1437 году: эта дата упоминается неоднократно, как исходная при вычислениях. А продолжал он работать над ними, все пополняя и уточняя их, до самого конца жизни. Ее оборвала только смерть.

Великих людей прошлого мы должны оценивать не по их заблуждениям и недостаткам, а прежде всего по тому, что нового принесли они человечеству.

Были попытки сделать Улугбека неким идеалистом-ученым, человеком не от мира сего. Некоторые его биографы даже изображали дело так, будто он с юных лет уже отвернулся от политики и житейских, земных забот и все свое время отдавал наукам. А основанное им медресе в весьма вольном переводе одного из исследователей даже превратилось в... гимназию, «устроенную по образцу александрийского музея»...

Зачем, как говаривал Пушкин, «закрашивать истину красками своего воображения»? Мы знаем, что Улугбек был в действительности совсем не таков. Он оставался всегда в душе внуком Тимура и, как дед, пытался вести несправедливые, захватнические войны. Не его заслуга, что это ему не всегда хорошо удавалось.

Вне своей научной деятельности он был обыкновенным феодальным правителем. Нет никаких данных о том, что за время его правления в Самарканде положение народных масс хоть сколько-нибудь заметно улучшилось. Только однажды, как мы знаем, он снизил налоги и повысил сборы тамги.

Он вел порой не очень чистые интриги, бывал резок, несправедлив, вероломен. Иногда он казнил невиновных и нажил себе немало недругов. Этим

сумеют ловко воспользоваться его враги, чтобы в удобный момент нанести ему смертельный удар по древнему завету шариата: «Кто будет убит несправедливо, за того право мести мы предоставили родственнику его...»

Все это так. Но в этом Улугбек просто оставался сыном своего времени. А эпоха, в которую он жил, была жестокой и кровавой. Человеческая жизнь дешево ценилась тогда. Вспомните, какую цену установил ей Тимур, воздвигая башни из человеческих тел и черепов: двадцать динаров за голову... Улугбек жил среди волков и действовал по волчьим законам.

Но, кроме того, он был великим ученым, и это самое главное. Он сумел подняться над своим временем, далеко опередить его, — и этого уже вполне достаточно для того, чтобы отдать ему дань уважения и признательности, какие он вполне заслуживает. На его примере мы видим, как велик и прекрасен может быть человек, когда он действительно Человек!

И борьба, которую почти всю свою жизнь вел Улугбек, была, конечно, вовсе не простой дракой с претендентами на власть или с обиженными им людьми. Так только может показаться на первый поверхностный взгляд. И погибнет он, конечно, не из-за того, что оказался не слишком опытным правителем и интриганом. Его убьют вовсе не из мести, как попытаются изобразить. Нет!

Улугбек погибнет именно потому, что стал великим ученым и осмелился идти своим путем. И борьба, в которой он падет, — это лишь одно из полей сражений в той грандиозной битве, какая идет с древнейших времен до наших дней между светом и тьмою, правдой и ложью, наукой и религией, прогрессом и косностью.

Тайную суть этой борьбы очень точно и ясно определил крупнейший исследователь жизни замечательного астронома академик В. В. Бартольд:

«Пятнадцатый век был для Средней Азии временем борьбы двух миросозерцаний; представителем

одного был внук Тимура Улугбек, сорок лет правивший в бывшей столице Тимура Самарканде; представителем другого — его младший современник, дервиш из ордена накшбендиев, Хаджа Ахрар, через два года после смерти Улугбека воспользовавшийся своим религиозным авторитетом для захвата политической власти и тоже в течение сорока лет правивший страной через подставных лиц из действительных или мнимых потомков Тимура».

Немало было в истории случаев, когда правители враждовали с церковниками. Не очень жаловал дервишей и суфиев и Тимур. Но у него были с ними разногласия по мелочам, и вражда никогда не становилась такой острой и беспощадной, как при его внуке. И понятно: Тимур притеснял некоторых шейхов, не слушался сейидов, даже рубил головы непокорным муллам, использовал дервишей в своих целях. Но в самом главном он вовсе не расходился с ними — религия всегда оставалась его опорой, плетью, которая помогала ему держать народ на коленях.

А Улугбек осмелился сказать в своей «Звездной книге»:

«Религии рассеиваются, как туман...»

И этого ему не простят.

...Улугбек работал, не замечая, что творится вокруг. Подрастали, взрослели его сыновья. Абдал-Лятиф в Герате составлял гороскопы, учился у своей бабки и деда лицемерию и хитрому искусству придворных интриг и уже задумывался о том, скоро ли отец освободит ему желанное место правителя.

Абдал-Азиз рос при отце, но без всякого присмотра. Он рано познал сладость власти: пьянствовал, все время расширял свой гарем и на ученые занятия Улугбека посматривал свысока, с глупой усмешкой. Ему нужно было в жизни немного: было бы побольше денег, вина, веселых наложниц и поменьше отеческих наставлений.

Улугбек считал звезды, а Хаджа Ахрар — деньги. Тайная война продолжалась. Бродили по дорогам дервиши, совещались в своих кельях суфии. Все

промахи, ошибки, необдуманные, вспыльчивые поступки правителя, увлеченного наукой, запоминались. Все обиженные им находили утешение и напутствие в тихом домике Хаджи Ахрара.

Исподволь, потихоньку хаджа переходил в наступление. На его деньги было построено еще одно медресе в Самарканде, где наставники веры обучали совсем иному, чем в медресе Улугбека на площади Регистан. Хаджа Ахрар умел завлекать людей. Один из учеников Улугбека разочаровался в науке и, раздав все книги, перешел в медресе Хаджи Ахрара.

Молодой поэт Джами, сначала посещавший лекции Улугбека, постепенно становился заядлым мистиком, частенько беседовал с хаджой и даже воспевал его в таких выражениях: «Ударила очередь явиться в мир царю царей, светилу нищеты, рабу божию. Тот, кто осведомлен о чистоте нищеты, — он, хаджа Убайдулла Ахрар!»

Придворные звездочеты в Герате, получавшие от хаджи золотые динары на «духовные нужды», помогали молодому Абдал-Лятифу составлять гороскопы, упорно подтверждавшие одно и то же: несчастному царевичу суждено погибнуть от руки злодея отца, если, конечно, он вовремя не спохватится и не изменит стечение планет на благоприятное для себя...

Зимой 1442 года в Самарканд неожиданно приехала Гаухар-Шад. Ей шел уже шестьдесят четвертый год, и подобное путешествие она вряд ли стала бы предпринимать без особой надобности, из чистой любознательности. Улугбек понимал это. Шахрух старился, и Гаухар-Шад, давно взявшая вместо него все заботы о власти, теперь как бы проверяла свои владения, чтобы окончательно решить, в чьи же послушные руки передать их в случае смерти мужа. Своими владениями она явно продолжала считать и Самарканд, где Улугбек правил вот уже тридцать лет. Это было оскорбительно и обидно. Но Улугбек постарался ничем не выдать свои чувства матери.

Он устраивал в ее честь пиры, знакомил со всеми самаркандскими сейидами и шейхами. Но Гау-

хар-Шад явно стремилась вести такие беседы со святыми людьми без сына, за его спиной. Улугбек терпел и это.

В один из теплых, солнечных дней он привез мать в обсерваторию. Их сопровождала большая свита, привезенная из Герата. Среди придворных был и прославленный историк Абдар-Раззак. Его рассказ об этом посещении оказался почти единственным достоверным описанием обсерватории Улугбека.

Чтобы показать, насколько лаконично и неопределенно даже это — самое обстоятельное! — описание современника-очевидца, я позволю себе привести его полностью:

«...К северу от Самарканда, с отклонением к востоку, было назначено подходящее место. По выбору прославленных астрологов была определена счастливая звезда, соответствующая этому делу. Здание было заложено так же прочно, как основы могущества и базис величия. Укрепление фундамента и воздвигание опор было уподоблено основанию гор, которые до обусловленного дня страшного суда обеспечены от падения и предохранены от смещения. Образ девяти небес и изображение семи небесных кругов с градусами, минутами, секундами и десятыми долями секунд, небесный свод с кругами семи подвижных светил, изображения неподвижных звезд, климаты, горы, моря, пустыни и все, что к этому относится, было изображено в рисунках восхитительных и начертаниях несравненных внутри помещений возвышенного здания, высоко воздвигнутого. Так воздвигнут был высокий замок круглый с семью мукарнасами. Затем было приказано приступить к регистрации и записям и производить наблюдения за движением Солнца и планет. Были произведены исправления в новых астрономических таблицах Ильхани, составленных высокоученым господином хаджой Насираддином-Туси, чем увеличилась их полезность и достоинства...»

И это сказано о грандиознейшей обсерватории, какую только знало человечество! Приведенный от-

рывок из хроники Абдар-Раззака показывает, как же мало понимали даже самые просвещенные из современников истинное значение научных трудов Улугбека...

И, конечно, он все время ощущал это непонимание и равнодушие, пока водил Гаухар-Шад с ее пышной свитой по залам и худжрам обсерватории. Он пробовал объяснить матери устройство главного инструмента, но увидел, что это ей совсем неинтересно. Гаухар-Шад начала его расспрашивать о том, какое будущее на ближайшие четыре-пять лет предвещает стечение планет. Улугбек пожал плечами, рассмеялся и ответил, что давно уже не составлял гороскопов: нет времени. Тогда мать обиженным тоном сказала ему:

— Помни, что все мы, рабы аллаха, высшей рукой заключены в жизнь под этим синим сводом. Поэтому будь доволен дарованным всем тебе от аллаха. Будь ему благодарен за все его милости к тебе, повторяй непрестанно имя аллаха, исповедывай его единство, будь послушен его велениям и не делай того, что запрещено.

Сколько раз уже слышал он подобные проповеди за последние годы! Ему пришло на ум язвительное рубои Омара Хайяма:

Один телец висит высоко в небесах,
Другой своим хребтом поддерживает прах.
А меж обоими тельцами, поглядите,
Какое множество ослов пасет аллах! *

Улугбеку стало вдруг нестерпимо скучно. Он еле дождался, когда осмотр, наконец, закончился и его оставили наедине с небом.

Ему был дорог теперь каждый день. Много ли их осталось у него впереди? А замыслов было немало: докончить таблицы, разобраться в загадочных блужданиях некоторых планет, которые вовсе не же-

* Один телец — это созвездие Тельца. А второй — бык, на рогах которого, по представлениям корана, покоилась Земля.

лали подчиняться его формулам и расчетам. Он думал заняться и Землей, создать новую карту мира.

Теперь Улугбек хорошо понимал Насираддина-Туси, который мечтал вести в своей обсерватории наблюдения над звездами не меньше тридцати лет, прежде чем заносить их в таблицы. Старика Туси заставил отказаться от этих мечтаний и поспешить его нетерпеливый хозяин, хан Абак. Но ведь он, Улугбек, сам себе хозяин. Он не только ученый, но и правитель. Кто посмеет мешать ему?..

ТУЧИ ЗАКРЫВАЮТ НЕБО

Эй ты, под перстнем которого царство красоты!
Не забывайся, ибо глаз злодеев в засаде на тебя...
(Стихи, приписываемые Улугбеку)

Улугбек проводил дни и ночи в обсерватории, спеша закончить свою «Звездную книгу», а над головой его сгущались тучи. Вокруг кипели совсем иные страсти, о которых он давно забыл.

В Герате с каждым днем дряхлел на глазах Шахрух. И Гаухар-Шад все чаще тревожно задумывалась: кому передать власть, когда он умрет? Больше всех ей был по душе ее внук Аллаудавла, сын Байсункара. Ему исполнилось уже тридцать лет, но вырос он под присмотром бабки и привык беспрекословно выполнять ее волю. Это был бы удобный правитель.

Но как быть с Улугбеком? Он сидит в Самар-

канде, увлеченный своими книгами. Но вряд ли он упустит возможность прибрать к своим рукам и гератский престол. И потом, у него подрос сын, Абдал-Лятиф, которому уже явно становится тесно рядом с отцом. Он живет в Герате и тоже жаждет стать правителем.

А Шахрух не спешил умирать. На старости лет он вдруг решил стать полководцем. В 1446 году проявил непочтение и восстал против собственного деда, устав ждать его смерти, Султан-Мухаммед, второй сын Байсункара. Он захватил Исфаган и Хамадан, осадил Шираз. Шахрух сам повел армию в Иран, чтобы усмирить непокорного внука.

Восстание было быстро подавлено. Султан-Мухаммед удрал куда-то в горы. Его растерявшиеся споспешники были схвачены и казнены по приказу Гаухар-Шад. Шахрух ликовал и собирался торжественно, как и подобает победителю, возвращаться в Герат. Но тут, весенним днем 1447 года, его внезапно настигла смерть.

И опять, как и после смерти Тимура, наступило короткое зловещее затишье. Много глаз смотрело на опустевший престол и разгоралось от жадности.

Первый ход поспешила сделать умудренная в дворцовых интригах Гаухар-Шад. Ход был хитрый: она предложила Абдал-Лятифу принять командование всем войском. Тот поспешил согласиться и отправил об этом радостное письмо отцу в Самарканд. А Гаухар-Шад в тот же вечер тайно послала гонца в Герат, торопя Аллаудавлу захватить власть в свои руки.

Улугбека отрывали от научных трудов. Его снова втягивали в коварную игру вокруг престола. И он позволил себе увлечься этим. Трудно сказать, что заставило его пренебречь и горьким опытом собственной жизни и мудростью ученого. Может быть, он действительно почувствовал себя оскорбленным тем, что пытаются обойти его, старшего из сыновей Шахруха, любимого внука Тимура и, конечно, самого законного наследника их. Или просто в нем на склоне лет снова вдруг проснулось честолюбие и

ему захотелось расширить свои владения до берегов Каспийского моря, сравняться властью с покойным дедом.

Так или иначе, Улугбек вступил в борьбу. Он быстро собрал армию и повел ее на Герат.

Но на берегу Аму-Дарьи его встретил еще один совершенно неожиданный претендент. Двадцатилетний Абу-Бекр, один из многочисленных племянников Улугбека, тоже считал себя достойным наследником. И у него была солидная армия, так что спорить с ним оказалось не так-то легко и просто.

Улугбек вступил в игру, и теперь ему не оставалось ничего другого, как следовать ее жестоким и коварным правилам. Нельзя было заниматься ею и сохранить чистыми руки. Великий ученый снова стал хитрым дипломатом. Он приветствовал молодого соперника, восхищался его доблестью и, чтобы усыпить все подозрения, даже предложил породниться с ним, выдав замуж любую свою дочь. Опьяненный таким успехом Абу-Бекр закатил пир в честь будущего тестя. Но тут же, на пиру, его схватили, обвинили в коварных намерениях и закованного в цепи отправили в Самарканд, где вскоре и умертвили в зловещих подвалах Кок-Сарая.

Улугбек объединил обе армии и повел их дальше. А навстречу уже мчались гонцы с новыми, совсем не радостными письмами от Абдал-Лятифа.

Сыну Улугбека не везло. Войско не хотело ему подчиняться. Несколько военачальников подняли мятеж, разграбили главный обоз и скрылись. Взбешенный полководец жестокими казнями устрашил и привел к повиновению оставшихся. Справедливо подозревая в интригах Гаухар-Шад, он даже приказал посадить под стражу родную бабку. Пока он всем этим увлекался, дорогу ему к Герату преградили отряды Аллаудавлы.

Аллаудавла сам был в трудном положении. Он оказался между двух огней: с востока приближался Улугбек, на западе — армия Абдал-Лятифа. Поэтому он не решился сразу последовать советам бабки, оказавшейся в плену, и сделал вид, будто вовсе не

стремится к власти. Как и прежде, в гератских мечетях по пятницам поминали имя Шахруха, словно он и не умирал. Но тайком Аллаудавла собирал свои отряды в крепкий кулак и неожиданно нанес им сокрушительный удар зазевавшемуся Абдал-Лятифу.

За одну ночь все переменилось. Гаухар-Шад с ликующим Аллаудавлой победительницей вернулась в Герат, а за ними везли закованного в цепи незадачливого Абдал-Лятифа.

Тут впервые серьезно призадумался Улугбек, чем может кончиться вся эта кровавая чехарда. Он послал в Герат послов с предложением мира. Аллаудавла поспешил согласиться, понимая всю шаткость своего положения. Заключили договор, по которому условились соблюдать прежние границы. Абдал-Лятиф был освобожден и назначен правителем Балха в северном Афганистане. Улугбек хотел похоронить Шахруха в Самарканде, но ему отказались выдать тело отца. Шахрух был торжественно погребен в медресе, которое построила в свое время в Герате Гаухар-Шад.

Но мир продолжался недолго. Едва настала зима, как Абдал-Лятиф, вкусивший сладость власти и теперь скучавший в заброшенном Балхе, снова начал военные действия. Аллаудавла отразил его наскок и осадил Балх. Тогда Абдал-Лятиф опять запросил помощи у отца.

Нет, никак уже не удавалось Улугбеку выйти теперь из игры. Он вступился за сына, совсем не предполагая в этот момент, чем тот ему вскоре отплатит...

Весной 1448 года начались серьезные бои. Улугбек одержал несколько побед, и Аллаудавле пришлось бежать из Герата. Покинула город и Гаухар-Шад со своими придворными. Ей пошел уже семидесятый год, но она никак не хотела смириться и пожертвовать хоть капелькой власти. Улугбек был всего на пятнадцать лет моложе матери. Но рядом с нею он чувствовал себя стариком и дивился ее неуемной энергии и безмерному властолюбию.

Улугбек овладел Гератом почти без сопротивле-

ния и продолжал поход дальше на запад, чтобы очистить всю страну от противников и положить конец затянувшейся сваре.

Но враги затаились у него за спиной, в самом Герате. Местные сейиды и шейхи, пользовавшиеся громадной властью при набожном Шахрухе, вовсе не хотели теперь увидеть на престоле его вольнодумного сына, увлекающегося какими-то науками.

За спиной Улугбека плелись интриги. Против него вступали в борьбу хитрые и увертливые враги, привыкшие действовать тайно, в полной тишине и наносить смертельные удары из-за угла и чужими руками.

Шли оборванные дервиши по дорогам из Герата в Самарканд и Бухару, а оттуда в Ташкент, куда снова перебрался в это горячее, неспокойное время Хаджа Ахрар. Питались подаянием, требовательно протягивая каждому встречному чашку из выдолбленных тыкв. Распускали тревожные слухи, выкрикивали, кривляясь и приплясывая, неразборчивые проклятья по адресу безбожника и чародея на троне. Они были сразу и связными и разведчиками. Их нельзя было выследить, остановить, задержать. Кто поднимет руку на святого человека?..

А Улугбек помогал своим врагам, делая непростительные ошибки. Он не скрывал привязанности к младшему сыну, Абдал-Азизу, и теперь решил сделать своему любимцу подарок. Улугбек провозгласил его победителем в решающей битве, в которой тот по молодости лет даже не участвовал.

Абдал-Лятиф был обижен. К тому же его обделили при дележе захваченного в Герате имущества. Он уже вкусил сладкий яд власти, а теперь приходилось снова стать просто сыном отца-победителя. Правда, Улугбек назначил его правителем Герата, но властвовать ему предстояло под наблюдением отца.

А враги спешили раздуть эту наметившуюся вражду между отцом и сыном, не дать ей погаснуть. Абдал-Лятиф заболел и не явился на вызов отца. Улугбеку намекают, что болезнь притворная. Он

в бешенстве приказывает доставить к нему сына хоть на носилках и видит, что тот действительно болен. Но теперь взбешен уже Абдал-Лятиф и волком смотрит на отца.

Зимой в Герате вспыхнул мятеж. Абдал-Лятиф сам подавить его не смог. Пришлось вмешаться Улугбеку. Дома бедняков в предместьях города на три дня были отданы на разграбление воинам, и только потом жителям разрешили вернуться в них. В городе начался голод. В праздник байрама улицы заполнили толпы нищих. Среди них шныряли дервиши. Когда Улугбек пробирался на коне сквозь эту толпу, один из дервишей схватил его за стремя и дико закричал:

— О справедливый падишах! Хороший праздник устроил ты для дервишей, да продлится жизнь твоя и твоя держава!

Толпа заволновалась, загудела.

Смута разрасталась. Примчался гонец из Самарканда и рассказал, что, воспользовавшись отсутствием Улугбека, на его столицу дерзко напали кочевые узбеки: налетели, как ветер из степей, разграбили и сожгли все в окрестностях города и снова скрылись в степи, бесследно как ветер.

Улугбек поспешил в Самарканд. Следом за его повозкой колыхался на ухабах гроб с телом Шахруха.

Невеселый это был путь. Они ехали через разграбленные, нищие кишлаки. Люди прятались и разбегались при их приближении. В пустых, заросших бурьяном полях посвистывал по-разбойничьи ветер. При переправе через Аму-Дарью на них напал отряд невесть откуда взявшихся хорасанцев. Еле удалось отбиться от этой шайки.

Мрачные мысли томили Улугбека. Поспешный отъезд слишком походил на отступление, бегство. На него нападали какие-то разбойники в его собственной стране. И этот гроб за спиной...

Так он ехал в Самарканд, останавливаясь на отдых лишь глубокой ночью, когда над головой призрачным голубоватым светом начинали сиять звез-

ды и подмигивали с высоты. Как они стали теперь далеки!..

Шахруха положили в мавзолее Гур-Эмир рядом с Тимуром и Мираншахом. Улугбек не присутствовал при похоронах. Он остался в Бухаре, словно не решаясь вступить в собственную столицу.

Какая-то странная нерешительность проявлялась у него во всем. Пришли вести, что мятеж в Герате вспыхнул с новой силой. Абдал-Лятифу пришлось даже бежать из дарованного ему города. Улугбек встретил эту весть равнодушно. Он не послал своих воинов отвоевывать Герат, как ожидали приближенные, и даже не захотел видеть сына, приказав ему прямо отправляться в Балх. Абдал-Лятиф обрадовался: у него не было никакого желания в такой момент встретиться с отцом.

Герат снова перешел в руки неугомонной Гаухар-Шад, которая поспешила туда вернуться со своим Аллаудавлой. Новых походов на Самарканд они, однако, пока больше не предпринимали.

Зима тянулась долго — голодная, тревожная, вьюжная. Улугбек скучал в Бухаре под косыми взглядами шейхов, часто чувствовал себя нездоровым. Несколько раз к нему приезжал сюда Али-Кушчи, рассказывал о делах в обсерватории, делился замыслами новых трактатов о звездах. Улугбек слушал его невнимательно. Мир науки вдруг ушел куда-то очень далеко от него. Он даже начал, как в юности, снова гадать по звездам. Но из этого тоже ничего не получалось: глядя на Зухаль или Меррих, Улугбек вместо гороскопов невольно начинал вести в уме сложные расчеты их путей в небе...

Он ничем не мог надолго заняться, не мог ни в чем найти покоя. И все время с тревогой ждал, откуда грянет новый удар.

Удар последовал, откуда он меньше всего ожидал. Нанес его собственный сын. За зиму Абдал-Лятиф отдохнул в своем Балхе, забыл о недавних страхах, когда убегал из Герата на взмыленной лошади. Отец был стар, болен, и он решил объявить ему войну.

Улугбек выступил с армией навстречу сыну, оставив наместником в Самарканде своего любимца Абдал-Азиза. Помощником Улугбека в этом походе стал его племянник и зять Абдулла.

Два войска — отца и сына — встретились на берегах Аму-Дарьи. Там они стояли целых три месяца. Ни один не решался нанести первый удар. Изредка только происходили мелкие стычки. Во время одной из них по-глупому попался в плен разгорячившийся по молодости Абдулла, и Улугбек остался без помощника.

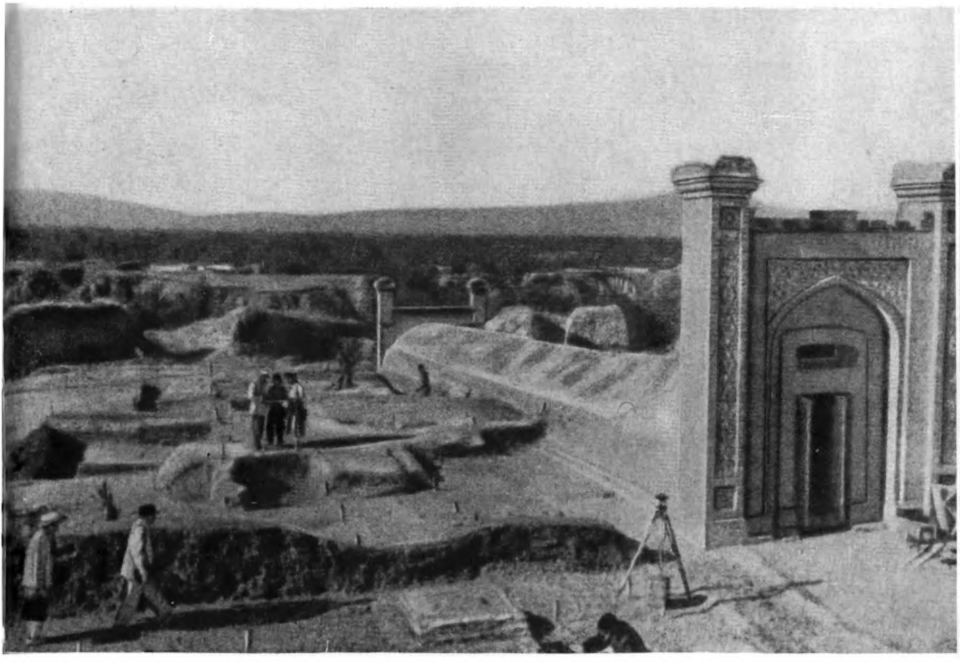
И тут он получил еще один удар — в спину. Абдал-Азиз, дорвавшись до власти, начал куражиться, притеснять в Самарканде семьи эмиров, сидевших с войском на берегу Аму-Дарьи. Эмиры стали в отместку вести тайные переговоры с Абдал-Лятифом и даже пригрозили выдать ему Улугбека. А у стен Самарканда тем временем снова появились кочевники на бешеных степных конях. Теперь это оказались туркмены, и у них был свой предводитель, некий мирза Абу-Саид, выдававший себя за внука покойного Мираншаха. Это с готовностью подтверждали многие сейиды и шейхи.

Улугбек бросился спасать Самарканд. Ему удалось отогнать невесть откуда взявшегося нахального «родича». Потом он снова, захватив с собой Абдал-Азиза и загоняя по дороге лошадей, помчался на Аму-Дарью.

Казалось, вся жизнь его теперь заключалась лишь в том, чтобы поскорее пересаживаться с одной лошади на другую. Он спал тревожно, урывками. У него болела спина и часто темнело в глазах, так что он дважды чуть не свалился с седла. Ведь ему шел уже пятьдесят шестой год — совсем не подходящий возраст для таких скачек.

До Аму-Дарьи Улугбек так и не доехал. Было уже поздно.

Абдал-Лятиф успел переправиться через реку и усилить свою армию за счет перебежчиков эмиров. Он встретил отца возле кишлака, который когда-то честолюбивый Тимур приказал называть Димиш-



Над остатками главного инструмента теперь установлен каменный футляр.

Здесь была обсерватория Улугбека.

ком (Дамаском), и разбил его войско в коротком бою.

Не думал никогда Улугбек, что в старости ему снова придется бежать на неоседланной лошади. И от кого — от собственного сына! Все изменили ему.

И все повторялось, как уже было когда-то. Улугбек прискакал к воротам Самарканда — они не открылись перед ним. Изменники придворные поспешили перейти на сторону победителя.

И снова мчался Улугбек по размытым, грязным дорогам под холодным осенним дождем. Вместе с ним остались только перепуганный Абдал-Азиз да несколько преданных нукеров.

Не останавливаясь, проскакали они через мрачные «Ворота Тимура». Улугбек не удержался и оглянулся. Надпись, сделанная по его приказу, отчетливо виднелась на скале, словно ее вывели только вчера:

«С помощью аллаха, величайший султан, покоритель царей народов...»

Она сделана добротно, на века, как и мечтал Улугбек. Но как быстро она устарела! Он уже больше не величайший султан, даже не просто ученый, смотритель обсерватории. Он жалкий беглец, за которым идет погоня...

Петля вокруг них сужалась. Они прискакали к стенам Шахрухии, чтобы двинуться дальше на север, куда-нибудь в Ташкент и еще дальше. Но и тут не только не приняли их, но даже попытались схватить и выдать Абдал-Лятифу.

И тогда Улугбек приказал остановиться. Он больше не станет бегать по осенним полям, словно заяц, затравленный гончими. Он вернется в Самарканд и отдастся в руки Абдал-Лятифа. Ведь это все-таки его родной сын!

Так и сделали. И вот отец стоит перед сыном с повинной головой. На него смотрят придворные. Вчера еще каждый из них лез из кожи, чтобы заслужить какую-нибудь милость от Улугбека. Сегодня они словно не узнают его.

Абдал-Лятиф принял отца милостиво.

— Где ты хочешь жить? — спросил он. — В Бухаре или в Самарканде?

— Я уже стар и скоро предстану перед аллахом, — сказал Улугбек. — Позволь мне отправиться на поклонение в Мекку.

Сын согласился. В тот же день Улугбек начал собираться в дальнюю дорогу.

Он не знал, что дорога окажется короткой. В тот же день произошло много странных событий, удивлявших непосвященных в тайную игру.

В этот день Абдал-Лятиф, ссылаясь на благочестивый пример Тимура, объявил, что престол должен занимать истинный хан из рода чингисидов. Все, в том числе и он сам, Абдал-Лятиф, будут свято выполнять волю этого хана. И в тот же день хан появился во дворце и с опаской уселся на трон Тимура, — это был какой-то нищий, схваченный на улице и наскоро переодетый в нарядный халат. Имя его так и осталось никому не известным.

В этот день в покои Абдал-Лятифа провели плечистого мрачного человека с дамасской саблей на перевязи, и между ними произошел короткий разговор:

— Ты Аббас из рода юулдузов?

— Да, о мой повелитель.

— Говорят, мирза Улугбек чем-то обидел тебя?

— Да, о мой повелитель. Он без вины приказал повесить моего отца.

— Это большой грех, — покачал головой Абдал-Лятиф. — Но и ты тоже грешен.

— В чем, о мой повелитель?

— Ты плохой сын и плохой мусульманин. Ведь сказано в коране: «Кто будет убит несправедливо, за того право мести мы предоставили родственнику его...» Почему же ты нарушаешь законы шариата и волю пророка?

— Позволь мне кровью смыть кровь отца, о повелитель!

— Я не имею такой власти, — пожал плечами

Абдал-Лятиф. — Разрешить это может только хан, разве ты не знаешь? Все мы его слуги...

В тот же день Аббас из рода юулдузов бросился на колени перед ханом и просил признать за ним право отмщения. И хан повелел исполнить все, что требуется шариатом.

В тот же день, уже поздно вечером, в одной из мечетей собрались все седобородые имамы Самарканда. Они знали коран наизусть и совещались не долго. Потом тот из них, у которого был самый красивый почерк, не спеша, чтобы не поставить кляксу, написал на толстом листе рисовой бумаги разрешительную фетву *. И все имамы приложили к ней свои печати.

Только один из них отказался поставить свое имя под этим подлым приговором. Это был казий Мискин, когда-то смело обличавший Улугбека в несправедливости. Он был человеком глубоко верующим, но и честным в то же время. И своей славы неподкупного судьи он не продал и теперь. Наверное, Улугбека порадовала бы честность и прямота казия Мискина.

Но Улугбек ничего не знал ни о совещании имамов, ни о беседе своего сына с неким Аббасом из рода юулдузов. И даже услышь он в тот вечер это имя, оно ничего не сказало бы ему: немало людей привелось ему посылать на казнь за долгие годы правления, и, конечно, не всегда справедливо. Теперь Улугбек готовился замолить все грехи перед гробом пророка в Мекке.

Он думал выехать рано утром, но задержался, потому что захотел на прощанье побывать в обсерватории. Там он долго стоял на площадке для наблюдений и смотрел на окрестные поля, на сад Накши-джехан, где так часто шумели веселые пиры. Деревья в саду уже начали облетать, и за их мокрыми стволами виднелись голубые стены китайского фарфорового дворца.

* Фетва — юридически-моральное заключение законоведов по какому-нибудь делу, обязательное для каждого мусульманина.

— Позволь мне сопровождать тебя, учитель, — сказал стоявший рядом Али-Кушчи. — Путь далек и опасен, а ты уже стар.

Улугбек пожал плечами и ответил ему старинным изречением:

— «Если небо — лук, а судьба — стрелы, то стрелок — сам аллах. Куда убежишь от него?»

Потом, положив руку ему на плечо, он добавил:

— А кто же останется здесь? Не тревожься, я скоро вернусь, и мы опять будем продолжать наши труды. Иди, уже близится вечер, надо готовиться к наблюдениям.

Они обнялись. Али-Кушчи смотрел с башни, как Улугбек с помощью слуг тяжело взобрался в седло и медленно поехал по дороге в город. На повороте он обернулся и крикнул:

— Береги книгу!

Ветер относил его слабый, надтреснутый голос, но Али-Кушчи услышал и помахал шапкой.

Покинул Самарканд Улугбек только вечером, когда уже начинало смеркаться. Его сопровождали несколько слуг и случайный попутчик, некий хаджа Мухаммед-Хусрау. Он уже побывал в Мекке и получил почетное право носить белую чалму на голове, но ведь помолиться дважды гробу пророка вернее, чем один раз.

Абдал-Латиф, дабы показать всем, что он простил неразумному отцу все грехи и обиды, вышел их проводить на террасу дворца и пожелал доброго пути и благополучного возвращения.

— У вас очень почтительный сын, мирза Улугбек, — умилился хаджа.

Хаджа оказался болтливым, и Улугбек весело поддерживал разговор. Лошади бодро трусили по дороге, позвякивая уздечками. Так они ехали, два старика, и беззаботно беседовали, а над их головами загорались первые звезды.

Увлекшись разговором, Улугбек не сразу расслышал торопливый топот копыт за спиною. Слуги давно уже испуганно оглядывались.

Их догнал забрызганный липкой грязью всадник

на мокрой от пота лошади. Видно, он очень спешил. Лицо его было незнакомо Улугбеку. Он никогда не встречал этого человека.

Гонец, не снимая шапки, торопливо сказал, что он послан великим ханом, которого опечалил столь быстрый отъезд мудрого мирзы Улугбека. Такому почтенному и убеленному сединами человеку не подобает путешествовать без свиты, словно простому купцу. Поэтому хан изволил повелеть, чтобы мирза Улугбек тотчас же остановился бы на ночлег в кишлаке, куда его проводит гонец, и там ожидал достойной его свиты, которая вызвала бы одобрение «малых и больших, таджиков и турков».

Улугбек хотел продолжать путь, но гонец схватил его лошадь под уздцы и повел за собой.

Вскоре они въехали в какой-то маленький кишлак. Все уже спали, только собаки хрипло лаяли и завывали за глиняными дувалами. Улугбек слез с лошади и стал стучать в ворота первого попавшегося дома. Долго не открывали, потом в калитке появился испуганный хозяин с фонарем в руке. Разглядев богатую алтайскую шубу Улугбека и всадников на хороших конях, он начал торопливо кланяться и приглашать в дом.

Улугбек вошел в комнату, где тревожно метался на низком столике желтый огонек светильника, гоняя по стенам уродливые тени. Было холодно. Улугбек сказал, чтобы развели огонь и сварили мяса на ужин. Был месяц рамазан, время великого поста, и он ничего еще не ел с рассвета.

Хозяин притащил охапку кривых сучьев, и один из нукеров, оттолкнув его в сторону, начал раздувать огонь в глиняном очаге. Сучки были сырые, разгорались плохо. Из очага с треском вылетали искры. Одна, словно огненная пчела, ужалила Улугбека. Она попала на рукав, сукно задымилось. Улугбек смахнул огонь и непонятно сказал:

— Ты тоже узнал...

Он сказал это почему-то по-турецки: «Сен хем бильдин», — и его понял только хаджа, которому врезалась в память загадочная фраза.

После этого Улугбек стал совсем мрачен. Он устало опустился на подушки и задумался. Тщетно пытался хаджа развлечь его разговором.

Вдруг распахнулась дверь, и порыв ветра едва не задул слабое пламя светильника. Вошли двое. Аббас боялся, что не справится со стариком, и прихватил с собою приятеля.

Улугбек сразу все понял и встал. Когда Аббас подошел к нему, он ударил его кулаком в грудь. Тогда приятель Аббаса бросился на Улугбека и стал срывать с него тяжелую алтайскую шубу.

— Я принесу веревку, держи его, — сказал Аббас и вышел из комнаты.

Хаджа, потерявший всякое соображение с перепугу, зачем-то начал дрожащими руками запирать за ним дверь на цепь. Приятель Аббаса подошел и отшвырнул его в угол.

В доме было тихо, словно в могиле. Никто из слуг и нукеров Улугбека не появлялся. Они не прибежали на помощь, когда вернувшийся с веревкой Аббас начал связывать Улугбеку руки.

Потом они вытащили старика во двор. Здесь тоже не было ни души. Холодный, резкий ветер раскачивал ветви старых тополей, обрывал с них последние листья. На небе сияли звезды, такие крупные и яркие, какими они бывают только в холодные осенние ночи.

Аббас тянул за веревку связанного Улугбека в угол двора, где тихонько журчал арык. Второй убийца светил им, подняв над головой закопченный тусклый фонарь.

— Здесь, — глухо сказал Аббас.

Он попытался поставить Улугбека на колени. Тот сопротивлялся, как мог. Тогда второй поставил фонарь на землю и бросился на подмогу Аббасу. Вдвоем, тяжело сопя, они опустили Улугбека за плечи на колени. Голову ему пригнули, и второй убийца крепко держал ее, пока Аббас вытаскивал из ножен кривую дамасскую саблю.

Улугбек не мог поднять голову, чтобы в последний раз посмотреть на звезды. Но он видел их отра-

жения в черной воде арыка — неверные, зыбкие, исчезающие. Отражались в ней и блики от фонаря, похожие на рыжеватые струйки крови. Потом в темном зеркале воды блеснуло какое-то новое отражение, — Улугбек не успел догадаться, что это сверкнула сабля, — и больше он уже ничего никогда не видел.

Голова его упала в арык, в холодную осеннюю воду. И к журчанию воды прибавилось другое, едва слышное: это в арык горячим ручейком стекала кровь...

Так оборвался путь Улугбека. Но жизнь не останавливалась, она продолжала свой бег. Светили звезды над Самаркандом, и Али-Кушчи, глядя на них, гадал о судьбе своего учителя.

Смотрел на эти звезды и Абдал-Лятиф из окна дворца. Он не спал и все время ходил из угла в угол, ожидая весточки о возвращении Аббаса. Весть пришла только под утро, и тогда он смог, наконец, спокойно уснуть.

Дальше все уже было для него просто. Через два дня верные люди убили и Абдал-Азиза. Теперь Абдал-Лятиф мог спокойно занять заветный престол. И он начал править Самаркандом, не допуская, как записали историки, «ни уважения к старости, ни снисхождения к молодости».

Для начала были казнены все не успевшие скрыться куда-нибудь нукеры Улугбека. Потом строгой проверке подверглись эмиры, и тех, кто казался опасным, новый правитель предал суду.

Воспрянули духом люди божие — дервиши и суфии. Теперь для них в любое время был открыт путь во дворец. Правитель принимал их ласково и даже сам снисходил до участия в духовных беседах. Например, он показал большую ученость в запутанном споре о том, когда в священной книге корана глагол «делать» применяется в значении «уходить». К полному ликованию сейидов и шейхов, Абдал-Лятиф даже по пятницам сам начал читать в собор-

ной мечети традиционные хутбы, как делали, говорят, только в глубокой древности первые халифы, вознесенные в райские сады за свою великую святость.

Но жизнь продолжалась, и Абдал-Лятиф не продержался и года на престоле, захваченном ценой такого злодейства. Пришла весна. Он часто проводил за пирами ночи в чудесных загородных садах, одевшихся в первую нежную листву. И однажды, когда Абдал-Лятиф, полухмельной, возвращался на рассвете после пирушки в город, его подстерегли нукеры Улугбека, пожелавшие выполнить все тот же закон шариата: «Кто будет убит несправедливо, за того право мести мы предоставили родственнику его...» А нукеры приравнивались шариатом к родственникам.

Они ждали, притаившись в кустах у стены Чинарового сада. Когда на дороге показался правитель в сопровождении дремлющих в седлах после попойки прислужников и вельмож, самый меткий нукер натянул тугую тетиву лука. Пронзительный свист стрелы заглушил на мгновение веселое щебетанье проснувшихся птиц.

Абдал-Лятиф схватился за грудь, простонал сквозь зубы:

— Аллах, стрела попала... — и медленно сполз с седла на землю, в дорожную серую пыль.

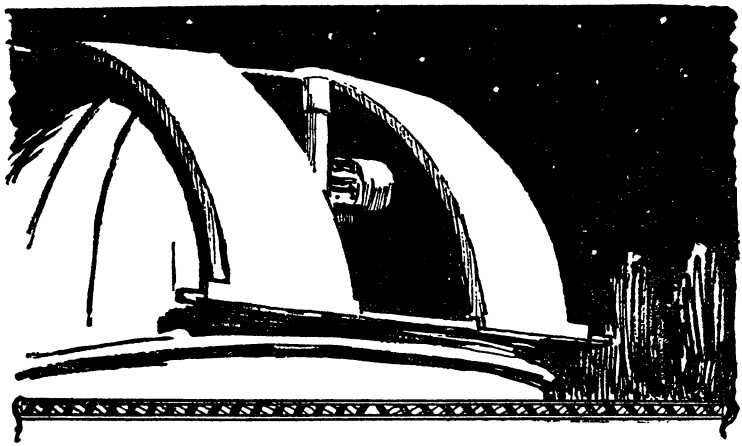
Все его вельможи разбежались. Заговорщики отрезали ему голову — для этого был шариатом разработан определенный церемониал, — и в тот же день она повисла над входной аркой медресе Улугбека.

Правителем был провозглашен молодой Абдулла, племянник и зять покойного Улугбека, освобожденный из темницы. Он приказал взять тело Улугбека из медресе, где оно было тайком погребено друзьями, и перенести в мавзолей Гур-Эмир.

Улугбека похоронили в небольшой нише, в ногах у Тимура. Над его гробницей положили плиту из серого мрамора и написали на ней:

«Эта светоносная могила, эта недостигаемая гроб-

ница есть место последнего успокоения государя, нисхождением которого услаждены сады рая, осчастливлен цветник райских обителей, — он же — прощенный султан, образованный халиф, помогающий миру и вере, Улугбек-султан, — да озарит аллах его могилу! — счастливое рождение которого совершилось в месяцы 796 года в Султании; в месяце же зу-л-хидже 810 года в «городе Безопасности», в Самарканде, он стал полновластным в наместническом достоинстве; подчиняясь же приказанию аллаха — «каждый плывет до назначенного ему срока», когда время его жизни достигло до положенного предела, а предназначенный ему судьбою срок дошел до грани, указанной неумолимым роком, — его сын совершил в отношении его беззаконие и поразил отца острием кинжала, вследствие чего тот принял мученическую смерть, направившись к дому милосердия своего всепрощающего господа, десятого числа месяца рамазана 853 года пророческой хиджры».



ЗВЕЗДА УЛУГБЕКА

*«Првемникам серьезно дело вручаю.. » **

Звезда Улугбека закатилась...

И по воле истории вслед за ним все участники трагедии покидают сцену, уходят в небытие. Погибли оба сына Улугбека. Убита его мать Гаухар-Шад, заварившая всю эту гибельную смуту: на старости лет она пыталась втянуть в свои интриги и правнука, сына Аллаудавлы. И эта интрига стала последней в ее долгой и беспокойной жизни.

Недолго продержался на престоле в Самарканде и Абдулла. В 1451 году его сверг и убил ставленник Хаджи Ахрара Абу-Саид.

И, как полагается во всякой настоящей трагедии,

* Эти слова написаны над портретом Улугбека на гравюре XVII века по-латыни: «Successoribus Rem serio commendo».

после ухода героев происходит и полная перемена декораций.

Абу-Саид поспешил вернуть из Ташкента Хаджу Ахрара и других самых реакционных и ожесточенных шейхов. В Самарканде воцарились фанатичные дервиши. На всех минаретах вопили азанчи, требовательно созывая правоверных на молитвы.

Громадная империя, построенная Тимуром на костях покоренных народов, рушится окончательно. Даже корень и основа ее—Мавераннахр превращается в хаос враждующих между собой уделов. «Самое удивительное, — меланхолически записывали тогда историки в своих хрониках, — что каждая из крепостей, которая находилась в этой стране, была во владении какого-нибудь главаря... и никто из них никому не подчинялся...»

В это смутное время никому, конечно, не было никакого дела до обсерватории Улугбека. Опустели ее худжры и просторные залы. Разбежались наблюдатели. Здание медленно разрушалось. Во время боев за Самарканд в нем устраивались на ночлег воины, жгли костры на мраморных плитах. Крестьяне из окрестных кишлаков потихоньку растаскивали приборы, и бесценные инструменты под молотками кузнецов превращались в подковы, кетмени и кинжалы...

Хаджа Ахрар становится тайным, но полновластным хозяином Самарканда. Будут меняться на престоле послушные ему правители, но он проживет еще долго — ведь тихая, мирная жизнь и духовные занятия укрепляют здоровье. Богобоязненные суфии станут в своих книгах писать об этом так:

«Могущественные государи, пышностью и великолепием окруженные цари — все опоясали чресла поясом исполнения распоряжений хаджи и вдели в уши кольца старательного послушания ему, и, несмотря на царскую корону и царский пояс, подобно слугам, пешие бежали у стремян его, и за малейший проступок, учиненный его слугами, он лишал их царства, богатства, даже благополучия и жизни, и наказанные служили примером миру. Совершенством

силы подчинять себе волю людей и мощью святости наружно и духовно он придержал народ в подчинении себе...»

Больше историкам ничего не останется описывать. Перестанут встречаться в хрониках имена ученых и крупных поэтов — их нет больше в Самарканде. Город запустеет и придет в такой упадок, что даже поклонник Хаджи Ахрара поэт Джами с горечью скажет в одном из стихотворений:

Если хочешь видеть богатство — иди в Индию.
Если ищешь благочестия — ступай в Мекку.
Если не хочешь видеть ни того, ни другого —
оставайся в Самарканде...

Факел культуры история перенесет вскоре в Герат, где уже начинает слагать свои первые поэмы великий Алишер Навои...

Имя Улугбека старались предать забвению. Холм Кухак стал проклятым местом. Его снова опасливо обходили. Только совы перекликались по ночам среди развалин, быстро зараставших бурьяном.

Место астрономии снова прочно занимает изгнанная было Улугбеком астрология. Колдуны начнут вызывать дожди с помощью волшебного камня — нефрита. Астрологи обнаглеют до того, что даже попытаются предсказывать будущее по... «Звездной книге» Улугбека!

Один Али-Кушчи оставался верен своему учителю и другу. Лишенный всяких инструментов для наблюдений, запершись в полутемной худжре медресе, он продолжал научные труды и даже собрал вокруг себя несколько учеников. Ему приходилось слышать немало насмешек и прямых угроз. Однажды, когда он проходил по улице со своими учениками, его увидел Хаджа Ахрар и зловеще сказал:

— Вот идет пес с девятью щенками...

Али-Кушчи нелегко было запугать. Но ведь в его руках оставалось сокровище, которое он ценил дороже собственной жизни, — «Звездная книга». Если она погибнет, погибнут все труды Улугбека, все бессонные ночи и тысячи наблюдений пропадут впустую. Разве можно допустить это?

И Али-Кушчи решил покинуть Самарканд. Предлог был испытанный, безотказный: поездка на поклонение в Мекку. Ведь ее должен совершить каждый мусульманин, если хочет спасти свою душу и попасть в райские сады Эдема.

Он выехал из Самарканда под вечер. За мостом, поднявшись на Афросиаб, Али-Кушчи остановил своего ишака и долго смотрел на город, багровый в лучах заката, словно залитый кровью. Слезы застилали ему глаза. Здесь прошла вся его жизнь. Здесь вкусил он радости и тревоги познания — и вот теперь приходилось бросать все, уходить на чужбину и там заново начинать жизнь.

И еще одну остановку сделал Али-Кушчи, прощаясь с прошлым. Он поднялся на холм Кухак и, уже в темноте, спотыкаясь о камни, пробрался в здание обсерватории. Вспугнутые шумом, тревожно метались летучие мыши, обдавая лицо порывами сырого, затхлого воздуха. Сквозь проломы крыши ярко сверкали звезды.

— Где твоя звезда, Улугбек? — тихо спросил в темноте Али-Кушчи.

Он ехал долго. Опасаясь погони, отдыхал обычно не в людных караван-сараях, а где-нибудь в тихом дворике попутного кишлака. Ни с кем не заговаривал, на расспросы отвечал скупо и осторожно, одевался как можно беднее, чтобы не привлекать внимания лихих людей, которых немало бродило по дорогам в то смутное время. С рукописью Улугбека он не расставался ни днем, ни ночью, даже хранил ее не в переметных сумах, а на груди, под халатом.

Али-Кушчи благополучно добрался до Константинополя. Здесь он закончил обработку всех наблюдений и напечатал полностью «Звездные таблицы» с предисловием Улугбека.

Труды Улугбека не пропали. Они сохранились для науки. И вскоре их по достоинству оценил ученый мир.

«Звездной книгой» пользовались мореходы и путешественники. Ее внимательно изучали во многих

обсерваториях, поражаясь полноте и точности наблюдений.

Вскоре после гибели Улугбека визирем при дворе Султан-Хуссейна, правившего после Шахруха в Герате, стал великий узбекский поэт Алишер Навои. Он приказал тщательно переписывать таблицы и распространять по всем подвластным ему землям. А о творце их Навои сказал с мудрой прозорливостью:

«Все его сородичи ушли в небытие. Кто о них вспоминает в наше время? Но он, Улугбек, протянул руку к наукам и добился многого. Перед его глазами небо стало близким и спустилось вниз.

До конца света люди всех времен будут списывать законы и правила с его законов...»

Это сказано не только мудро, но и смело. Тимур был, конечно, уверен, что его слава переживет столетия. Но вот прошло только полвека, и Алишер Навои осмеливается сказать, что все сородичи Улугбека ушли в небытие. «Кто о них вспоминает в наше время?» Все — это значит и Тимур, и Шахрух, и десятки других, жадно мечтавших о власти и славе. Неугасно сияет только звезда Улугбека, приблизившего небо к земле.

Пророчество это не преминуло оправдаться. За несколько десятилетий таблицы Улугбека обошли весь мусульманский мир. Когда в начале XVIII века индийский астроном Савой Джай Синг задумал создать у себя на родине хорошую обсерваторию, образцом он взял «звездный дворец» на холме Кухак, отмечая в своих записях:

«В мире ислама со времени покойного мученика султана Мирзы Улугбека до настоящего времени на протяжении более чем трехсот лет никто из высокославных султанов и именитых и высокостепенных людей на такое дело не обращал должного внимания...»

В обсерватории Савой Джай Синга применялись многие инструменты, изготовленные по образцам самаркандских, описанных в трактате Гийасаддина-Джемшида. Действовал тут и секстант, но, конечно, не таких исполинских размеров, как в обсерватории

Улугбека. И таблицы, составленные здесь, не могли идти ни в какое сравнение со «Звездной книгой» ни по своей полноте, ни по точности наблюдений. Интересно, что эти таблицы даже точно повторяли книгу Улугбека по своей композиции: им предшествовало введение, разбитое на четыре части, и материалы в каждой главе рассматривались в том же порядке, как и в «Звездной книге».

Позднее Савой Джай Синг организовал подобные же обсерватории и в других городах Индии: в Бенаресе, Муттре, Джейпуре и Уджаине. Многие инструменты в них уцелели до наших дней и помогли исследователям представить, как была устроена обсерватория Улугбека.

Слава о самаркандском «Дворце звезд» докатилась и до Китая. Об этом сохранилось любопытное свидетельство миссионера-иезуита отца Гобиля. В начале XVII века он жил в Китае и, увлекаясь наукой, принял участие в строительстве обсерватории в Пекине. Он познакомился с трудами китайских астрономов и записал в своем дневнике:

«...Ламы и тибетские жрецы имеют древние книги по астрономии. Все, чему китайцы научились в области этой науки, пришло к ним с запада, из окрестностей Самарканда».

Тут, конечно, есть некоторое преувеличение. Отец Гобиль противоречит самому себе: ведь он же сам упоминает «древние книги по астрономии», существовавшие в Китае. Наблюдение за небесными светилами велось здесь уже очень давно — за тысячи лет до нашей эры. Но и в этой стране древнейшей высокой культуры труды Улугбека открыли астрономам, как видим, немало нового.

Уже с XVII века о «Звездной книге» с восхищением заговорили ученые Европы. Ее переводят и издают в Лондоне и в Париже. Только в Англии она трижды переиздавалась за пятнадцать лет. Знаменитый ученый Лаплас, ознакомившись с таблицами, назвал Улугбека «величайшим наблюдателем».

Сохранились любопытнейшие старинные гравюры, красноречивее всяких слов свидетельствующие об этой

поистине всемирной славе Улугбека. На одной из них изображена богиня Урания, муза — покровительница астрономии, в окружении мудрейших ученых. Среди них, вместе с Гиппархом, Птолемеем, Тихо Браге, Коперником и другими, стоит и Улугбек. Он в совершенно условной «мусульманской» одежде, лицо его не имеет, конечно, никакого портретного сходства. Это и неудивительно: нет ни одного портрета Улугбека, и только недавно, благодаря работам советского ученого-скульптора М. М. Герасимова, о которых будет рассказано дальше, мы получили чудесную возможность воочию увидеть Улугбека и других великих людей прошлого.

На второй аллегорической гравюре того же XVII века шесть крупнейших астрономов всех времен и народов сидят за столом. И самое почетное место, по правую руку от богини Урании, занимает Улугбек. На табличке над его головой написано по-латыни: Successoribus Rem serio commendo» — «Преемникам серьезно дело вручаю...»

И преемники надежно взяли труды Улугбека в свои руки. Его «Звездные таблицы» стали не только важнейшим научным пособием для обсерваторий, но и образцом точности наблюдений.

Прошли века, но они не потеряли своей ценности и до сих пор. Прав был стократ Улугбек, когда сказал: «Религии рассеиваются, как туман. Царства разрушаются. Но труды ученых остаются на вечные времена!»

Уже первый звездный каталог, составленный Гиппархом, помог открыть прецессию. А ведь промежуток между предыдущими наблюдениями тогда был совсем невелик, всего полтора столетия — ничтожный миг по сравнению с теми глыбами времени, какими оперирует астрономия.

Составить каталог подсказало Гиппарху, как уже рассказывалось, внезапное появление новой звезды на небосклоне. Она проблистала недолго и снова скрылась из глаз. Потом подобные случаи отмечали не раз и другие астрономы. Сравнение их наблюдений с каталогами Гиппарха и Улугбека помогло ученым раз-

гадать, наконец, тайны «новых» звезд. Оказалось, что они вовсе не новые. Они светили на небе и раньше, только гораздо слабее. А становились заметными глазу эти звезды в тот момент, когда их яркость внезапно увеличивалась — порой даже в четыреста тысяч раз! И тогда наблюдателям казалось, будто они присутствуют при рождении новой звезды. Теперь мы знаем, что такое резкое увеличение яркости вызывается внезапным расширением звездных оболочек. Звезда как бы обновляет свои огненные покровы. А без неусыпных трудов Улугбека и других астрономов, ночь за ночью следивших за звездами, мы даже не догадывались бы об этом.

Четвертого июля 1054 года китайские летописцы отметили удивительное событие:

«В первый год правления Чи-хо, в пятую Луну, в день Чи-чу появилась звезда-гостья к юго-востоку от звезды Тиен-Куан и исчезла более чем через год...»

Звезду Тиен-Куан мы теперь называем Дзетой Тельца. Но что же это была за «звезда-гостья», появившаяся и исчезнувшая к юго-востоку от нее? Теперь в этом месте находится большая туманность, которую астрономы за ее причудливую форму назвали Крабовидной.

Ученые заинтересовались старинной летописью и начали внимательно исследовать Крабовидную туманность. Они подметили поразительный факт: оказывается, туманность непрерывно заметно расширяется во все стороны от своего центра, где едва блестят две крошечные звездочки. И скорость этого расширения такова, что началось оно, видимо, как раз в то самое время, когда удивленно смотрели на небо китайские летописцы! Они стали свидетелями грандиознейшего события, исполинской катастрофы в далеких звездных мирах: внезапная вспышка звезды породила новую туманность, масса которой, по расчетам ученых, в пятнадцать раз превосходит солнечную!

Так, сами того не зная, древние любознательные наблюдатели положили начало новой отрасли астрономии, которая быстро развивается в наше время, —

изучению «сверхновых» звезд, как их теперь называют.

Для изучения звезд очень важно, чтобы наблюдения охватывали возможно большие промежутки времени. Только тогда удается подметить медленные перемены в видимом положении звезд на небе. Поэтому таблицы Улугбека, в которых с большой точностью отмечено то положение многих звезд, каким оно было свыше пяти столетий назад, имеют для современной науки громадное значение.

Без таких каталогов, навсегда запечатлевших для науки положение звезд в различные эпохи, мы вообще бы не смогли изучать движение небесных тел. Мы даже не заметили бы за ту короткую жизнь, какую нам отпустила природа, что не только планеты, но и звезды меняют свои места. Сравнив собственные наблюдения с таблицами Гиппарха, английский астроном Галлей заметил, что одна из звезд Волопаса передвинулась за восемнадцать с половиной веков на весьма приличное расстояние, почти вдвое превышающее видимый с Земли диаметр Луны.

А другой английский астроном, Гершель, пользуясь каталогами Гиппарха и Улугбека, разделенными между собою шестнадцатью столетиями, впервые смог неоспоримо доказать, что и Солнце, а вместе с ним и вся наша планетная система непрерывно и безостановочно движутся в направлении к созвездию Геркулеса.

«Звездная книга» не стареет. Ее ценность все возрастает с течением времени. Недаром ее заново переиздают и в наши дни. И кто может сейчас угадать, какие замечательные открытия она еще наверняка подскажет астрономам грядущих эпох?!

Но о том, как она создавалась, люди постепенно забывали. Тогда-то и начали рождаться легенды, в которых Улугбек стал постепенно превращаться в некоего ученого-идеалиста, далекого от всех страстей и треволнений мира сего.

Шли века, и действительные исторические события подменялись фантастическими легендами и суеверными небылицами. Здание обсерватории давным-давно

разрушилось до основания, и к XIX веку никто уже не знал толком, где оно находилось. Начали даже сомневаться, существовала ли обсерватория Улугбека на самом деле? Может быть, ее выдумали летописцы?

Исследования осложнялись тем, что до присоединения к России города Средней Азии оставались запретными для европейцев. Многим попытки проникнуть сюда даже стоили жизни. Русского ученого Эверсмана, побывавшего в Бухаре в 1820 году с посольством, спасло только поспешное бегство через пустыню. В 1823—1824 годах здесь побывали англичане Муркрафт и Дэври. На обратном пути они были отравлены, а дневники их наблюдений бесследно исчезли.

В 1837 году в Самарканде побывал английский разведчик А. Бернс. Он привез сведения, будто обсерватория Улугбека находилась в самом городе, на главной базарной площади — Регистане. Как потом выяснилось, за остатки обсерватории Бернс ошибочно принял провалившийся главный купол мечети при медресе Тилля-Кори, построенного на Регистане рядом с медресе Улугбека, но уже гораздо позднее.

Ту же ошибку повторил венгерский ученый Арминий Вамбери, проникший в 1863 году в Самарканд под маской бродячего дервиша.

Только после присоединения Средней Азии к России началось изучение исторических памятников. Стали искать и остатки обсерватории Улугбека. Долгое время поиски были безуспешны. Среди местных жителей сохранились предания, что обсерватория стояла на холме Кухак, который по-старому называли «Могилой сорока дев». Но к этим преданиям не прислушивались внимательно, пока археолог В. Л. Вяткин не заинтересовался одним примечательным вакуфным документом, относящимся еще к середине XVII века.

Каждая мечеть, медресе или мавзолей какого-нибудь мусульманского «святого», как уже рассказывалось, существовали за счет доходов от земель, которые вместе с обрабатывавшими эти поля крестьянами были пожертвованы им во временное или даже вечное пользование. Это и называлось вакфом. И вот

В. Л. Вяткин обратил внимание, что в одной из таких дарственных вакуфных грамот упоминалась местность Накши-джехан по арыку Оби-Рахмат и какой-то Тали-расад; в переводе это значило «Холм обсерватории».

Накши-джехан и канал Оби-Рахмат — ведь это же ближайшие окрестности Самарканда! Рядом расположен холм Кухак. Может быть, он и есть действительно тот самый загадочный «Холм обсерватории»?

Вяткин обследовал Кухак. Тут явно стояли прежде какие-то здания: поверхность холма была неровной, в земле попадались кирпичи и осколки цветных изразцов. От местных жителей Вяткин услышал и другое название холма, прошедшее сквозь века: Пои-расад («Подножие обсерватории»).

Опять упоминается обсерватория! Это не могло быть случайным совпадением.

Вяткин решил провести здесь раскопки. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии по настоянию крупнейшего востоковеда В. В. Бартольда отпустил для этого восемьсот рублей.

Раскопки начались в 1908 году. От краев верхушки холма к центру стали копать траншеи. И сразу же наткнулись на фундамент из каменных глыб, скрепленных цементом. Потом обнаружили лестницу, уходившую куда-то под землю. Она была завалена камнями. Когда их разобрали, глазам археологов открылась глубокая узкая галерея, прорубленная в толще скалы. Это были остатки чудом уцелевшего изумительного главного инструмента обсерватории. Их спасло лишь то, что они прятались под землей.

Раскопки продолжались два года. Расчистив поверхность холма, Вяткин пытался вообразить облик разрушенных зданий. Ему казалось, что их тут стояло несколько. Обнаружив в одном месте фундамент в виде четырехугольника, он принял его за остатки минарета.

Удалось найти следы круглой стенки. По мнению Вяткина, она служила так называемым «горизонтальным кругом», которым обычно пользовались в те времена для определения азимутов небесных светил. Это мнение разделяли с ним долгое время многие другие

исследователи, хотя ошибочность его была очевидна. Из исторических источников астрономы знали, что в XII веке в Египте был сделан из бронзы подобный круг диаметром в пять метров и пользоваться им оказалось невозможным: он из-за собственной тяжести давал такие прогибы, что ошибка при наблюдениях составляла несколько градусов. А диаметр круглой стены, остатки которой раскопал Вяткин, достигал почти сорока восьми метров! Не мог же Улугбек с таким инструментом добиваться столь поразительной точности наблюдений.

Но заблуждение оказалось живучим и сбивало с толку многих до недавнего времени, пока, наконец, не удалось разобраться в назначении загадочного круга: он просто-напросто был остатками стены самого здания обсерватории.

Были также найдены медные монеты, совершенно окислившиеся и потемневшие за долгое пребывание в земле; черепки белой посуды явно времен Тимура и странные плоские мраморные плиты с желобками и буквами. Буквами на них были обозначены цифры «6» и «9». Озадачили Вяткина загадочные чаши, черепки которых во множестве попадались при раскопках. Чаши все были, видимо, одинаковые, — грубой работы, довольно крупные, с зеленой обливкой внутри. Как ни гадал археолог, назначение их оставалось для него непонятным.

Так уже в самом начале исследования остатков обсерватории ученые столкнулись со многими загадками и темными местами. Здание было так варварски разрушено, буквально стерто с лица земли, что восстановить его планировку оказалось не так-то просто. Кое-что остается непонятным и до сих пор.

Особенно много споров и заблуждений вызвал главный инструмент обсерватории. По одной сохранившейся под землей его части не легко представить себе все сооружение в целом. Вяткин принял его за громадный квадрант — прибор для наблюдения за звездами. Его мнение поддержали почти все исследователи, и только недавно выяснилось, что оно ошибочно.

Находка Вяткина вызвала огромный интерес. Но дальнейших раскопок произвести не удалось: не хватило для этого средств. Даже на памятник Улугбеку, который решили воздвигнуть по предложению Русского астрономического общества, пришлось собирать деньги по подписке среди «доброхотных жертвователей».

Памятник тогда так и не был построен. Собранные для него деньги затратили на то, чтобы расчистить круглую площадку на вершине холма, и в 1915 году установили над остатками главного прибора сводчатый кирпичный футляр, чтобы предохранить его от дальнейшего разрушения.

Между тем устройство обсерватории оставалось совершенно неясным. Выдвигались самые различные гипотезы, одна фантастичнее другой. Один из исследователей так представлял себе общий вид обсерватории:

«Над холмом... видны два минарета, наклоненные внутрь. От северного минарета спускается мраморная дуга в четверть круга радиуса в 19 сажен, нижняя часть которой исчезает в выемке — прорези холма... Минареты находятся в южной и северной части стены диаметра около 20 сажен, с семью башнями на ней для второстепенных наблюдений...»

На вопрос, откуда ему все так хорошо известно, автор этой гипотезы отвечал:

— Остатки стены найдены, а о семи башнях есть предание.

Другие пытались разгадать назначение странных чаш, найденных при раскопках. По их мнению, они служили уровнями при установке частей инструмента в горизонтальной плоскости. Для этого в чаши наливали воду или даже ртуть. Забегая вперед, скажем, что при более тщательном рассмотрении загадочные чаши оказались... самыми обыкновенными бадейками, в которых местные мастера-строители чуть ли и не по сию пору разводят цементный раствор.

В 1914 году В. Л. Вяткин попытался продолжить раскопки. Они велись недолго и не дали особо ощутимых результатов. Интерес представляли лишь най-

денные мраморные плиты — видимо, остатки каких-то инструментов. На них сохранились желобки и кружки с буквенными обозначениями градусов.

Это было, конечно, слишком мало для каких-либо выводов. И в 1917 году, заканчивая свою замечательную по богатству собранного буквально по крупицам из старых летописей материала монографию «Улугбек и его время», В. В. Бартольд почти ничего не мог сообщить достоверного о научных исследованиях в обсерватории. Настоящее, глубокое изучение научной деятельности Улугбека началось только после революции. Были проведены тщательные раскопки, давшие немало нового ценного материала.

Летом 1941 года на холме Кухак работал отряд Самаркандской комплексной археологической экспедиции, которую возглавлял ученик Вяткина — М. Е. Массон. Была вскрыта вся восточная половина площади внутри стенки, принятой в свое время Вяткиным за остатки горизонтального круга. Но работы прервала начавшаяся война.

После войны важные открытия были сделаны даже без дополнительных раскопок, при более глубоком изучении и переосмыслении прежних материалов. Научный сотрудник Ташкентской обсерватории Г. Ж. Джалялов в 1947 году выступил с интересным докладом на сессии Академии наук Узбекистана. Ссылаясь на мусульманскую литературу средних веков по астрономии и математике, он заявил:

— Главный инструмент обсерватории Улугбека был не квадрантом, как ошибочно принято считать, а гигантским секстантом. Этот прибор изобрел еще в десятом веке ходжендец Абу-Мамуд Хамид бин ал-Хызр ал-Худжанди, работавший при дворе правителя Фахр-ад-дауля. Инструмент был назван «судс-ал-Фахри». Им пользовались во всех обсерваториях Востока, и описание его сохранилось во многих рукописях.

В доказательство своего мнения молодой ученый приводил трактат Гийасаддина-Джемшида, которым, несомненно, руководствовался Улугбек. С волнением

слушали участники сессии строки, которым некогда внимал и великий астроном, обдумывая свой замысел:

«Трактат об астрономических инструментах.

Во имя аллаха, милостивого, справедливого. Хвала аллаху, властителю миров, лучшему из сотворенных — Мухаммеду и его семейству, превосходнейшему, чистейшему!

Этот трактат об астрономических инструментах составлен по приказанию государя ислама, повелителя семи климатов, тени аллаха на земле, победителя на воде и на суше, султана султанов мира, защитника и покровителя рода Адама, руководителя дел мусульман, клиента эмира правоверных Васика би-л-аллахи, величайшего султана Искандера, да продлит всевышний аллах его царство, наместничество и власть, и да будут вечными в мирах его справедливость и благодеяния...»

Султан Искандер, которого с такой привычно-ленивой пышностью величают во вступлении к трактату, — это, видимо, двоюродный брат Улугбека, недолго правивший в Фарсе и Исфагане. Именно оттуда и перебрался в Самарканд Гийасаддин.

Мнение Джалялова поддержал и подробно обосновал в своем труде «Астрономическая школа Улугбека» действительный член Академии наук Узбекистана Т. Н. Кары-Ниязов. Он использовал в своей монографии и последние данные раскопок, проведенных в 1948 году специальной экспедицией под руководством В. А. Шишкина. Эти раскопки производились особенно тщательно и на большой площади. Теперь удалось окончательно установить, что главным инструментом служил действительно не квадрант, а секстант; причем его конструкция и даже размеры полностью совпадают с теми, какие даны в трактате Гийасаддина. Инструмент явно предназначался для определения таких основных астрономических величин, как наклонение эклиптики, точки весеннего равноденствия и продолжительности года. Можно было с его помощью наблюдать и за движением Луны и планет в момент их прохождения через меридиан.

Положение звезд же, вероятно, изучалось при помощи других, не таких крупных инструментов. Они, к сожалению, не сохранились, но тот же трактат Джемшида дает представление о них. Как именно ими пользовались, можно понять по копиям с них в индийских обсерваториях Савой Джай Синга.

Раскопки 1948 года впервые позволили с достаточной достоверностью восстановить устройство и внешний вид обсерватории, какими они описаны в главе «Башня на холме». Это явно было одно большое круглое здание, хотя многое и поныне остается еще неясным. Пока достаточно определенно мы знаем планировку только одного нижнего этажа. О расположении комнат и приборов в других двух этажах приходится только гадать. Даже не найдено до сих пор никаких следов двери, через которую входили в обсерваторию. А она, конечно, была: не лазали же астрономы в окно!

Но главное установлено бесспорно и твердо: обсерватория Улугбека, несомненно, была самым изумительным научным сооружением из всех, какие только до сих пор известны. Она не имеет себе равных.

И чем больше растет наше восхищение гением ее создателя, тем сильнее нам хочется узнать побольше об этом замечательном человеке. А мы ведь не знаем даже, как он выглядел. Коран запрещал художникам изображать человека, и ни одного портрета Улугбека не существует.

Но современная наука сделала осуществимой и эту, казалось бы, несбыточную мечту: мы получили возможность словно на сказочной машине времени перенестись в глубь времен и своими глазами увидеть великих людей далекого прошлого.

Советский ученый профессор М. М. Герасимов разработал оригинальный и строго научный метод восстановления человеческого облика по костям черепа. Метод неоднократно проверяли специальными опытами и при расследовании некоторых преступлений. Была доказана его большая точность и объективность. После этого М. М. Герасимов успешно восстановил облик различных исторических деятелей: Яро-

слава Мудрого, Андрея Боголюбского, адмирала Ушакова.

Летом 1941 года специальная комиссия вскрыла гробницы Тимура, его сыновей и внуков в мавзолее Гур-Эмир. С особым волнением склонились ученые над могилой Улугбека.

Настал момент проверить все легенды и показания старинных хроник. Правдивы ли они? Может быть, никто не убивал Улугбека, а умер он своей смертью?

Осторожно приподняли клиньями и сдвинули в сторону тяжелую плиту из грубого серого мрамора... И сразу все насторожились: когда вскрывали могилу Тимура, под низкими сводами склепа распространился резкий, опьяняющий запах камфары и каких-то других неведомых ароматных смол. А теперь ничего подобного не произошло. Видимо, тело Улугбека не подвергалось бальзамированию.

В мраморном саркофаге лежал скелет, покрытый тонкой полуистлевшей тканью черно-синего цвета. Под нею оказалась другая, золотисто-коричневая. На скелете сохранились остатки рубашки, перехваченной по поясу широкой шелковой тесьмой с рисунком из белых и голубых квадратиков.

Это уже было немаловажное свидетельство. По правилам шариата, всякого мусульманина, погибшего от вражеской руки (но не в бою), следовало погребать именно в той самой одежде, в какой его настигла смерть. Так и погиб Улугбек, и тело его было ни обмыто, ни переодето для похорон...

Останки великого ученого лежали в гробнице на спине, с приподнятым при помощи особой земляной подкладки левым плечом — этого тоже требовали правила шариата. Голова покоилась на груди покойного: она была отрублена. На одном из позвонков сохранился отчетливый след удара острым клинком.

В протоколе осмотра профессор Герасимов записал:

«Рассматривая следы среза и пытаясь определить, как и каким орудием возможно было одним ударом отделить голову от торса, я установил следую-

щее. Только удар громадной силы и опыта, удар секущий, с оттяжкой, а не прямой, мог дать такой эффект. Нанесен он был справа налево по отношению к жертве, то есть убийца стоял перед поверженной на колени жертвой. Чуть заметная вибрационная волна среза через тело позвонка свидетельствует о том, что клинок был очень тонок, а удар очень силен. Вероятнее всего, это был клинок восточной сабли...»

Итак, хроники и предания не лгали. Они оказались точными и правдивыми даже в малейших деталях. Великий ученый был действительно подло, злодейски убит «сильным и опытным» палачом.

По черепу Улугбека профессор Герасимов восстановил его скульптурный портрет. Мы получили возможность увидеть «величайшего наблюдателя», каким он был в последний миг своей жизни. Глубоко запавшие глаза, все лицо изрезано морщинами. Нелегкую жизнь довелось ему прожить. Он был невысок ростом, суховат лицом и телом, видимо, хрупок и слабосилен. Тревоги царствования на престоле, который так многие жаждали у него отнять, и бессонные ночи в обсерватории еще сильнее подточили его слабое здоровье.

Погиб Улугбек на пятьдесят шестом году жизни. Но на вид это уже был совсем одряхлевший, усталый и больной старик. Особенно это заметно при сравнении скульптурных портретов Улугбека и Тимура, сделанных Герасимовым. «Железный хромец» и в семьдесят с лишком лет выглядел моложе своего великого внука.

После изучения останки Улугбека снова были бережно уложены в саркофаг и теперь покоятся под сводами Гур-Эмира.

А на холме Кухак, неподалеку от прикрытых каменным футляром остатков обсерватории, ныне установлен монумент Улугбеку. Его славное имя присвоено обсерватории в узбекском городе Китабе. Ее работы имеют особое и весьма важное значение для науки. Здесь узбекские и русские астрономы наблюдают за изменениями географических широт и долгот. Подобных обсерваторий всего пять на земном

шаре. Все они расположены на одной и той же параллели — 39 градусов 8 минут северной широты, иначе их данные невозможно бы оказалось сравнивать.

Заметить смещение полюсов земного шара, а следовательно, и географических широт и долгот можно, только совершенно точно засекая момент, когда определенная звезда пройдет над меридианом обсерватории. Такие наблюдения ведутся каждую ночь, месяц за месяцем, год за годом. И на рабочих столах астрономов Китабской обсерватории имени Улугбека лежат звездные таблицы, которые составлял пять столетий назад замечательный ученый. Они помогают нам отвоевывать у природы все новые и новые тайны.

Порой в поле зрения телескопов попадает яркая звездочка, бороздящая небо над Китабом, над старым холмом Кухак и голубым куполом Гур-Эмира, под сводами которого вечным сном спит Улугбек. Весь мир всколыхнуло появление на небе этой новой звезды, созданной руками советских ученых, инженеров, рабочих. И среди тех, кто проложил первым искусственным спутникам путь среди звезд, мы с благодарностью называем и Улугбека. Есть доля и его трудов в этом историческом научном подвиге!

А советские ракеты уже мчатся еще дальше в небо — к Луне, к Солнцу, в бездонные глубины космоса. Мы все живем в ожидании того совсем близкого часа, когда вслед за ракетами-разведчицами отправятся в первый полет и межпланетные корабли с людьми. Они понесут наш вымпел в просторы вселенной. И кто знает, может быть, скоро какая-нибудь звезда, или лунный кратер, которого никогда прежде не могли увидеть люди, потому что он прятался на другой стороне вечной спутницы нашей Земли, или даже какое-то море на иной, еще неведомой нам далекой планете будет названо именем Улугбека...

Нет, звезда Улугбека не гаснет! Она разгорается все ярче и будет вечно сиять в веках!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЛУГБЕКА

1394, 22 марта — во время военного похода, в Султании, родился Мухаммед-Тарагай, прозванный впоследствии Улугбеком.

1404 — перед походом в Китай Тимур назначает юного Улугбека правителем Ташкента и Моголистана.

1409 — Улугбек становится правителем Мавераннахра.

1417 — строительство медресе в Бухаре, над воротами которого Улугбек повелел написать: «Стремление к знанию — обязанность каждого мусульманина и мусульманки».

1420 — окончание строительства медресе в Самарканде.

1427 — неудачный военный поход на север. Кочевые узбеки в ответ опустошают Мавераннахр и едва не захватывают Самарканд.

1428—1429 — строительство обсерватории на холме Кухак. Начало наблюдений за звездами.

1437 — год, из которого исходил Улугбек при вычислении в «Звездных таблицах».

1442 — посещение обсерватории матерью Улугбека и историком Абдар-Раззаком, оставившим краткое описание здания.

1449, 27 октября — трагическая гибель Улугбека от руки убийцы.

БИБЛИОГРАФИЯ

К сожалению, труды самого Улугбека до сих пор не переведены на русский язык. Можно познакомиться только с литературой о великом ученом:

В. В. Бартольд, Улугбек и его время. По богатству охваченного материала это самое важное исследование жизни Улугбека Но в нем почти совершенно не освещено главное — его научная деятельность. К тому же эта монография вышла в небольшом количестве экземпляров в 1918 году и давно уже стала библиографической редкостью.

Т. Н. Кары-Ниязов, Астрономическая школа Улугбека. В книге впервые подробно рассмотрены научные труды Улугбека. Изложены научные вопросы довольно специально, требуя от читателей определенного уровня астрономических и математических знаний.

В. А. Шишкин, Обсерватория Улугбека и ее исследования. В сборнике «Труды института истории и археологии АН УзССР». 1953 год, т. 5. Полный и обстоятельный отчет о всех раскопках, которые велись с 1908 по 1948 год на холме Кухак. Приложена статья архитектора В. А. Нильсена о методах реконструкции здания обсерватории.

«История Узбекской ССР», т. I, 1955 г.

М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу. М., 1949 г. Книга содержит отчет о вскрытии погребения Улугбека и дает понятие о тех научных методах, на основе которых удалось воссоздать облик великого астронома.

Это, конечно, лишь основные и наиболее полные работы о жизни и научной деятельности Улугбека. Другие книги, выходившие до раскопок 1948 года, теперь устарели и дают неправильное представление об устройстве обсерватории.

ОБ АВТОРЕ

Глеб Николаевич Голубев родился в 1926 году в городе Калинине. Печататься начал с 1946 года. Окончил сценарный факультет Института кинематографии. Много ездил по стране, работая несколько лет специальным корреспондентом журнала «Вокруг света». Рассказы и очерки его печатались и в других центральных журналах. Им написаны научно-фантастическая повесть «Золотая медаль Атлантиды» (1956), книги «Необычные путешествия» (1958) и «Неразгаданные тайны» (1960).

СОДЕРЖАНИЕ

Внук Тимура 5
Сын Шахруха 40
Дворцовый плен 55
Дорога к звездам 82
Башня на холме 105
«Звездная книга» 140
Тучи закрывают небо 161
Звезда Улугбека 178
Основные даты жизни и деятельности Улугбека 197
Библиография 198
Об авторе 199

Голубев Глеб Николаевич

УЛУГБЕК

Редактор *Т. Гладков*
Художник *Петр Павлинов*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Л. Кувыркова*

А03617 Подп. к печ. 21/V 1960 г. Бум. 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 6,25(10,25).+7 вкл. Уч.-изд. л 9.7.
Тираж 50 000 экз. Заказ 828. Цена 4 р 85 к.
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

ЖЗЛ

Глеб Голубев

УЛУГБЕК

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Глеб Голубев

УЛУГБЕК

4 р. 85 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ